

222. III 186

~~III 186~~

ТРУДЫ

ВТОРОГО ОБЛАСТНОГО

ТВЕРСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

1903 года 10—20 Августа.

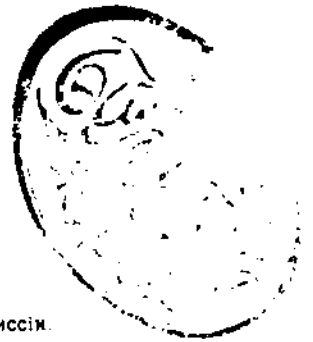
С. 100

Изданіе Тверской Ученой Архивной Комиссіи.

II 2467
10x
106

Тверь.
Типографія губернскаго правленія.
1906.

Печатано по распоряженію Тверской Ученой Архивной Комиссіи 12 іюля 1904 года.

АВГУСТЪ КАЗИМІРОВИЧЪ ЖИЗНЕВСКІЙ.
Устроитель Тверского Музея и Тверской Ученой Архивной Комиссiи.
Родился 28 Августа 1819 г. † 19 Марта 1896 г.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Назначеніе второго областного археологическаго съѣзда въ Твери.	
Изысканіе денежныхъ средствъ. Засѣданіе организаціоннаго Комитета 20 Апрѣля 1902 года. Программа съѣзда. Научныя подготовительныя работы къ съѣзду. Изданія, посвященныя съѣзду. Помѣщеніе для членовъ съѣзда. Составъ съѣзда	I.
Археологическая выставка	VII.
Открытіе съѣзда	XXIII.
Дневникъ съѣзда. Экскурсія. Закрытіе съѣзда	XXXI.

Отдѣлъ I. Первобытныя древности.

Къ исторіи заселенія верхняго Поволжья русскими. А. А. Спицынъ	1.
Матеріалы для археологической карты Костромской губерніи. Н. М. Бекаревичъ	7.
Федовскій могильникъ. Отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ въ 1903 году ин. А. Ширинскимъ-Шихматовымъ	53.
Результаты археологическихъ экскурсій въ Тверской и Ярославской губерніяхъ; могильникъ мѣднаго вѣка въ Зубцовскомъ уѣздѣ Тверской губерніи. Н. Е. Макаренко	63.
О раскопкѣ кургана въ селѣ Рыбинскомъ Бѣжецкаго уѣзда Тверской губерніи, произведенной 1902 года 2—7 сентября. В. Н. Мальновскій	73.
Бто насыпалъ Ярославскіе курганы. И. А. Тихомировъ	87.
О находкахъ подъ г. Ржевомъ каменныхъ орудій эпохъ палеолитической и неолитической. П. Ѡ. Симсонъ	249.
Къ моему изслѣдованію о каменномъ вѣкѣ подъ г. Ржевомъ. П. Ѡ. Симсонъ	257.
Длинные могилы въ Осташковскомъ уѣздѣ Тверской губерніи. В. И. Колосовъ	259.
Городище Топорокъ Тверской губерніи Корчевскаго уѣзда. Ю. Г. Гендуше	261.
Указатель.	

Отдѣлъ II. Областная исторія. Памятники гражданской старины.

Названія озера Селигера въ связи съ вопросомъ о пра-славянской родянѣ. А. И. Соболевскій	1.
Романовскіе мурзы и ихъ служилые татары. И. Я. Гурлинды	5.
Зубцовскія сотницы 7096 и 7104 г.г. С. А. Шумаковъ	17.
О Новгородскомъ и Московскомъ культурномъ вліяніи на Тверь въ эпоху самостоятельности Тверского княжества. Н. Н. Овсянниковъ	29.
Земельныя владѣнія Нагихъ въ Ярославской, Владимірской и Твер- ской губерніяхъ и духовная память Ивана Григорьевича Нагова. А. А. Титовъ	67.
Деньги великаго княжества Тверского. М. В. Рубцовъ	83.
О князьяхъ Муромскихъ, причтенныхъ къ лику святыхъ. Н. Д. Квашнинъ-Самаринъ	315.
О могилѣ Шигоны-Поджогиныхъ въ селѣ Иванишахъ Старицкаго уѣзда. Свящ. А. Ушаковъ	319.
Кто виновенъ въ смерти митрополита Филиппа? В. И. Колосовъ	325.
Къ исторіи Тверского Музея. В. И. Колосовъ	335.
Разборъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Пальмевистомъ о Торжѣ. І. К. Ливдеманъ	347.
Очерки къ исторіи медицины въ Россіи. Тверская губернія въ періодъ врачебныхъ управъ. А. И. Струженскій	375.
Общество землевѣдѣній при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Н. Ѳ. Арешевъ	397.
Раскопки въ Угличскомъ кремлѣ. И. А. Тихоміровъ	401.
Вновь записанныя легенды о Стенькѣ Разинѣ. А. С. Мадуевъ	423.
Леонтій Филипповичъ Магницкій. Прот. Н. А. Бриницкій	433.
Ржевская желѣзная пластинка съ рельефными изображеніями изъ эпохи великаго переселенія народовъ. П. Ѳ. Симсонъ	445.
Раскопки въ Старицѣ 1903 года. А. П. Шебякинъ и И. П. Крыловъ	447.
Указатель.	

Отдѣлы III и V. Живая старина. Областная этнографія.

Изъ міра исчезающихъ обрядовъ и обычаевъ. А. Г. Нервухинъ	1.
Свадебныя причитанья Костромского края со стороны содержанія и формы. В. А. Андрониковъ	33.

III.

Свадебные вѣстьянскіе обычаи, пѣсни и приговоры, записанные въ Рыбинской волости, Бѣжецкаго уѣзда, Тверской губерніи въ 1902 году. В. Н. Мальковскій	93.
Замѣтка о курищемъ богѣ въ Востромской губерніи. Н. М. Бекаревичъ	115.
О народномъ орнаментѣ финскихъ племенъ. Д-ръ А. О. Гейкель.	123.
Указатель.	

Отдѣлъ IV. Областная исторія. Памятники церковной старины.

Тверскіе иконописцы XIX столѣтія и конца XVIII. Свящ. В. И. Некрасовъ	1.
Изъ воспоминаній объ Александрѣ Матвѣевичѣ Бухаревѣ (бышемъ архимандритѣ Феодорѣ). П. А. Илинскій	19.
Протоіерей Феодоръ Феодоровичъ Сидонскій. А. Ф. Селивановъ .	31.
Пресвященный Стефанъ, архіепископъ Суздальскій и Юрьевскій. В. И. Колосовъ	35.
Историко-археологическое изслѣдованіе иконы св. Николая Чудотворца, именуемой по народному преданію «Никола на Бреневѣ» или «Никола Лаптевъ», найденной въ часовнѣ въ селѣ Рыбинскомъ, Бѣжецкаго уѣзда, Тверской губерніи въ 1902 году. В. Н. Мальковскій	45.
Бѣжецкій князь Димитрій Юрьевичъ Красный и его княжеская церковь. Свящ. І. Постниковъ	55.
Благовѣрная княгиня Анна Кашинская. В. И. Колосовъ	81.
Стѣнописныя композиціи въ церковныхъ галлереяхъ г. Ярославля и Борисоглѣбскаго собора. Н. Г. Первухинъ	127.
«Книга драгоценный бисеръ о изряднѣйшихъ вещехъ отъ божественнаго писанія въ братцѣ избрано». Д. И. Скворцовъ .	139.
Преподобный Аркадій, Вяземскій и Новоторжскій чудотворецъ. И. П. Виноградовъ	151.
Свѣдѣніи о рацѣ для храненія мощей св. благовѣрнаго великаго князя Михаила Ярославича, устроенной архіепископомъ Лаврентіемъ въ 1655 году. Прот. Н. А. Крилицкій	161.
Указатель.	

Отделы VI и VII. Архивные Комиссии и Архивостроение.

Официальное назначеніе и научно-историческія задачи Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Комиссій. В. С. Малченко . . .	1.
Къ вопросу о преобразованіи Архивныхъ Комиссій. В. И. Колосовъ . . .	9.
Въ защиту Ученыхъ Архивныхъ Комиссій. Л. М. Савеловъ . . .	13.
Къ вопросу о рациональномъ описаніи древнихъ рукописей. В. Н. Перетцъ	23.
Къ исторіи изученія Тверской губерніи. А. Ф. Селивановъ . . .	31.
Къ вопросу о составленіи архивныхъ описей. І. Д. Преображенскій	39.
Указатель.	

Кто насыпалъ Ярославскіе курганы.

Кто насыпалъ курганы Ярославской губерніи? Это вопросъ далеко не праздный и вовсе не безразличный. Отъ того или иного рѣшенія его зависать многое. Кроме того, вопросъ этотъ такой, который разрѣшить положительно если и возможно, то во всякомъ случаѣ не легко, хотя рѣшеніе его упрощается до нѣкоторой степени сравнительной кратковѣстїю Ярославскаго курганнаго періода. Послѣдній начинается самое большее въ VIII в. по Р. Х., а кончается въ XII в. ¹⁾ занимая такимъ образомъ промежутокъ времени въ 500 лѣтъ. Но такъ какъ со второй половины X в. въ Ростовской области начинается господствовать, — что положительно извѣстно изъ показаній источниковъ, — славянская народность, ея языкъ, нравы и обычаи, то изъ указанного промежутка времени слѣдуетъ выкинуть послѣдніе 200—250 лѣтъ, не могущіе возбуждать сомнѣній ²⁾. Стало быть, темный и потому подлежащими изслѣдованію являются лишь остальные 200—250 лѣтъ отъ начала VIII до половины X в. Промежутокъ небольшой, но за то самый неясный въ мѣстной исторіи ³⁾.

Поставленный мною вопросъ не новъ, онъ вставалъ почти передъ каждымъ изслѣдователемъ прошлаго ярославской земли и каждый изъ нихъ такъ или иначе отвѣчалъ на него. Не стану упоминать о отырыхъ мнѣніяхъ, основанныхъ на догадкахъ, — ихъ неосновательность обнаружилась уже первой научной раскопкой, — отищу лишь позднѣйшія, донынѣ вращающіяся въ наукѣ.

Финны, меря и весь, — уѣзжаютъ одни, мнѣнія которыхъ раздѣляются нѣкоторыми до сихъ поръ ⁴⁾.

¹⁾ Самая ранняя могила, найденная въ Ярославскихъ курганахъ (мнѣю), относится къ 712 году — Василь, самая поздняя Валерта I (1057—1068 г.), вырытая гр. А. С. Уваровымъ при д. Кустеры Ростовскаго уѣзда, и Гейрихъ IV (1084—1106 г.), выгнана изъ не изъ кургана пр. с. Осипова Пустыни Владимірской губерніи (Мужиковъ и изъ бытъ въ курганнахъ раскопкахъ, гр. А. С. Уваровъ, стр. 123).

²⁾ Кроме кургановъ, другихъ видовъ могилъ отъ этого времени въ губерніи пока неизвѣстно, следовательно, курганы указанной поры (конца X и XI вв.) должны принадлежать славянамъ, ибо извѣстно, что они своихъ могилъ хоронили, а не оставляли на произволъ судьбы. Такимъ образомъ, если курганы признавать за славянскіе могилы, такъ нужно будетъ указать славянскія, а изъ лѣтъ.

³⁾ Больше раннее время почти вовсе не освѣщено наукой и мало затрогивалось вообще.

⁴⁾ Ф. Н. Никольскій, гр. А. С. Уваровъ, Иванковскій, Асеньскій и слѣдующіе за ними.

Не финны, а угры,—поправляют другіе ¹⁾).

Нѣтъ, не финны и не угры, а славяне, горячо возражаютъ третью, приобрѣтающіе все большее и большее число сторонниковъ.

Норманны,—заявляютъ четвертые, уже немногіе, придерживающіеся «устарѣлаго» взгляда.

Гдѣ же истина? Кто ближе подошелъ къ ней? Правы ли одни, или правы всѣ, но отчасти?

Чтобы разобраться и подойти къ возможно правильному рѣшенію вопроса, нужно начать издалека и глянуть пошире. Дѣло въ томъ, что на поставленный вопросъ отвѣтить столь же легко, сколько и трудно. Насыпали ярославскіе курганы, очевидно, люди, жившіе въ губерніи, такъ какъ кургановъ не десятки и не сотни, а тысячи. Они не разбросаны кое-гдѣ и въ небольшомъ количествѣ, а напротивъ, всегда встрѣчаются цѣлыми кладбищами и, притомъ, иногда огромными: въ 1000 и болѣе насыпей, занимающихъ нѣсколько десятинъ земли, какъ напр., Больше-Тимерѣвское Ярославскаго уѣзда. Такихъ сооружений не могли возвести кратковременныя, такъ сказать, прохожіе обитатели губерніи, а лишь жившее въ странѣ (близъ кургановъ) долгое время, всего вѣроятнѣе, осѣдлое племя. Но такой самъ по себѣ ясный и опредѣленный отвѣтъ ничего еще не даетъ и, кромѣ того, возбуждаетъ въ свою очередь другіе вопросы: кто и когда жывъ въ губерніи, жили одианъ или нѣсколько народовъ, кто изъ жившихъ насыпалъ курганы? и т. п.

Отвѣтить на эти вопросы уже гораздо труднѣе и возможно только послѣ различныхъ соображеній и сопоставленій, при чемъ отвѣтъ все-таки не будетъ вполне убѣдительно. Причиной то, что нѣтъ никакихъ сколько-нибудь обстоятельныхъ или хотя бы только точныхъ и положительныхъ извѣстій въ время до-славянскихъ о томъ клочкѣ земли, который нынѣ занятъ Ярославской губерніей. Здѣсь каждая крупица знанія достается тяжелымъ усидчивымъ трудомъ. Русская лѣтопись сообщаетъ только о томъ, что на разсматриваемомъ клочкѣ жывъ говорившій отличнымъ отъ славянскаго языкомъ какой-то загадочный народъ мера кавказской расы («Афетова колѣна»), куда то безслѣдно исчезнувшій какимъ то непостижимымъ образомъ. Но такъ какъ въ наукѣ о человѣкѣ (этиологіи) нельзя никакъ допустить безслѣднаго исчезновенія цѣлаго народа или племени (кромѣ случая быстрого вымиранія въ замкнутой области), на подобіе того, какъ не допускается

¹⁾ Д. П. Еропеевъ.

(и нѣтъ) подобнаго исчезновенія въ химіи и вообще въ естествознаніи, то и слѣдуетъ поискать таинственную мерю Нестора. Она, какъ невымершая ¹⁾, должна быть непремѣнно или среди насъ, если наши предки поглотили ее, или гдѣ-нибудь внѣ насъ, если она вытѣснена отсюда; пропасть же, расплыться безслѣдно она не могла. Но если мера поглощена, такъ она должна не только отразиться въ поглотителяхъ, въ ихъ духовномъ и особенно физическомъ складѣ (конечно, если мера не близкая къ славянству народность), но должна время отъ времени и возрождаться, воссоздаваться въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ въ силу случайнаго накопленія въ производителяхъ мерянскихъ признаковъ или элементовъ и такого же случайнаго односторонняго подбора самихъ производителей, точно такъ же, какъ воссоздаются среди насъ татары и, притомъ, не рѣдко въ поразительно чистомъ видѣ. Высказанное положеніе должно представляться тѣмъ обязательнѣе, что нерѣдки возрожденія даже такихъ ничтожныхъ примѣсей, какъ еврейская, внесенная въ народъ очень недавно, — кантонищиной 50-хъ г.г. XIX ст.

Противъ того, что современное населеніе губерній, какъ и вообще средней Россіи, является крайне нечистокровнымъ, крайне мѣшаннымъ, конечно, никто спорить не будетъ. Всѣ касавшіеся этого предмета согласны, что народность указанной полосы представляетъ такую кашу, въ которой и самъ то славянинъ — порабититель остальныхъ проскакиваетъ въ чистомъ видѣ лишь благодаря тому же возрожденію (атавизму), наблюдаемому къ тому же, нельзя сказать, чтобъ значительно чаще другихъ ²⁾. Однако, не смотря и на огромную переѣшанность населенія Россіи и на полное почти отсутствіе чистокровныхъ представителей смѣшавшихся народностей, все-таки изъ общей массы, при нѣкоторомъ навыкѣ и опытности, не особенно трудно выдѣлать особи съ преобладающимъ признакомъ славянскихъ, татарскихъ и пр., т. е., такъ сказать, славянчанъ, татарчанъ и т. д.; мерянь же отыскать пока не удается ³⁾. Положимъ, вопросъ о возстановленіи смѣшавшихся типовъ

¹⁾ Предполагать вымирание нѣтъ никакихъ поводовъ.

²⁾ Даже духовенство, въ общемъ менѣе другихъ разрядовъ общества мѣшавшееся съ неславянами, и то не представляетъ ничего однороднаго, и въ немъ много различныхъ, исключавшихъ другъ друга типовъ.

³⁾ Финскій типъ, хотя и очень рѣдко, но попадаетъ и при томъ довольно часто выразимымъ. Однимъ изъ признаковъ финнаго племени плоскостность, предвѣсность или ворончатость лица (на профилѣ — расстояние отъ переносицы — носовой впадины до ушного отверстія) наблюдается иногда и въ типахъ значительно славянскихъ, но дѣло въ томъ, что финскимъ меря еще не установили твердо (Д. Баронгусъ).

научной мало затронуть и даже фотографическими снимками¹⁾ и повселяющих на них записей, т. е. первого и существеннѣйшаго, что необходимо для правильной постановки и подготовки рѣшенія его, почти не дѣлалось²⁾ (не публиковалось). Тѣмъ не менѣе по личному опыту могу засвидѣтельствовать связанное. Мною пересмотрѣно не какъ случайнымъ зрителемъ, а какъ наблюдателемъ; поставившимъ себя на

¹⁾ Однообразныя, сдѣланныя по известной системѣ (профиль, фасъ, анфасъ), одинаковаго ракурса, съ поворотомъ въ одну сторону при одинаковой или, по крайней мѣрѣ, однообразной по возможности прѣдѣлѣ бѣгъ головныя уборовъ съ лица одинаковаго приблизительнаго возраста при одинаковомъ (не столько по снѣгу, сколько по направлению) освѣщенію и фазѣ (вернее для совершеннаго анфаса). Поясняющія записи должны быть также однообразны. Замѣчу кстати, что не только фотографія, но даже простыя силуэты (тѣни) могутъ уже дать не мало цѣннаго матеріала. При съемкѣ профилей силуэты необходимы, такъ какъ безъ цѣннаго значенія.

²⁾ Работы и фотографіи проф. Н. Ю. Зюграфа (Извѣстія Общ. любителей естествозн., антрп. и этнографіи, т. LXXVI) и другихъ не могутъ быть приняты въ расчетъ, такъ ведшіяся на другихъ началахъ. Въ основу этихъ работъ положено изученіе вѣнкова большаго числа отдѣльных особей путемъ измѣреній в, мѣткъ, вывода изъ полученныхъ данныхъ путемъ грубой формы или по отдѣлкѣ и получены среднѣе. Недостатокъ такого приема заключается въ томъ, что въ нѣтъ и исходить отъ неизвѣстнаго, и получать неизвѣстное: среднее. Среднее же никогда не даетъ ни одного изъ слагаемыхъ въ чистомъ видѣ и будетъ тѣмъ дальше отъ истины, чѣмъ различнѣе слагаемыя. Оттого то, въпрямѣрѣ, Зюграфъ и прибѣгаетъ къ выводу для выхлороссовъ, главнымъ образомъ, лишь двухъ типовъ, для которыхъ не мѣтъ указатъ почти ни одного рѣзкаго отличительнаго признака! Вышнѣеотню признаваемыхъ какъ признакомъ общаго облика типы, но только въ разныхъ величинахъ. Между тѣмъ найдти в указатъ нѣсколько отличительныхъ признаковъ, сможетъ даже и не специалистъ, а лишь внимательный наблюдатель, если только онъ будетъ помнитъ не то, что получится, а вполнѣ опредѣленное; напр. славяноскій типъ близкій къ дремлетрачскому, вырешенному въ статуи, или татарскій, на сколько онъ близокъ къ сохранившимся татарамъ и т. д. Словожъ, прежде всего нужно поставить нѣсколько, такъ сказать, пробирочныхъ, хотя бы даже и идеальныхъ типовъ, напр. Аполлона, Венеру, Фауну, Сократа, Платона, Дюма, Фордета, типичнаго ослика, африканца, ботана, коряка, фанна и т. д., а мѣткъ уже искать въ нихъ приближенія въ масѣ выхлороссовъ. Короче и обще: нужно въ данныхъ измѣрять правдивѣе всякое взятое и замѣчать, съ какою или отъ какой мѣры оно совпадаетъ больше всего, съ какою меньше всего и что замѣчается въ немъ изъ присутствующаго остальнаго мѣркамъ. И только послѣ такого критичнаго поворота, но тѣмъ не менѣе положительнаго необходимо—лучшее изученіе, можно приступать къ спеціальному пути измѣреній, микроскопическимъ (волосъ, ихъ поперечнаго сѣченія и проч.) и другимъ изслѣдованіямъ. Путемъ приближеній или сличеній мѣтъ удалось положительнаго установить, что среди ярославцевъ встрѣчается одинъ типъ (несомнѣнно, славяноскій), нѣкоторымъ близкій къ амазонскому греческому типу: (стройный, высокорослый, блондинъ или свѣтло-русый, сѣде или голубоглазый, съ «греческимъ» профилемъ, овальнымъ интеллигентнымъ лицомъ, замѣчательно красивыми руками и гармоничной пропорціей), а другой въ такъ нѣмалообразную римскую (который лучше назвать Платоновскимъ; онъ встрѣчается и высокорослымъ, но таковыже для него ростъ средній, русые и свѣтло-русые волосы, синіе глаза, овальное лицо, сухой съ горбинкой «римскій», но не еврейскій, носъ, тонкія губы, компактность и стройность сложенія). О чистомъ татарскомъ (вѣрнѣе монгольскомъ—смуглымъ, черноволосымъ, короткозлымъ) я уже упоминалъ. Если же думати, то весьма пригоднымъ для наружныхъ наблюдений лицамъ нужно принять лицъ, связанныхъ съ нѣмалою, изучившихъ классическія статуи и вообще человѣческую фигуру, конечно, при соответствующей антропологической подготовкѣ.

Указаннымъ путемъ путемъ можно употребляется въ изслѣдованіяхъ. Антропологи, больше замѣтки для, изслѣдованій отъчасти изучающаго типа и мѣткъ начинаютъ подбирать представителей путемъ приближеній, востановляя или создавая нѣмало типъ мѣткъ изъ нѣсколькихъ отъ него особей путемъ критичнаго изслѣдованія въ производимыхъ трудностяхъ приближенія.

стную цѣль, тысячи лицъ, причѣмъ пріобрѣтена привычка разбираться въ нихъ, и все-таки я не могу сказать, чтобы мнѣ удалось найтись на такой типъ, про который я могъ бы подумать: «это, должно быть, мерянскій; онъ отличенъ отъ другихъ, достаточно однообразенъ, устойчивъ и часто повторяемъ», т. е. удовлетворяетъ тѣмъ условіямъ, которыя должны были бы проявиться непремѣнно, разъ действительно пріѣхъсь мери въ населеніи Ярославской губерніи была бы значительна и замѣтна, и которыя неуклонно проявляются, напр., по отношенію къ татарамъ¹⁾. Слѣдовательно пріѣхъсь мери была незначительна отчасти потому, можетъ быть, что племя ея было не велико (по численности) и разсѣяно на большомъ пространствѣ, отчасти, и думаю преимущественно, потому, что она не поглощена²⁾, а отбѣжена и выселена.

Изъ сказаннаго можно видѣть, что рѣшеніе основного, поставленнаго въ заголовкѣ вопроса не такъ просто и что для его выясненія требуется предварительно рѣшить нѣсколько побочныхъ вопросовъ и между ними вопросъ о населеніи губерніи (въ связи съ его культурой) въ разное время, насколько этотъ вопросъ рѣшенъ по настоящее время.

О населеніи Ярославской губерніи *древне-каменнаго* века до сихъ поръ ничего не извѣстно, какъ не извѣстно положительно и тогдѣ, была ли она населена даже въ ту далекую пору, ибо здѣсь не найдено до сихъ поръ никакихъ слѣдовъ человѣка того времени. Возможно, что такого человѣка, современника европейскому, здѣсь вовсе не было, такъ какъ, по исследованиямъ нѣкоторыхъ ученыхъ, сѣверная и средняя Европа, — во время господства древне-каменнаго въ южной Европѣ, были покрыты льдами ледниковаго периода³⁾, наиболѣе замѣчательнаго времени четвертич-

¹⁾ Телесной массъ, какъ было чѣмъ фактикъ отличной отъ скандинавскаго, восточнаго, даже ослепленнаго, но и фактикъ нѣтъ удаетъ выдѣлать безъ большого труда. Изъ привѣденыя Зографомъ фотографіи укажу, какъ на фактикъ, на таб. X, рис. 46; — профанъ; XIV—53—факт; таб. XVI—64, — профанъ, но приведенныя особи не типичны. Зографъ пишетъ въ своемъ описаніи Ярославской губерніи пріѣхъсь восточнаго типа фактикъ (стр. 176). Тотчасъ нужно съ, несомнѣнно, но не однакъ фактикъ. Историческія свѣдѣнія о «мерянахъ».

²⁾ Не крайней мѣры въ предрѣкахъ Ярославской губерніи.

³⁾ Журн. И. Н. Пр. 1901 г. Августъ, стр. 403—408. Зап. отъ рус. и слѣд. археологій Им. Рус. Арх. Общ. т. V, в. 1, ст. 247. Здѣсь (и ст. 242) говорится о каменномъ столѣтѣ у Волотовскаго озера, на имѣніи Роговъ, при чѣмъ древнѣйшія отношенія стѣны прізнаются кн. П. А. Пугачевымъ, а за нимъ и А. А. Сидоровымъ за древне-каменнаго (нубель-шѣлскаго и ледниковаго пошибомъ). По способамъ обработки это правильный, но по времени съ скандинавскъ можно согласиться, лишь оговариваясь: местными древне-каменными. Дѣло въ томъ, что часть Европы, въхвѣдшии нѣтъ подъ ледниками, заселены людьми, обитавшими во время ледовица по близости стѣны чистей и кѣмъ-то уже значительную промышленность, которая во время указаннаго заселенія хлѣбъ събирала и бѣду,

ной эпохи, незадолго до того еще до нынѣ. Лѣды и снѣга, покрывавшіе землю слоемъ нѣстами въ нѣсколько десятковъ сажень толщиною, уничтожили все живое на занятыхъ ими пространствахъ. Растенія все погибла, животныя большей частью погибли тоже (водныя, наземныя, гады и пр.), меньшей частью переселились къ югу. Ледовище заняло всю Европу: значительнѣйшая часть Франціи, южный берегъ Англіи, югъ Германіи и южная Россія были свободны отъ восточнаго ледяного и снѣжнаго покрова. Тутъ-то и сгрудились все животныя Европы, пережившія первую пору наступленія ледниковъ, веужершія отъ холода, а еще болѣе отъ голода. Среди ихъ былъ и первобытный человѣкъ, только не задолго передъ тѣмъ появившійся въ мірѣ и многими принимаемый не за человѣка, а лишь за человѣкообразное, названное въ отличіе отъ человѣка примасомъ (первичникомъ) или прародителемъ человѣка. Снѣгъ и ледъ лежали не вездѣ, но холоднѣе и пасмурнѣе сдѣлалось во всей Европѣ и далеко за ея предѣлами ¹⁾. Спасаясь отъ холода,

но все же развиваясь и была уже не первобытной, ибо человекъ существовалъ еще во ледовище. Последнее оспариваютъ (А. Соловьевскій. Человѣковѣдѣніе, стр. 201), но не основательно, такъ какъ мы имѣемъ отъ притѣи Хлойна подъ Кіевомъ.

¹⁾ Собственно для начала образованія ледниковъ не требуется большого ледяна (онъ даже является образованію ихъ), достаточно возвышенія температуры на 2—3 и заморозки (Н. К. Весселиевскій. Первобытный человекъ, стр. 5). Но когда ледники уже образовались, тогда они отжидаютъ окрестности значительно и на большія пространства вѣтъ непосредственно, такъ и черезъ стуженій воздуха.—восточность, влажность и вообще влажность. Достойные слѣды человѣка обнаружены уже въ южной части ледовища (дилювиальна. периодъ), въ предѣлахъ котораго восточнѣйшая часть достигала южной Германіи. Однако есть основанія утверждать существованіе человека и въ предположеніи теплыхъ предковъ, т. е. въ третичную (буригольскую) пору. Въ калифорнійскомъ мѣстѣ рудникъ, въ Калифорніи, въ 1866 г. найдены человѣчскіе черепъ изъ старыхъ вулканическихъ отложений (туффъ), въ которыхъ найдено сверхъ того и кости животныхъ, часть калифорнійскихъ и американскихъ орудій. Черепъ этотъ хорошо развитъ и мало отличается отъ череповъ с.-американскихъ индейцевъ. Рассказы въ мѣстности Южной Америки показали, что человекъ даже въ третичную, заморозную пору справился такъ вооруженной рукой съ громадными животными того времени и началъ охоту. Между тѣмъ тогда только еще образовывались высочайшія горы земли: Гималаи, Анды, Альпы и надъ земной поверхностью были совершенно иной, чѣмъ теперь. Наступающее новое ледовище и другія отягощенія еще и вѣтъ дѣйствующія причинами измѣнили лицо тогдашней земли и сдѣлали его тупее, кромѣе оно въ значительной мѣрѣ. Отъ ледовища до нашего времени одинъ составилъ 5.000, другіе 100.000 лѣтъ. (Научн. результаты экспедиціи, смаршен. Нил. Ал. Наугъ для разсказа каменит... стр. 1. Промышленность и техника, т. I, стр. 5—6). Вѣроятія больше за нѣмалымъ числомъ, такъ какъ въ послѣдній перодъ ледовища, вѣроятіе, сократились воспоминанія въ людской памяти. Я разубѣдъ предвѣдѣ о нѣмаломъ, широко распространенномъ во всей землѣ. По перодическому сказанію, вѣроятіе началось каменит-то сѣтливость (огненнѣе) каменитъ. Стало темно и туманно, сѣтливость лишь солнце да луна; вѣтъ заморозки непрерывными каменитъ и кошолъ небывалымъ по силѣ и во величій каменитъ дождь. Вода вограла землю каменитъ роста человека. Послеъ этого поднялась буря и вода стекла, но вѣтъ поступала каменитъ стужа, длиннѣе сверхъ каменитъ въ мѣсяцъ въ году, но каменитъ дождемъ до 10 мѣсяцевъ, т. е. каменитъ каменитъ каменитъ, каменитъ, да каменитъ пропитанія, высалились на югъ. Подтвержденій сказаній о вѣтъ каменитъ каменитъ каменитъ; между прочимъ Францъ фонъ-Шварцъ открылъ, что всю среднюю Азію (Джунгарію, Монголію, Гоби и

не только человекъ, но и болѣе развитыя животныя отыскивали и пользовались всякимъ убѣжищемъ, хоть сколько-нибудь защищавшимъ отъ него. Всѣ тогдашнія пещеры, доступныя для обитанія, были заселены и занимались съ боя и львомъ, и медвѣдемъ, и геною, и человекомъ, въ концѣ концовъ отвоевавшимъ ихъ въ свое исключительное пользованіе. Нельзя согласиться съ тѣми, которые думаютъ, что въ борьбѣ изъ-за пещеръ впервые проснулся разумъ въ человекѣ, что на порогѣ ихъ зародилось его развитіе, промышленность и образованіе (культура и цивилизація), такъ какъ жители южной Россіи, современники пещерниковъ Франціи, Англіи и другіхъ странъ, совсѣмъ незнавшіе пещеръ по пенахожденію послѣднихъ въ занятой ими землѣ, стояли на одинаковой съ пещерниками ступени развитія ¹⁾. Кроме того, сами пещерники, помимо пещеры, знали еще землянку съ кровлей, изображенную однимъ изъ нихъ на стѣнѣ пещеры Ля-Муть во Франціи ²⁾. Слѣдовательно и они не всегда и не всѣ жили лишь въ пещерахъ, а пользовались и ямами природными и искусственными. Н. И. Веселовскій ³⁾, ссылаясь на гр. А. С. Уварова, допускаетъ, что Россія уже въ раннюю пору древне-каменныя была обитаема до 55° С. широты, т. е. приблизительно до линіи: южный берегъ Балтики, Ковно, Вильно, Витебскъ, Смоленскъ, сѣвернѣе Калуги, Рязани, Ардатовъ, сѣвернѣе Сибирска, устье Камы, сѣвернѣе Уфы ⁴⁾ Съ этимъ положеніемъ безъ

Тарымскій водопадъ) занимало внутреннее море, ставшее чрезъ одно изъ ущелій горы Алатау. Южно-русскій ледъ также осадокъ ледниковыхъ водъ, рѣчныя долины орошены ими же и т. д. Объясненій потоповъ предложено нѣсколько: землетрясеніе съ подъемомъ морского дна (проф. Суворъ), измѣненіе положенія земной оси (Р. Фальзь), ударъ кометы или звѣздный (метеоритовый) дождь, необыкновенно обильный надъ Тихимъ океаномъ, вытѣснившій огромное количество воды (графъ фонъ-Пфейль) и проч. (Ива, 1897 г., стр. 290). Но во всѣхъ этихъ объясненіяхъ нѣсколько чувствуется фальшь и трезный смыслъ не удовлетворяется ими. Ихъ кажется, дѣло обстоитъ гораздо проще, т. е., что потопъ явился прямымъ и необходимымъ слѣдствіемъ ледовица намъ наступавшаго, такъ особенно отступавшаго, тарымскаго. Персидское сказаніе о потопѣ никакъ другихъ поминать это явленіе и память о немъ не позволяютъ отодвигать его слишкомъ далеко, но до 10.000 лѣтъ возможно. О большихъ холодахъ въ южной Россіи говорятъ многіе посетители древности: въ Скиѣи и соседнихъ съ нею странахъ отъ холода у людей отваливаются (отмерзаютъ) конечности, глаза слѣпнутъ (лопаются?), жѣлчные статуи трескаются, явля мерины, оковы не гнуть (Дюдоръ сицилійскій, Зап. Русск. Арх. Общ., т. XI, в. 3—4, стр. 927). Эти холода, теперь почти не наблюдающіеся, возникли, конечно, отъ болѣе близкаго, чѣмъ нынѣ, сошествія ледовица въ южную Россію.

¹⁾ Труды XI археол. съѣзда, стр. 742, 745, 753 и др.

²⁾ Ива. 1902 г. № 31.

³⁾ Первобытныя человѣкъ, стр. 18.

⁴⁾ С. Нивитанъ (Труды геолог. комитета, т. 1, № 2, стр. 100) говоритъ, что В. Россіи, средній и южный Уралъ и приуралье были въ ледовице свободны отъ льда. Съ этимъ согласиться вполне никакъ нельзя: были свободны отъ льда смякнавшіеся ледники—да, но не отъ льда и сѣтъ вообще, хотя бы потому, что рядомъ съ ледяными массами въ не одну-самую толщину не могло не быть льда и сѣтъ воздушнаго происхожденія.

оговорки согласиться нельзя, такъ какъ въ пору наибольшаго развитія ледовища ледники достигали гораздо болѣе южныхъ широтъ, доходя до Биева и южиѣ. Объ этомъ положительно свидѣтельствуетъ распространеніе до указанныхъ предѣловъ валуновъ и валунныхъ глыбъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ всецѣло ледникамъ. Бромъ того, само Балтійское море есть слѣдствіе ледовища; его впадина вырыта ледникомъ. Стало быть, по берегамъ его, хотя бы и южнымъ, покрытымъ громадною толщею льда и снѣга, человѣкъ не могъ жить въ пору ранней древней камники, зародившейся еще до ледовища. Онъ жилъ далеко отсюда, не заходя сѣвернѣе окраинъ и южныхъ оконечностей льдовъ подобно тому, какъ не заходитъ дѣльше этихъ предѣловъ и нынѣ у остатковъ ледовища, все еще некончившагося и занимающаго всю вершину сѣвернаго (и еще болѣе южнаго) полушарія къ С. отъ полярнаго круга. Здѣсь на границахъ ледовища живутъ лопари, самоѣды, юраки, якуты, юкагирь, чукчи, а на оконечностяхъ ледовища самоѣды и чукчи, заходящіе на острова Сѣвернаго океана. Графъ Уваровъ вѣрно отнесъ карачаровскую находку къ древней камникѣ, но дѣло въ томъ, что таковою она является не безусловно, а лишь по отношенію къ Владимирской губерніи или, другими словами, такова она не по времени (эпохально), а по развитію (культурно). По мѣрѣ таяніа ледниковъ, вызывавшаго перемену условій существованія, животныя и люди, приурочившіеся къ созданнымъ ледовищемъ условіямъ существованія, постепенно, безсознательно и совершенно механически отыскивая привычную пищу и обстановку, передвигались къ сѣверу за отступающими ледниками. Травоядныя, какъ сѣверный олень, мамонтъ, мохватый носорогъ и др., перемѣщались за лишаями, мхами, сѣверными травами, кустами и хвойными. За ними тянулись плотоядныя и человекъ, жившіе цѣлкомъ на счетъ травоядныхъ. Само собой понятно, что передовымъ или въ первыхъ рядахъ двигался на сѣверъ наиболѣе отсталый, наименѣе развитой человекъ, жившій въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ ледниками¹⁾, т. е. въ наименѣе благоприятныхъ для совершенствованія условіяхъ, переносъ съ собою и наименѣе развитую, наименѣе отсталую промышленность, являющуюся по отношенію къ цѣлой эпохѣ не пожиткомъ, а пережиткомъ²⁾. Однимъ изъ такихъ пережитковъ является и культура карачаровской находки. Вѣрно, что она древне-камникова, но только не общей поры ранней древне-

¹⁾ Что имѣеть въ виду еще и нынѣшній.

²⁾ Этотъ законъ до сихъ поръ дѣйствуетъ, въ приложеніи.

камники, точно такъ же, какъ и при то, что свѣдцы, служащіе для освѣщенія лучиною пшехонскихъ или олопецкихъ ивѣ, относятся въ лучинному освѣщенію, но только не къ общей порѣ такого освѣщенія, такъ какъ ярославскія или тверскія избы уже давно освѣщаются керосиновыми лампами. Древне-каминка могла пройти всю Россію отъ Чернаго до Сѣвернаго моря и, можетъ быть, дѣйствительно прошла; но когда она подвигалась и начинала господствовать, положимъ, во Владимірской губерніи, тогда на югѣ Россіи, гдѣ появилась впервые, она могла уже кончиться или кончатся. Съ другой стороны, она могла сѣвнѣе нова-каминкой на всемъ пространствѣ вплоть до ледниковъ еще въ то время, когда средняя Россія была подо льдомъ. Вслѣдствіе этого получилось бы то, что когда послѣдняя обтаяла бы и населилась, то въ ней водворилась бы прямо уже нова-каминка. Другими словами: искать тутъ древне-каминки было бы напрасно. Последняго взгляда держится В. И. Модестовъ, говорящій, что древнекамниковой эпохи не было въ большей части Великобританіи и Германіи, въ Скандинавскихъ земляхъ и въ большей части Россіи¹⁾, что четвертичная эпоха совпадаетъ съ ледянымъ періодомъ Европы и что въ послѣдней фазѣ этого періода относятся послѣдняя же фаза древней каминки,—медленская пора²⁾.

Имѣя въ виду все сказанное, можно бы думать, что древней каминки даже и запоздалой, пережиточной въ Ярославской губерніи не было, т. е., что занятая послѣднею площадь освободилась изъ подо льда и, что особенно важно, населилась лишь тогда, когда въ мѣстахъ, лежащихъ въ югу отъ нея, водворилась уже новокаминка. Это предположеніе, какъ будто-бы подтверждается нѣсколько тѣмъ обстоятельствомъ, что до сихъ поръ въ Ярославской губерніи, какъ сказано, не найдено еще никакихъ слѣдовъ древнекаминки и тѣмъ подмѣченнымъ мною явленіемъ, что могильники и нѣкоторыя стоянки новокаминки изъ открытыхъ до нынѣ въ губерніи располагаются на одинаковой для Ярославской губерніи довольно значи-

¹⁾ Журн. И. Д. Пр. 1908 г., февраль, стр. 412. Привожу это мнѣніе потому, что оно основывается на одной изъ позднѣйшихъ работъ свѣдѣній по данному вопросу. См. еще Археологія Россіи, Каменный періодъ, I, стр. 110, гдѣ приводятся мнѣнія Гмелина и др. Гр. А. С. Уваровъ, отправивъ на керасиновую казюку, говорить, что всѣмиными нахами спровергаютъ ошибочное предположеніе о продолженности Европѣекой Россіи на древнекамниковаго перу (стр. 119). Но на этотъ разъ едва ли не съ обратнымъ: керасиновская казюка—отставленъ, керасиновъ. Наклада же Штуттенберга въ Тиманской гудѣ на р. Икшѣй земли надрѣзаны древности за леднѣйшую (стр. 230).

²⁾ Тамъ, стр. 403, 405.

тельной высотѣ надъ моремъ, а именно отъ 58—60 саж. (123,7—124,3 м.), съ каковой высотой совпадаетъ и высота древнекаменной находки у села Гояцы, Лубенскаго уѣзда, Полтавской губерніи, опредѣляемая около 63', с. (444,6 фут.) ¹⁾. Можно еще указать на сообщеніе Хвойка (въ упомянутой статьѣ стр. 754) о томъ, что въ Кіевѣ новокамника появляется лишь на поздне-ледниковыхъ отложеніяхъ, на лесѣ, т. е. именно въ ту пору, когда средняя Россія освободилась отъ ледяныхъ оковъ. Новокамниковые обитатели Калужской губ. жили также на возвышенностяхъ ²⁾. Однако утверждать высказанное какимъ образомъ нельзя еще пока какъ въ виду доказаннаго существованія древне-каменики въ сосѣднихъ Владимирской и Тверской губерніяхъ, такъ и въ виду того, что остатки того времени, особенно болѣе ранняго, относясь къ ледниковой и межледниковой порѣ, залегаютъ въ почвѣ вообще на значительныхъ глубинахъ и потому обнаруживаются обыкновенно лишь благодаря случайнымъ благопріятнымъ обстоятельствамъ ³⁾. Во всякомъ случаѣ положительное рѣшеніе вопроса принадлежитъ будущему, когда накопится побольше данныхъ и археологическихъ, и геологическихъ, да и всякихъ другихъ. Мы же съ увѣренностью можемъ сказать только одно: слѣдовъ древне-каменики пока не найдено въ губерніи. Остальное догадки. Но не смотря на такое положеніе дѣла, можно уже и теперь отмѣтить то вліяніе ледовища, каковое оно проявило на жизнь края вообще и на заселеніе его человѣкомъ въ частности. Ледники въ губернію надвигались съ С.-З., главнымъ образомъ изъ Финляндіи и Олонечкой губерніи ⁴⁾; слѣдовательно жизнь изъ губерніи хотя и отступала въ общемъ на Ю., но преимущественно двигалась въ юго-восточномъ направленіи. Въ этомъ же направленіи должны были располагаться и

¹⁾ Гр. Уваровъ, тамъ же, стр. 120.

²⁾ Изв. Кал. Арх. Ком. 1902 г., стр. 6.

³⁾ Труды XI археол. съѣзда, т. I, стр. 742. Стела изъ рѣчной древнекаменики, открытая въ Кіевѣ В. В. Хвойкомъ, находилась на глубинѣ 9' с. м. (20 метр.), подъ толщей ледниковыхъ наносовъ, на сильной гонимой глинѣ и сѣра-зеленомъ пескѣ. Хвойко указываетъ (стр. 746), что стелу этой стоянки иль на берегу третичнаго озера, т. е. что стела относится къ древнѣшему времени, конечно, если вѣрно опредѣленіе Хвойка.

⁴⁾ Паша вазуум принадлежить почти сплошь къ горнымъ породамъ, залегающимъ въ Финляндіи (Труды геологич. Комитета, т. I, № 2, стр. 86, 88 и 89, С. Навитки). Однако изъ наиболѣе раннихъ слѣдовъ пребыванія ледниковъ въ губерніи выдѣляется низменная и ровная долина р.р. Молога и Шекса. Она до сихъ поръ представляетъ почти сплошное болото, по которому струятся въ язвкахъ и промоинахъ берегахъ вѣрные извилистые ручьи и рѣчки. Сама главная стволъ отъ болота—Молога и Шекса до сихъ поръ не выработала еще достояннаго русла, смогло бы вѣять его. Зѣва множество озеръ, старицъ, глушицъ, трясина, а каждое половодье—цѣлое море, точно только вчера ледникъ оставилъ эти мѣста.

наибольшія толщи льда, двгавшіеся ледяные поля и хребты, глубоко бороздившіе третичную почву. Нѣкоторыя изъ такихъ бороздъ были такъ значительны, что ихъ вполне сгладить и выровнять не могли даже осадки ледниковыхъ водъ, отличающіеся вообще весьма значительными толщами. Таковы борозды, превратившія нынѣ въ Молого-Шекснинскую и Волжскую долины. Онѣ хотя и выстланы ледниковыми образованиями, но все-таки остались ложбинами и сдѣлались стоками ледниковыхъ водъ. Другія значительныя углубленія и впадины поверхности Ярославской губерніи, представлявшія изъ себя въ концѣ ледовища громадныя озера, безъ сомнѣнія, созданы тѣми же причинами. А древній первобытный человѣкъ, какъ извѣстно, именно около озеръ и проводилъ большую часть своей жизни. Около этихъ водоемовъ находятъ и стоянка древней камники и буюнники или сорники переходной поры, и стоянки новокамники, и свайники бронзники. Даже наша мера и новгородская весь группировались еще около озеръ же, остатковъ ледниковыхъ озеръ. Слѣдовательно для болѣе успѣшныхъ поисковъ памятниковъ древняго человѣка необходимо знакомство, если не съ геологическимъ, то хотя бы съ почвеннымъ (геогностическимъ) строеніемъ страны ¹⁾.

Но не только расселеніе, а и самое первоначальное заселеніе Ярославской губерніи, какъ и вообще средней Россіи, цѣликомъ было обусловлено ледовищемъ. Ледники, когда стало теплѣть, начали таять прежде всего, конечно, своими южными оконечностями. Но таяніе ихъ подвигалось къ сѣверу (по крайней мѣрѣ въ средней Россіи), не параллельно широтникамъ ²⁾, а вогнутой къ С. линіей, такъ какъ на С.-В. залегали Уральскія горы, а на С.-З. Финляндія и Скандинавія съ ея горами, дѣйствовавшія какъ холодильники ³⁾. Въ извѣстный моментъ въ вершинѣ вогнутой линіи отступающаго ледниковъ очутилась и Ярославская губернія. Обсыханіе совершалось въ общемъ такимъ же порядкомъ. Такимъ образомъ заселяться средняя Россія могла только съ юга.

Подтвержденіе сказанному находится въ двухъ явленіяхъ: въ перелетѣ птицъ и въ громаднѣйшихъ скопленіяхъ костей мамонта и мохнатого носорога на берегахъ и островахъ Сѣвернаго океана.

¹⁾ Достаточно удовлетворительная почвенная карта Ярославской губерніи приложена къ Матеріаламъ для статистики Россіи. Изд. Мин. Государств. Имущ. 1858 г., вым. I.

²⁾ Градусамъ широты.

³⁾ Не только на сѣверномъ, но мѣстами и на среднемъ Уралѣ снѣгъ лежитъ и нынѣ не рѣдко все лѣто.

Птицы, какъ созданія вкрайне легко подвижныя, чѣмъ животныя, и, кромѣ того, какъ требующія для своего существованія значительно менѣе благоприятныхъ условій, чѣмъ тѣ, начинали посѣщать обитавшія страны уже тогда, когда почва ихъ только что начинала выходить изъ-подъ льдовъ и снѣговъ и покрываться первой растительностью. Тамъ онѣ жили, пока было можно, т. е. пока былъ кормъ. Но такъ какъ таяло не непрерывно, а лишь въ пору наивысшаго стоянія солнца на небѣ, т. е. лѣтомъ, болѣе холоднымъ и болѣе короткимъ, чѣмъ теперь, то съ наступленіемъ холодовъ птицы возвращались назадъ въ тѣ страны, откуда прилетали и по тѣмъ дорогамъ, которыхъ онѣ во краткости времени своего пребыванія на новыхъ мѣстахъ забыть не могли. Для послѣдняго требовалось, что бы заметныя особы прожили на новыхъ мѣстахъ, не покидая ихъ, нѣсколько лѣтъ, или, что бы онѣ переменили и что бы, вслѣдствіе этого не кому было показать дороги молодому поколѣнію. Но такъ какъ заметныя гости жили на обновленной почвѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ, то они и возвращались домой безъ труда. *Этотъ «домъ» былъ и остается на югъ*; для нѣкоторыхъ видовъ, какъ напр., утокъ, грачей, жаворонковъ и проч. не дальше южной Россіи, Крыма и Кавказа; для другихъ, какъ напр., галочекъ, стрижей и пр. очень далеко, — срединная и даже южная Африка и Азія. За птицами двинулись животныя и, прежде всего, козачо, тѣ, которыя, приспособившись къ суровому климату и условіямъ существованія въ немъ, не могли жить въ умѣренномъ не столько въ зависимости отъ тепла, сколько въ зависимости отъ условій обстановки¹⁾ и пищи. Самыми видными и замѣтными изъ подобныхъ животныхъ были носорогъ и особенно мамонтъ. Передвигаясь за отступавшими льдами на сѣверъ постепенно и вполне бессознательно, т. е. просто въ поискахъ корма и привычной обстановки, эти животныя, всѣ, что ихъ не было, съ теченіемъ вѣковъ добрались до береговъ Сѣвернаго океана и до ближайшихъ къ матерку острововъ, сгрудившись на сравнительно неширокой полосѣ земли. Дальше идти было некуда, тамъ было море, а на занятомъ мѣстѣ жить становилось все труднѣе и труднѣе, какъ по причинѣ хотя и не быстрого, но постояннаго измѣненія условій су-

¹⁾ Но и тепло имѣетъ огромное вліяніе: ни бѣлый медвѣдь и волкъ, ни полярная лисица-песецъ, ни сѣверный олень, ни каменный грызунъ лежать не только не уходятъ на югостепренныя горы въ болѣе теплыя, но и вѣтреныя тѣла противъ воли южного отродія и утравы. Тамъ также и человекъ: самодѣи, вывезенныя въ Петербургъ Елизаветой, томилась и крутился на своей суровой родинѣ и всей душой рвался туда къ роскоши царскихъ палатъ. Даже урочья, ширшѣе, зрѣе, примыкая къ тропѣ, очень часто покидаютъ тѣ мѣста, гдѣ не могутъ се достать.

ществованія, такъ и по причинѣ большой скученности, создававшей все большій и большій недостатокъ пищи ¹⁾. Слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ явилось вымирание (дѣвшееся въ общемъ вѣка), сперва болѣе слабыхъ и менѣе приспособленныхъ особей, а затѣмъ—чѣмъ дальше, тѣмъ больше и, наконецъ, массовое. Дѣйствительно, все сѣверное побережье Европы и Азии сплошь усыяно мамонтовыми костями. Нѣкоторые и вовсе не маленькіе острова состоятъ цѣдикомъ изъ мамонтовыхъ бивней и костей, пересыпанныхъ пескомъ. Указанная полоса земли въ полномъ смыслѣ мамонтова и, частью, носорожьей кладбище огромныхъ размѣровъ. Облѣдованіе условий залеганія послѣдняго изъ найденныхъ цѣлыми мамонта съ р. Березовки (праваго притока Кодымы) ново показало, что мамонтъ жилъ въ условіяхъ ни сколько не лучшихъ условій, представляемыхъ нынѣшней сѣверной Сибирью, скорѣй наоборотъ, такъ какъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что сѣверныя побережья Европы и Азии все больше и больше выходятъ дѣль эпохи ледовица ²⁾. Слѣдовательно вымирание мамонта на берегахъ Сѣвернаго океана нельзя объяснить тѣмъ, что онъ, выйдя на эти берега въ межледовье, т. е. въ болѣе теплое время, погнѣлъ отъ холода ввѣдъ надвинувшихся ледниковъ. Нѣтъ, онъ жилъ въ ледниковое время. Найденный послѣднимъ мамонтъ шель по сибѣру только что поѣрши, дожываяя сочатки обѣда, и провалился въ трещину почвы, занесенную снѣгомъ, вѣторами быстро занесло и замело и его самого ³⁾.

Исторію и судьбу мамонта воспроизводятъ предъ нашими глазами сѣверный олень, современникъ мамонта, поразительный пережитокъ гайбчайшей древности. Было время, когда онъ жилъ далеко на Ю., южнѣе Києва, гдѣ въ настоящее время попадаются ужъ только его кости, да и то лишь въ ископаемомъ состояніи, какъ и вообще на всемъ пространствѣ отъ южно-русскихъ степей вплоть до широты Ярославой

¹⁾ Для слѣднаго существованія жаромъ даже въ Саратовской губерніи требуется до 3 десятиль хорошаго пастбища на голову (Вѣстникъ Яр. Занятія 1903 г., № 9, отд. IV, стр. 12), при условіи искусственнаго кормленія зимой, т. е. для существованія круглый годъ на пастбище не менѣе 6 десятиль. Для мамонта же это количество выразится десятильми 45—45, ибо онъ былъ 12 фут. высоты и 15 фут. длины (1²/₂ саж.—2¹/₂ саж.).

²⁾ Тундра въ доверности уже оттаяла и даже слыла уже избытокъ воды, но во 1-хъ, она еще не обсохла, представляя почти сплошное болото, а во 2-хъ, она не оттаяла еще къ глубь: не только почва ее зреловала, но въ ней, впродъ того, залегаетъ еще цѣлая масса воды. Только тогда, когда растаетъ этотъ ледъ, для тундры кончатся пора ледовица.

³⁾ Новое Время, 1903 г., А 115, стр. 2. Вымершія чудовища и животныя прошлой геологической эпохи. Гёттисонъ, стр. 381 и далѣе. Научные результаты экспедиціи, снаряженной Имп. Акад. Наукъ для раскопки мамонта, найденнаго на р. Березовкѣ... стр. 131.

губерніи. Въ послѣдней онъ жилъ не только на памяти исторіи, но и на памяти еще живущаго поколѣнія, встрѣчаясь въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи не особенно въ маломъ количествѣ еще въ 50-хъ годахъ XIX столѣтія. Теперь въ губерніи его больше нѣтъ.

Что же вытѣснило оленя отсюда? Человѣкъ съ его приспособленіемъ и обработкой природы и съ его преслѣдованіемъ всего, что не отдалось ему въ рабство? Нѣтъ, едва ли, или по крайней мѣрѣ не больше другихъ воздѣйствователей. Дѣло въ томъ, что исчезновеніе сѣвернаго оленя изъ Ярославской губерніи совершилось въ 80—90 г.г. XIX ст. т. е. много спустя послѣ освобожденія крестьянъ, съ которыми пали помѣщичьи хозяйства и охоты и быстро совратилось число самихъ помѣщиковъ, проживавшихъ въ уѣздахъ. Еще меньше осталось тамъ послѣ того помѣщиковъ-охотниковъ, оообенно, по звѣрю; такіе были рѣдкимъ явленіемъ. Крестьяне Ярославской губерніи, за единичными исключеніями, охотой не занимаются, считая ее пустымъ и убыточнымъ время-провожденіемъ, а охотниковъ—за бесполезныхъ, ненужныхъ людей. Да заниматься охотой крестьянамъ и некогда. Наконецъ, было время, когда охота на сѣвернаго оленя составляла главное занятіе человѣка, и есть страны, какъ напр. С.-В. Сибирь, гдѣ такая охота до сихъ поръ является одной изъ основъ существованія¹⁾. Однако ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ названное животное не только не исчезало, но явно и бесспорно и не уменьшалось численно. Стало быть, не человѣкъ съ его дѣятельностью былъ главною причиною исчезновенія сѣвернаго оленя въ средней Россіи, а въ томъ числѣ и въ Ярославской губерніи, гдѣ объ охотѣ на него никогда ни читать, ни слышать не приходилось. Внѣшнія природныя условія тоже, казалось бы, нельзя признать за причину исчезновенія здѣсь оленя. За послѣднія 50—60 лѣтъ замѣтныхъ перемѣнъ этихъ условій, видимо, не произошло. Сверхъ того, въ сѣверныхъ частяхъ губерніи, какъ напримѣръ во всей сѣверной половинѣ Мологскаго уѣзда и не малой части Пошехонскаго, эти условія довольно близки къ тундровымъ, наиболѣе роднымъ для сѣвернаго оленя. Здѣсь встрѣчаются еще нетронутыя земли, множество болотъ, достаточно лѣса, не мало тихихъ глухихъ мѣстъ, ягеля или исландскаго мха—обиліе. А между тѣмъ олень все-таки покинулъ предѣлы губерніи, въ которой его близкій родичъ—лось, не смотря на преслѣдованіе человѣкомъ, продолжаетъ водиться всюду, а съ появленіемъ

¹⁾ У чукчей, эвэгиновъ и др.

ніемъ охраннаго закона и замѣтно размножаться, показываясь даже въ большихъ городахъ ¹⁾).

Приведенныя указанія и соображенія заставляютъ искать причину выселенія оленя изъ губерніи въ явленіяхъ болѣе глубокихъ и общихъ, поддающихся наблюденію лишь при широкомъ и всестороннемъ изученіи окружающей природы. Въ общемъ ее можно охарактеризовать, какъ измѣненіе климата и какъ тѣ, нерѣдко неувловимыя въ началѣ измѣненія окружающаго, которыя вызываются измѣненіемъ только-что упомянутымъ и которыя становятся замѣтными лишь спустя много послѣ своего появленія, при значительномъ накопленіи. Та же самая причина, которая сѣвернаго оленя вытѣснила къ С., переводитъ въ губернію многія растенія съ юга ²⁾. И жметса сѣверный олень, обреченный на вѣрную неотвратимую гибель, все больше и больше къ тому-же студеному морю, на берегахъ котораго сложила уже свои кости мамонтъ, когда-то пасшійся вмѣстѣ съ первымъ на одной и той-же тундрѣ, и гдѣ ляжеть и послѣдній дикій сѣверный олень материка. То, что по отношенію оленя совершается на нашихъ глазахъ, съ мамонтомъ произошло въ отдаленныя времена; олень ³⁾ идетъ по пути, пройденному мамонтомъ, носорогомъ и другими животными ледниковой поры.

Мамонтъ шелъ съ юга ⁴⁾. Вмѣстѣ съ нимъ шелъ человекъ, питавшійся его мясомъ ⁵⁾ и прошедшій за нимъ всю Россію до сѣверныхъ морей, т. е. всего вѣроятнѣе и Ярославскую губернію. Следовательно, если въ послѣдней жилъ древне-каменный человекъ, то пришелъ

¹⁾ Въ Ярославлѣ; въ загаряхъ подъ Ярославлемъ; въ Рыбнскѣ; въ Костромѣ. Въ эти случаи, появленіе и неопаленіе въ печатъ, отмѣчены въ продолженіи послѣднихъ 10 лѣтъ.

²⁾ Въ одномъ изъ весеннихъ засѣданій (1903 г.) Ярославскаго Естественнаго-историческаго Общества г. Дмитріева сообщалъ о довольно упорномъ пронаживеніи въ губернію болѣе южныхъ видовъ растеній, захватывающихъ здѣсь все большее и большее поле распространенія. Нѣкоторыя растенія всего 30—40 лѣтъ назадъ попадавшіяся здѣсь рѣдко, въ послѣднее время становятся довольно обыкновенными. (Сѣверн. Край 1903 года № 108, стр. 3). На смѣну растеній по завлеченію Дмитріева больше всего вліяетъ климатъ.

³⁾ Да и не одинъ олень,—бѣлый медвѣдь, песецъ и др. животныя полюса раздѣляютъ ту же участь.

⁴⁾ Гр. Уваровъ говоритъ, что онъ явился на материкъ Европейской Россіи изъ Азіи (то же, стр. 119), вѣроятно, основываясь на близости мамонта къ индійскому слоу. Но такъ какъ слоу есть и въ Африкѣ, т. е. др. словами распространенъ по всей жаркой полосѣ восточнаго полушарія и такъ какъ остатки его находятся во всей южной Европѣ и средней Азіи (см. Гетчинсонъ, стр. 335), то вѣрнѣе думать, что мамонтъ представлялъ особый видъ полярнаго слоу, сложившійся вполнѣ въ пору ледовица и жившій по всему материку Евразіи-Азіи.

⁵⁾ На обследованной Хвэйкоу стоянкѣ найдено однихъ членикъ челюстей 53 и множество обгорѣлыхъ и разбитыхъ костей (Труды XI Арх. Съѣзда т. 1, стр. 745); на стоянкѣ близъ с. Говды гр. Уваровъ нашелъ также обожженные кости мамонта (Археол. Рос., Вѣстк. пер., 1, стр. 119).

онъ въ нее съ юга. За то-же что человекъ этотъ могъ жить здѣсь, говоритъ обидіе находокъ ¹⁾ въ губерніи костей и даже цѣлыхъ костей мамонта, притомъ-же, на мѣстахъ первоначальныхъ лежекъ, вѣ также то соображеніе, что если человекъ прошелъ за мамонтомъ всю Россію, то не видится причинъ, по которымъ онъ не могъ-бы жить въ Ярославской губерніи или ради которыхъ долженъ былъ-бы обойти ее.

Что-же случилось съ этимъ древнекаменнымъ человекомъ? Вымеръ-ли и онъ какъ мамонтъ, достигнувъ полярныхъ береговъ, или продолжаетъ еще существовать, какъ существуетъ современникъ и почти снугнакъ мамонта, сѣверный олень? Отвѣтить на этотъ вопросъ можно лишь съ нѣкоторой долей вѣроятности, такъ какъ тундра мало изслѣдована и относительно строенія земли, и относительно древностей. Принявъ во вниманіе то обстоятельство, что костей вымершаго человека ²⁾ ни среди обилія ископаемыхъ костей животныхъ, ни въ могилкахъ не попадается, и что находимыя кости, судя по черепамъ и другимъ признакамъ, принадлежать представителямъ еще существующихъ племенъ, можно думать, что человекъ—современникъ мамонта не стнулъ съ лица земли и продолжаетъ жить, какъ и сѣверный олень. Это предположеніе кажется тѣмъ вѣроятнѣе, что приспособительная способность у самаго дикаго человека несравненно больше, чѣмъ у самаго развитого животнаго, такъ какъ человекъ не только самъ приспособляется къ природѣ, но и природу приспособляетъ къ себѣ.

Какое-же изъ живущихъ нынѣ племенъ можно было-бы признать за потомковъ современниковъ мамонта?

Изглянувъ на этнографическую карту Россіи, видишь, что большинство племенъ, достигшихъ полярныхъ прибрежій, или тянутся къ нимъ длинными полосами изъ болѣе южныхъ широтъ, какъ напримѣръ якуты, или, если и не представляютъ непрерывныхъ таковыхъ полосъ, то располагаютъ прерывными, разорванными на отдѣльныя части, очевидно, може,—сосѣдними съ ними народностями, какова, напримѣръ, финская или тунгусская полоса. Изъ народностей-же, представляющихъ обособленными и прижатыми къ Сѣверному океану, являются лишь самоды, юпигеры и чулки. Послѣдніа двѣ для Европейской Россіи

¹⁾ Ссылки о нѣкоторыхъ изъ этихъ находокъ въ статьѣ Бр. Дессъ въ Zeitschr. d. Deutsch. geolog. Gesellsch. 1896 г. № помѣщенный также въ переводѣ статьи В. Берендса въ Ар. губ. Вѣд. за 1897 г., №№ 231 и 232 и отдѣльныхъ отчетахъ.

²⁾ Древней каменки.

значенія имѣть не могутъ, какъ слишкомъ удаленныя отъ насъ, стало быть остаются одни самоѣды.—племя дѣйствительно очень первобытное, называемое даже остатками, которые я самъ полудиваря, диварями, грубыми, варварскими людьми—егра—(jögta), ягра¹⁾. Представляя изъ себя широкоголовое (показатель около 82) низкорослое,—отъ $2\frac{2}{3}$ — $2\frac{1}{4}$ арш.,—племя, самоѣды еще очень недавно были исключительно оленеводы—охотники на звѣря и только отчасти рыбаки, до 50 г.г. XIX ст. сохранявшие слѣды людоедства²⁾. До сихъ поръ они питаются сырымъ, главнымъ образомъ, оленьимъ мясомъ, куски котораго мочатъ въ крови и отрѣзываютъ (снизу вверхъ, къ носу) у самаго рта и нюхотъ теплую кровь только-что убитаго животнаго, считаемую за особое лакомство. Одѣваются въ шкуры того-же оленя, спиваемыя его-же жвалами, на шкурахъ спать, ими-же покрываютъ коническій остовъ своего шалаша—чума; изъ костей и роговъ дѣлають разные орудія домашняго труда и обихода; жиръ жгутъ для освѣщенія; на оленѣ ѣздять,³⁾ его-же приносятъ и въ жертву богамъ. Словомъ, это по преимуществу оленьи народъ, народъ, все благоосостоянiе котораго основано почти исключительно на сѣверномъ оленѣ и которому безъ оленя грозитъ гибель.

Всѣхъ самоѣдовъ нынѣ считается всего около 2000, занимающихъ обширное пространство отъ восточной части Архангельской губернии и далѣе на В. по низовьямъ Оби и Енисея,—до Хатанской губы (залива). Первоначальной родиной ихъ Кастрень считаетъ земли болѣе южныя—Саянское нагорье⁴⁾, гдѣ, по его словамъ, живутъ отатарившіеся и омонголившіеся родичи самоѣдовъ: койбалы, карагассы, сагайцы, моторы и соботы (сонты) или уринханцы. Къ такому заключенію Кастрень

¹⁾ Д. Н. Анучинъ. Древности (Труды Моск. Арх. Общ.), т. XIV, стр. 248. Вогулы и остатки зовутъ самоѣдовъ еще юрмытъ, яргытъ, ярганъ, т. е., какъ думаетъ Европеецъ, тудровый, или вѣрнѣе, чуждой: остатковъ яра—чужой (Энцикл. слов. Бронгауза и Ефрона: «Остатки», гдѣ указано, что слово яра самоѣды обозначаютъ остатковъ, а не наоборотъ).

²⁾ То же, стр. 265—266. Кумелавскій собралъ много данныхъ о людоедствѣ самоѣдовъ (стариковъ, враговъ и пр.), допущенномъ и Анучинимъ. О малорослыхъ людяхъ и людоедахъ, жившихъ гдѣ-то на С., за предѣлами извѣстнаго міра, слухи ходили уже въ глубокой древности (гиперборей, антропософи),—за 2300 лѣтъ до насъ (Геродотъ) и, разумеется, не безъ основанія. Они сообщали шестку, не только мало повѣрившущъ, на словахъ испанцу. Это солдаты. Какъ русскіе еще XV в. плохо знали и рѣдко посѣщали сѣверныхъ народовъ, а хорошо и имъ ихъ не знаютъ, то не удивительно, что за 400 лѣтъ до Р. X. о нихъ только слышали. Понятно и то, что слухи были не точны: пробраться далеко на С. удавалось единичнымъ личностямъ, слова которыхъ пересказывались десятками тысячъ, искажаясь безъ нагнѣнаго нагнѣнія, совершенно незолжно.

³⁾ Задать теперь я не любалъ, но обычай этотъ народилъ, аяцко, отъ вагѣй остатковъ (то же, стр. 268).

⁴⁾ Энцикл. словарь Бронгауза и Ефрона т. XXVIII, статья Д. Н. Анучина.

пришелъ на основаніи языка, который въ 50 г. XIX ст. еще помнили старики и который похожъ былъ, по словамъ Кастрена, на самоѣдскій. Насколько можно довѣрять Кастрену въ данномъ случаѣ, трудно сказать, но не лишнимъ будетъ замѣтить, что авторитетъ его по отношенію финскаго языка, несравненно болѣе изученнаго и доступнаго изученію, поколебленъ Д. П. Европеусомъ ¹⁾, признавшимъ за угорское (венгерское) то, что Кастрень признавалъ финскимъ. Оставляя выясненіе вопроса людямъ болѣе освѣдомленнымъ, я со своей стороны замѣчу лишь слѣдующее. Разселеніе прасамоедовъ къ С. объясняютъ напоромъ тюрко-монголовъ съ Ю., а разъединеніе—наступленіемъ югры—угры (остяковъ) съ З., врѣзавшейся въ массу прасамоедовъ и отдѣлившей самоедовъ отъ болѣе южныхъ родичей ²⁾.

Что югра—остяки нѣкогда жили въ Европейской Россіи и лишь позже передвинулись за Уралъ, это теперь установлено довольно прочно ³⁾. Наличие преданій у самоедовъ и остяковъ о взаимной борьбѣ ихъ также засвидѣтельствована, но ни то, ни другое не говоритъ еще прямо о томъ, что дѣло было именно такъ, какъ предполагаютъ. Регули, на основаніи такъ называемой лѣтописи земли, т. е. названій живыхъ урочийщъ, пришелъ къ выводу, что долина рѣки Усы (прав. притокъ Печеры) и страна къ С отъ нея населена была самоедами съ *давнихъ поръ*, тогда какъ на югъ отъ Усы лежитъ исконная область зырянъ. Угры тронулись—<изъ-за Суздаля> къ югу въ 884 г. ⁴⁾, каковое время Европеусъ и принимаетъ за начало дѣйствительнаго разъединенія финно-угорской народности. Слѣдовательно, если послѣднее вѣрно, угры—остяки могли двинуться къ Уралу не раньше этого времени, а дѣйствительно двинулись, вѣроятно, гораздо позже подъ давленіемъ (хотя-бы и не непосредственнымъ) напиравшаго съ З. славянства, такъ какъ съ убылью части угровъ къ Ю. на ихъ родинѣ стало свободнѣе. По крайней мѣрѣ западные путешественники: монахъ Іуліанъ, Плато Карянинъ и Рубруквисъ еще въ XIII ст. встрѣтили на З. отъ Урала близъ Камы народъ, говорившій по угорски ⁵⁾. Между тѣмъ

¹⁾ Объ угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи, въ Финляндіи и въ сѣверной части Скандинавіи до прибытія туда викинговъ икъ итталей. Труды второго археолог. съѣзда въ С.-Петербургѣ, выд. 1. отд. IV Г, стр. 81.

²⁾ Древности, т. XIV, стр. 249.

³⁾ Энциклоп. словарь. Слово «остяки». Древности, т. XIV, стр. 248.

⁴⁾ Древности, т. XIV, стр. 265 и др.

⁵⁾ То же стр. 247, гдѣ Анучинъ высказываетъ мнѣніе, что свѣдѣнія о сношеніяхъ древнихъ новгородцевъ съ югрой объяснимо только при допущеніи, что угра жила не очень далеко отъ Новгорода

новгородец Гюрята Рогович встрѣтилъ самоѣдовъ въ предѣлахъ Архангельской губерніи уже въ XI в. (1096 г.)¹⁾, а поселились они тамъ, разумѣется, еще раньше и притомъ значительно раньше, такъ какъ успѣли сдѣлаться²⁾ оленнымъ вародомъ, каковымъ въ Саянахъ быть не могли. Слѣдовательно, не остяки—угры загнали самоѣдовъ къ полярному морю, а тѣмъ болѣе не на ближайшей памяти людей. Конечно, сказанное не исключаетъ возможности боевыхъ столкновений названныхъ народовъ, воспоминанія о которыхъ сохранились въ ихъ преданіяхъ. Только столкновения эти не имѣли такихъ рѣшающихъ и крупныхъ послѣдствій, какъ вытѣсненіе цѣлаго народа съ родины, ибо ни о чемъ такомъ преданія не говорятъ, повѣствуя главнымъ образомъ лишь о богатырскихъ подвигахъ отдѣльныхъ лицъ³⁾. Наконецъ, что касается родственности самоѣдовъ съ западными монголами⁴⁾, то родственность эта должна быть установлена на основаніи чего либо болѣе прочаго, чѣмъ одно сходство языковъ (если вѣрять ему), такъ какъ языкъ можетъ быть и заимствованъ⁵⁾ и смыслъ объясненъ. Гораздо надежнѣе въ данномъ случаѣ физическій типъ. Но типъ самоѣдовъ едва-ли поддѣржать выводъ, основанный на данныхъ языка, такъ какъ довольно отличенъ отъ чистаго монгольскаго типа. Самоѣдовъ относятъ къ урало-алтайскому племени и считаютъ близкими къ финнамъ⁶⁾, но отличающимися отъ послѣднихъ, какъ и отъ остяковъ, и внѣшностью, и языкомъ. Самоѣдъ коренастъ и хотя низокъ ростомъ, но выше, крѣпче и упитаннѣе остяка; прямые жестковатые волосы и глаза черные, темно-каштановые, или каріе; кожа смуглая; борода растетъ плохо; кисти и ступни

и не за Ураломъ. См. еще «Объ Угорскомъ народѣ» Каролеуса и у А. А. Кунава (Изв. Ал. Бекри и др. авторовъ о Руси и славянахъ, стр. 63, 157) приводящаго свѣдѣнія о венграхъ—уграхъ X в., жившихъ на тѣхъ-же мѣстахъ въ шаграхъ и бывшихъ скотоводами-очечниками.

¹⁾ Древности, стр. 249; Плано Карпини также знаетъ самоѣдовъ—*zamogeti* (стр. 263).

²⁾ Если не допускать, что были всегда. По словамъ Флетчера, лично видѣвшаго самоѣдовъ, послѣдніе считали себя морскими жителями своей страны, никогда не мѣнявшими своей родины. (Древности, стр. 264).

³⁾ См. статью И. П. Смирнова въ Вѣстникѣ библиот. Самообразования за 1903 г. № 14, ст. 1380—1392.

⁴⁾ Изъ которыхъ урянхайцы—уранги, объединяемые Алуцкими съ сайотами, являются однимъ изъ 4 племенъ, на которыхъ распадается западные монголы. (Древности, т. XIV, 285).

⁵⁾ Движенія монголовъ, напр. къ устьямъ Иртыша, известны въ исторіи. Большая часть самоѣдовъ говоритъ на юракскомъ языкѣ, юраки же, хотя и считаются за самоѣдовъ, но и сами себя отличаютъ отъ нихъ и другіе отличаются и по типу, и по языку, и по характеру. (Древности, стр. 285, 261, 267).

⁶⁾ Энцикл. словарь Брокгауза и Ефр. т. XXVIII, «Самоѣды».

небольшія, голова широкая, лицо плоское, но мѣтѣ, чѣмъ у остяковъ ¹⁾), носъ хотя не приплюснутъ и часто правильной формы, но малъ и съ очень пологимъ переподемъ, скулы большія и выдающіяся, глаза узкіе—монгольскіе, косопоставленныя со вздутыми вѣками, по языку дѣлятся на 4 парѣчія.

Въ заключеніе приведу мнѣніе Н. С. Полякова, посетившаго Обь и изучившаго тамъ остяковъ ²⁾), о томъ, что вѣкъ сѣвернаго оленя еще не закончился, такъ какъ нѣкоторые начала его переживаютъ на Оби, гдѣ даже у остяковъ, смотрящихъ на самоѣдовъ съ иносказаніемъ и считающихъ ихъ варварами ³⁾), донынѣ существуютъ предметы обихода, дѣлаемые изъ камня по образцу древнѣйшихъ, а кости и рога сѣвернаго оленя занимаютъ первенствующее положеніе при выработкѣ различныхъ издѣлій, между прочимъ и невонечивовъ стрѣлъ.

Точно также и А. А. Штукенбергъ, нашедшій каменные орудія въ Тиманской тундрѣ у рѣки Индиги на поверхности почвы, замѣчаетъ, что они сравнительно недавняго происхожденія и моложе находимыхъ въ средней Россіи ⁴⁾). Недостатокъ нужныхъ данныхъ не позволяетъ обосновать болѣе прочно и вполне развитъ высказанную догадку, явившуюся въ наукѣ не сегодня. Ее высказывали многіе и притомъ авторитетные ученые съ тою только разницей, что за потомковъ древнѣйшаго человѣка принимали обыкновенно лопарей—финновъ.

Какъ-бы то ни было, но для сѣверной половины Россіи, а въ частности для Ярославской губерніи *куриановъ древняго каменнаго вѣка не известно*, въ параллель чему есть извѣстія о томъ, что самоѣды въ старину мертвыхъ не хоронили, а сѣдали:... «а который гость у нихъ умретъ, и они того сѣдаютъ, а въ землю не хоронятъ; а своихъ тако-жь» ⁵⁾). Это свидѣтельство древней письменности можетъ служить заключеніемъ обзора вопроса о ярославскихъ курганахъ по отношенію къ древней каменкѣ. Помимо его изъ вовереннаго можно одѣлать еще

¹⁾ Носъ и губы выступаютъ значительно, а подбородокъ и лобъ бытъ покаты назадъ. Нужно замѣтить, что чистый типъ самоѣды встрѣчается не часто и, собственно говоря, долженъ быть еще установленъ, ибо большинство самоѣдовъ или финнизованы, или монголизованы. (См. портреты этихъ людей у А. А. Боржкова, —Изма 1902 г. стр. 416, Вышка и Сала.)

²⁾ Антропологическія походы въ центральную и восточную Россію, стр. 112, 109.

³⁾ Называютъ—«орхой»—длинъ чѣловѣкъ (Древности, стр. 265).

⁴⁾ Каменный періодъ, I, стр. 230. Приводящій это извѣстіе гр. А. С. Уваровъ не соглашается съ Штукенбергомъ и, основываясь на качествѣ работы, считаетъ орудія за древнекаменновѣчные. По своему праву оба: орудія изготовилъ древнекаменный человѣкъ, но въ недавнее время. Тиманская тундра лежитъ на лѣвомъ берегу нижней Печоры, въ Ю.-В. отъ остр. Валуева.

⁵⁾ Древности, стр. 263, тутъ-же и показанія иностранцевъ.

другое заключеніе: о заселеніи губерніи. Онѣ, являющееся по времени первымъ, по всей видимости, совершилось съ Ю. и при томъ дашекаго юга первобытнымъ народомъ, прошедшимъ постепенно въ теченіи вѣковъ всю Россію за животными, передвигавшимися къ С. за отступающими ледниками, и остановившимися на берегахъ полярнаго моря, гдѣ остатки его, быть можетъ, живутъ еще и нынѣ, извѣстные подъ именемъ самоѣдовъ ¹⁾. Это древнее населеніе обитало въ Ярославской губерніи хотя и долго, но все-таки проходило и покинуло губернію, всего вѣроятно, добровольно,—въ томъ смыслѣ, что не было вытѣснено другимъ населеніемъ, а передвинулось дальше къ С. (безсознательно, не давая себѣ въ томъ яснаго отчета и даже не имѣя представленія о совершаемомъ) къ поискахъ привычныхъ обстановки и условій существованія.

14.

Переходя къ обзору *новокамники*, нужно замѣтить прежде всего, что въ мѣстахъ перваго появленія ея въ Россіи, т. е. на югѣ послѣдней пору *новокамники* отдѣляются отъ древнекамники огромнымъ промежуткомъ времени, въ который измѣнилась почти вся поверхность Европейской Россіи, успѣли отложиться значительныя толщи лесса и чернозема, т. е. однихъ изъ наиболѣе медленно-скапливающихся образованій, совершилась смѣна растеній и животныхъ, и въ большую часть котораго указанная полоса оставалась необитаемой.

Высказанное положеніе является пока господствующимъ. Можетъ быть, дальнѣйшія изслѣдованія и открытія ослабятъ его, но едва-ли когда-нибудь уничтожатъ совсѣмъ. По крайней мѣрѣ къ нему приходятъ все изслѣдователи, которымъ посчастливилось изучать памятники того и другого времени въ одномъ мѣстѣ ²⁾. При этомъ условія встрѣчаются иногда поразительные случаи. Такъ В. В. Хвойко, открывшій въ Кіевѣ обширную стоянку очень ранняго времени древнекамники, залегавшей на третичныхъ слояхъ ³⁾, тамъ-же нашелъ и стоянку

¹⁾ См. объ этомъ предметѣ выше, въ обзорѣ копарей.

²⁾ Антропологическая поездка въ центральную и восточную Россію. Изв. С.-м. Имп. Общ., стр. 28. Труды XI Арх. Съѣзда, статья В. В. Хвойки, т. I, стр. 742,—перечень находокъ; стр. 754... Геологическое примечаніе, какъ рассматривающій предметъ съ иной точки зрѣнія. Геологическихъ данныхъ много въ трудахъ Геологическаго комитета, гдѣ и указанія литературы.

³⁾ Труды XI Съѣзда, т. I, стр. 742, 753.

новокамники. Но кострища той и другой раздѣляла толща земля въ 10 саж., состоящая (съ верха въ низъ) изъ:

1) чернозема до	1 метр.толщ. (около 45 вер.).
2) лесса >	10 > >
3) суглинки >	1 $\frac{1}{2}$ > >
4) слоистыхъ песковъ	6 > >
5) желѣзистаго песчаника, слоя валуновъ и желѣзистыхъ сростковъ	1 $\frac{1}{2}$ > >
6) сѣро-зеленыхъ песковъ	1 > >

22 метр. = 31,9 ар. (31 ар. 14 $\frac{1}{2}$ в.).

и лежащая на синей глинѣ. Во всей этой толщѣ не было признаковъ человѣка и вообще обитанія, а появившійся на лессѣ или, вѣрнѣе, черноземѣ человѣкъ уже во всемъ отличался отъ своего предшественника. Жилъ онъ на новой дѣвственной почвѣ, жизнь его имѣла со-всѣмъ иной, чѣмъ у того складъ и обстановку, окружала его также иная природа, другой климатъ, другія растенія и животныя, — въ общемъ, почти тѣ же, что и нынѣ: небольшіе хищники, лошади, жвачныя ¹⁾). И самъ онъ былъ не похожъ на предшественника, да и не имѣлъ съ нимъ никакой прямой и непосредственной, родственной связи. Между ними, хотя не было бездны, но за то была огромная толща земли. Преемникъ сѣлъ не на пепелище предшественника, а на совершенно новомъ, дѣвственное мѣсто, не подозревая даже, что равнше его въ тѣхъ-же мѣстахъ, но на другой почвѣ, лежащей значительно ниже, жили другіе люди.

Южныя оконечности ледниковъ какъ при самомъ началѣ появленія послѣднихъ, такъ и въ пору наибольшаго развитія ихъ почти постоянно таяли, какъ выходящія изъ предѣловъ льдовъ. Поэтому южныя границы ледовица постоянно измѣнялись, въ теплое время отступая къ С., а въ холодное надвигаясь къ югу. Лѣтомъ изъ-подъ ледниковъ вытекало множество потоковъ мутной воды, разливавшихся по третичной поверхности и стекавшихъ въ третичныя рѣки. Уже эти ледниковыя воды значительно мѣняли поверхность, усиливая дѣятельность текущихъ и стоячихъ материковыхъ водъ чрезъ переполненіе ручьевъ, рѣкъ, болотъ и озеръ и зарождая новыя текучіе и стоячіе водоемы. Первые ровняли (нивелировали) поверхность, разрушая ее въ однихъ мѣстахъ

¹⁾ Подпозовъ, стр. 37.

в переминая, сортируя и отлагая огромныя количества образовательнаго матеріала въ другихъ мѣстахъ; вторыя создавали, наращивали, выполняя или выравнивая своими осадками занятыя ими неровности. Такимъ образомъ оледенѣніе сѣверной Россіи ¹⁾ отзывалось на южной Россіи уже съ самаго своего возникновенія какъ непосредственно, такъ и посредственно, увеличивал влажность воздуха послѣдней и вмѣстѣ съ этимъ количество вынадававшихся въ ней осадковъ. Но пока ледовище развивалось, т. е. пока охлажденіе шло на увеличеніе, всѣ эти явленія обнаруживались не особенно ярко, такъ какъ развивались медленно и постепенно и, притомъ, все съ увеличивавшимися и увеличивавшимися перерывами во время также все удлинявшейся зимы. Когда-же оледенѣніе и создавшее его и въ его очередь создаваемое имъ охлажденіе достигли высшей мѣры разлитія и наступилъ переломъ, т. е. стало теплѣть, тогда воѣ описанныя явленія начали развиваться быстро и, притомъ, съ постоянно возрастающей скоростью. Что въ пору охлажденія только намѣчалось за границами ледниковъ, то во время таянія достигало поразительныхъ размѣровъ. Ручьи превращались въ рѣки, рѣки выходили изъ береговъ, болота и озера разливались въ цѣлыя внутреннія моря, возникало множество новыхъ водоемовъ всякаго рода, такъ какъ снѣгъ и ледъ таяли, но, благодаря громадному количеству ихъ, не стаявали, какъ теперь весной, а лишь медленно убывали и таяніе продолжалось изъ года въ годъ все теплое время до заморозковъ, давая такое обиліе воды, которое не успѣвало ни стекать, ни впитываться въ почву. Послѣдному въ области ледниковъ способствовало еще то, что освобождавшаяся изъ-подъ нихъ земля была глубоко промерзшей, каковой она остается донныѣ на полярныхъ берегахъ въ предѣлахъ тундры. Послѣ вѣка ледовища насталъ вѣкъ воды или наводненія ²⁾. Всѣ низкія мѣста были заняты водой, достигавшей глубины отъ нѣсколькихъ вершковъ до десятка и болѣе

¹⁾ Возникшее отъ того-ли, что Сахару залило море, или отъ того, что ось земная перемигнулась, или-же наконецъ, просто отъ того, что время пришло, что земля достигла нужнаго для возникновенія оледенѣнія возраста, какъ человѣкъ дѣлится до сѣдого волоса, — здѣсь въ сущности не важно.

²⁾ Сказанное не должно называться преувеличеннымъ или вѣнротамымъ. Въ правдыости сдѣланнаго заключенія убѣдиться не трудно, даже помимо геологическихъ данныхъ; стоитъ только вспомнить, какое количество воды даетъ нивы снѣгъ и ледъ, образующіеся всего только въ теченіи нѣсколькихъ (3—6) лѣтъ, и какія поразительныя явленія производятъ дружная весна. Между тѣмъ наблюдаемое нынѣ представляеть изъ себя крошечное подобіе верхившагося во вторую половину поры ледовища. Правда, таяніе тогда совершалось медленно, но за то оно тянулось дольше, — все теплое время. Кромѣ того, таяніе не только ежегодно осѣдавшее количество снѣга, которое было сморѣй больше, чѣмъ меньше теперешняго, а и мощныя пласты его, накопившіеся въ теченіи многихъ предыдущихъ вѣковъ первой (или собственно ледовища, — поры охлажденія). Напомню еще, что о поледническомъ вѣкѣ преданія о пестрѣй.

ожженъ. Вода эта, по крайней мѣрѣ въ некоторое время, была почти вся текучая если не во всей своей толщѣ, то въ верхнихъ частяхъ и съ поверхности, ибо подъ нею были стоки въ видѣ долинъ третичныхъ рѣкъ, залитыхъ ею. Восстановить направление тогдашнихъ теченій въ главныхъ чертахъ можно уже и теперь по имѣющимся даннымъ высотъ и строемъ почвы. Когда-же наконится этихъ данныхъ больше, особенно послѣднихъ, и когда будетъ обращено больше вниманія на естественную сортировку ледниковаго матеріала въ связи съ мѣстомъ его залеганія, тогда разсматриваемыя теченія можно будетъ указать съ значительной подробностью. Это-же важно не столько по тому, что укажетъ, куда вода текла, сколько по тому, что даетъ указанія о томъ, откуда она текла, т. е. другими словами, гдѣ раньше началось таяніе и гдѣ оно длилось дальше ¹⁾.

Разъ есть вода, она, какъ вещество очень жидкое и весьма подвижное, не остается въ покоѣ, а постоянно работаетъ, даже стояча. Чѣмъ больше ея количество, тѣмъ больше и работа и тѣмъ поразительнѣе послѣдствія работы. Чѣмъ быстрѣ теченіе воды (а оно зависитъ и отъ количества), тѣмъ больше можетъ она завѣсть въ себя (осуспендровать) и нести съ собой всякихъ постороннихъ нерастворимыхъ частицъ, тѣмъ тяжеле, а стало-быть, въ извѣстныхъ предѣлахъ, и крупнѣе могутъ быть эти частицы и тѣмъ дальше она ихъ унесетъ. Терекъ несетъ валуны, Волга лишь меньшей пескомъ. Послѣдствія такого закона очевидны. Какъ только таяніе въ сѣлу кабахъ-либо причиняетъ ослабнетъ хотя сколько-нибудь, такъ тотъ-часъ же изъ воды начнутъ осаждаться на дно изъ взвѣшенныхъ въ ней частицъ тѣ, тяжесть которыхъ окажется больше двигающей ихъ силы. Если теченіе еще ослабнетъ, то начнутъ осѣдять слѣдующія по тяжести частицы и т. д. въ послѣдовательномъ порядкѣ до самыхъ мелкихъ. А такъ какъ теченіе ослабѣваетъ, съ одной стороны, отъ убыли количества воды, а съ другой, отъ убыли напора русла, то указанная сортировка матеріала вершится какъ въ поперечномъ, такъ и въ продольномъ направленіяхъ. Если къ указанному прибавить, что ледники, — источники водъ поры наводненій, — хотя и постепенно, но постоянно отодвигались все дальше и дальше къ С., т. е., что теченіе ледниковыхъ водъ въ южной Россіи

¹⁾ Очевидно, что та возвышенность, съ которой текутъ Волга, Меза, З.-Двина и Днѣпръ, отдала первое циркуляціоннѣе мѣсто, такъ какъ въ противномъ случаѣ, т. е., обсохши раньше окрестностей, она не могла-бы питать эти рѣки и отъ тогда-бы не съ нею, а изъ какого-либо другого мѣста, расположеннаго ютѣмъ ютѣе.

дѣлалось все медленно, то ясно будетъ, что съ возрастаніемъ таяніа должны были отлагаться на югъ Россіи все болѣе и болѣе мелкіе осадки. Именно это и наблюдается въ дѣйствительности, какъ можно судить и по приведенному выше перечню напластованій въ Кіевѣ. Тамъ внизу лежатъ валуны, на нихъ песокъ, на пескахъ суглинокъ, а на пей лессъ,—чрезвычайно тонкій пылообразный осадокъ. Особенности строенія его вызвали въ мозгѣ даже недоумѣніе и породили невѣроятныя предположенія о воздушномъ происхожденіи ¹⁾. Но теперь не можетъ быть сомнѣній въ этомъ отношеніи: лессъ есть ничто иное, какъ отмученная глина, осѣвшая въ тихой стоячей или весьма медленно текущей водѣ; та тончайшая мусть, которую въ водѣ не всегда можно и замѣтить простымъ глазомъ ²⁾ и которая даже въ стаканѣ, находящемся почти въ совершенномъ покоѣ, осѣдаетъ или отстаивается только весьма медленно, а укладывается или слагается очень плотно.

Сколько-же должно было пройти времени (допуская даже и одѣянтіе самыхъ ускоряющихъ обстоятельствъ вроде испаренія и т. п.), чтобы отложились, напримеръ, хотя-бы кіевскія толщи лесса, достигающія 15 арш. мощности? Не мудро, что за время отложенія ледниковыхъ осадковъ успѣла совершиться на югѣ Россіи полная смена растительнаго и животнаго царствъ до человѣка включительно.

Мощность ледниковыхъ осадковъ убываетъ къ югу, послѣднихъ-же въ обратномъ направленіи къ сѣверу, что объясняется болѣею длительностью ихъ осѣданія въ одномъ случаѣ на сѣверѣ, въ другомъ на югѣ. Иногда въ Ярославской губерніи только-что начали появляться

¹⁾ Нолльковъ, стр. 36. Измѣняя лессъ воздушной и даже космической пылью, опустыли въ виду то обстоятельство, что если-бы это предположеніе было вѣрно, то лессъ долженъ былъ-бы попадаться на всей земной поверхности, а не на некоторыхъ только и притомъ конглобатовъ и глыбахъ ея, скрывающихъ тѣмъ или иначе съ ледниками, что для юга (например, Валаала) очевидно (см. Исторіаки по археологіи Валаала, вып. VIII, гдѣ лессъ отбѣивается на рѣкѣ).

²⁾ Она придаетъ общую окраску водѣ и дѣлаетъ ее «мутной», тогда какъ известъ сообщаетъ водѣ «жесткость». Однородное, въ большинствѣ не слоновье и динское величій органическихъ остатковъ скрепленъ лѣсомъ облепаченныя пощѣло его археологическія. Она осѣдала изъ воды, образованной изъ раставшаго льда и смѣлы и протекавшей по землѣ, вышедшей изъ-подъ льда. Слѣдовательно ни въ той, ни на другой вышавой жизни, ничего органическаго быть не могло, такъ какъ и въ окрестностяхъ ихъ не было. Все живое, болѣе до ледника, восприняло въ кинжалъ смерть его образованій, а что возникло послѣ него, то легло на параличъ сломъ этихъ образованій. А такъ какъ лессъ отлагался изъ ледниковой, т. е. ненаселенной, жертвой воды и при томъ безпрорывно, то въ немъ, при однородности матеріала, и не могло образоваться ни слоновости, ни прислойковъ чего-либо. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лессъ выливается въ ледниковыя образованія, т. е. они его подталкиваютъ и накрываютъ (Труды геол. комит., т. I, № 2, стр. 90). Если, что въ такихъ мѣстахъ вслѣдствіе временнаго охлажденія ледникъ то отогнулся отъ водоема, отлагавшаго лессъ, то слѣды выдвигались къ нему. Иное тамъ, что въ такомъ водоемѣ, при соудствіи ледника, жизни не могло быть и что вообще было еще холодно.

ледниковыя воды, на югъ Россіи, куда онѣ стремились, онѣ успѣли уже отложить на третичную почву значительныя толщи новообразованій и продолжали оттаивать ихъ и одновременно съ оттаиваніемъ и въ Ярославской губерніи. Также дѣйствовали и ледники, но наоборотъ: когда въ Кіевѣ не осталось и слѣдовъ льда, въ Ярославлѣ ледники дѣйствовали еще въ полной мѣрѣ.

Послѣ оледенѣнія, даже съ отступленіемъ ледниковъ далеко къ С., новая жизнь въ Россіи появилась не скоро, и не сразу, такъ какъ послѣ оледенѣнія наступило наводненіе, а послѣ него заболоченность или тундренность и, кромѣ того, все еще продолжали держаться значительныя холода. Доледниковыя растенія и животныя или погибли, или перекочевали къ Ю, или же (наименьшее число) приспособились къ ледниковымъ условіямъ, переродились въ полярныхъ и вмѣстѣ съ отступающими ледниками въ поискахъ привычной обстановки, а отчасти и гонимыя наводненіемъ ¹⁾ уходили все дальше и дальше къ С. Югъ Россіи заливался водой и пустовалъ. Найти пріютъ здѣсь раньше другихъ изъ наземныхъ могли лишь водныя птицы. И, кажется, онѣ именно и были первыми поселенцами на новыхъ мѣстахъ; по крайней мѣрѣ, нынѣ именно онѣ появляются изъ числа первыхъ весеннихъ гостей и залетаютъ дальше всѣхъ на С. въ область ледниковъ, гдѣ выводятъ и дѣтей. Изъ растеній появлялись, смѣная другъ друга, лишай, мхи, болотныя и водяныя растенія и, наконецъ, травы. Древесная растительность не могла явиться скоро: было и холодно и сыро, а главное, почва оттаивала очень медленно и корениться имъ было не въ чемъ. Югъ Россіи изобилуетъ черноземомъ, происхожденіе котораго приписываютъ обыкновенно наземнымъ растеніямъ, одна обильнымъ травамъ, другіе лѣсамъ, третьи и тому и другому ²⁾. Но кажется, что ни травы, ни лѣсъ, по крайней мѣрѣ для нижнихъ слоевъ, тутъ не при чемъ и что южный черноземъ обязанъ своимъ происхожденіемъ, главнымъ образомъ, тому-же, чему и лесъ, т. е. стоячимъ или тихо-текучимъ водамъ. По крайней мѣрѣ въ такихъ водахъ образовался черноземъ и именно въ поледниковую пору многихъ мѣстъ средней Россіи, а между прочимъ и черноземъ Ярославской губерніи (вокругъ Ростовскаго озера, въ Даниловскомъ уѣздѣ и въ другихъ мѣстахъ), гдѣ онъ принадлежитъ къ такъ

¹⁾ Извѣстные въ наводненіи слонами являть главную причину переселенія ледниковыхъ животныхъ къ С. (Тр. XI Ар. Съѣзда т. I, статья В. В. Хвойна), но таковой оно не могло быть, такъ какъ образовалось наводненіе не сразу, да и не въ близкомъ къ ледникамъ разстояніи.

²⁾ Полыновъ, стр. 36.

называемымъ озернымъ отложеніямъ и достигаетъ $12\frac{1}{2}$ вер. толщи. Черноземъ такихъ отложеній дѣлается черноземомъ только тогда, когда пользуется достаточнымъ притокомъ воздуха и можетъ въ достаточной степени перегорѣть, вывѣтриться, промыться и выщелочиться, если-же онъ остается все время подъ водой и покрывается въ ней другими наслоениями достаточно плотными и толстыми, то остается въ видѣ черной, нерѣдко гончарной глины. Происхожденіе его и составъ можно опредѣлить немногими словами; это перегной водныхъ растений то въ видѣ торфа, то въ видѣ тины, слежавшейся и медленно перегорѣвшей безъ достаточнаго доступа воздуха. Главная ¹⁾ составная часть и той и другого—отжившія части водныхъ растений, въ тинѣ полурастворенныя и полуразложенныя водой, но еще неперегорѣвшія и потому дающія осадокъ то болѣе, то менѣе, но вообще сѣраго цвѣта, вязкій, липкій и «жирный», при высыханіи коробящійся и трескающійся корками или «черепьями». Первая ступень подобнаго образованія иль. У земледѣльцевъ подобныя образованія ²⁾ извѣстны подъ названіемъ иловатой или сѣрой земли, а также подзола. Подзолъ—это иль, скоро выпедшій изъ-подъ воды. Когда же онъ остается подъ водой (достаточно глубокой) долго, то превращается въ тину, начинаетъ перегорать и, въ соотвѣтствіе степени перегара, темнѣть. Если водоемъ не осушается, то тина превращается въ черную, часто чрезвычайно пластичную глину, если-же онъ наводняется лишь временно (какъ, напримѣръ, поймы), то иль обыкновенно мало мѣняется. Черная глина, выходя на воздухъ и пролежавъ на немъ достаточное время, превращается мало по малу въ черноземъ. Таковъ черноземъ Ростовскаго и другихъ уѣздовъ Ярославской губерніи, богатый солями и глиной ³⁾, залегающій обыкновенно среди площадей сѣрой земли и подзола, обозначающихъ бывшія озера. Скорѣй и лучшаго качества черноземъ образуется въ тѣхъ водоемахъ, которые заняты водой не постоянно, а временно, т. е. которые то наполняются, то осушаются, но совсѣмъ не высыхаютъ никогда, оставаясь и въ теплое время мокрыми мѣстами, чрезвычайно благоприятными для быстраго гніенія—горѣнія. Образующіеся здѣсь темный и черный торфъ и торфовидныя образованія при соотвѣствующихъ усло-

¹⁾ Не въ смыслѣ количества, а качества.

²⁾ Нѣсколько вывѣтрившіяся. Череня, по всей вѣроятности, имела первобытнаго человѣка на мысль дѣлать изъ или посуду, но крайней мѣрѣ она очень долго дѣлается именно изъ ила, а не изъ глины.

³⁾ Вѣстникъ Яросл. общества 1903 г. № 7—8 и 9, стр. 226 .. и 15... 1905 г. № 2 и 3, отд. IV.

віяхъ ¹⁾ даютъ со временемъ прекрасный черноземъ ²⁾. Южно-русскій черноземъ, по видимому, именно такого или подобнаго ³⁾ образованія, такъ какъ поледниковая или паводковая почва, и спустивъ ледниковыя воды, все-таки еще долго оставалась заболоченной, тундровой, и сухопутная растительность, особенно такая обильная, какую предполагаетъ ее допущеніе развитія изъ нея мощныхъ толщъ чернозема, успѣшно развиваться на ней не могла. Въ средней Россіи, десятки вѣковъ покрытой непрерывно лѣсами и травой, растительный слой даже на цѣльныхъ мѣстахъ достигаетъ всего $\frac{1}{2}$ —8 верш. толщины и никогда чернозема собой не представляетъ. Мало того, нѣтъ здѣсь чернозема даже на искусственно и обильно удобряемыхъ мѣстахъ. Но тамъ же рядомъ съ огромными площадями тощихъ земель залегаютъ небольшіе участки такъ называемыхъ грязей и черныхъ грязей, которыя при осушкѣ обращаются въ клочки чернозема. Подобнымъ совмѣщеніемъ природа какъ бы хочетъ дать наглядный урокъ разумѣнія ея творчества. Не менѣе поучителенъ и другой урокъ. На хорошей почвѣ сада почтв незамѣтно перегной отъ покрывающей ее растительности и опадающихъ ежедневно листьевъ. А на каменной оградѣ, окружающей садъ, даже издали видны бугорки, грядки и кочки чистаго чернозема, отложеннаго мелкимъ бархатистымъ темнозеленымъ мохомъ или жесткимъ сѣрымъ лишаемъ, пріютившимся въ тѣни на камняхъ. И тогда, когда толщина перегнойнаго слоя травы и листьевъ измѣряется лишь миллиметрами, толщина мохового перегноя мѣряется сантиметрами. Поясненія излишни.

Остатки человѣческой дѣятельности послѣ памятниковъ древнекаменныя, лежащихъ подъ ледниковыми образованіями и въ ихъ нижнихъ пластахъ, вновь пачинаютъ попадаться въ южной Россіи, какъ уже замѣчено, лишь выше лесса, въ верхнихъ частяхъ чернозема ⁴⁾, отъ $\frac{1}{2}$ —1 арш. и болѣе отъ поверхности. Новый обитатель обновленной страны существенно отличался отъ своего предшественника, съ которымъ, кромѣ отдаленной преемственности, не имѣлъ никакой прямой связи. Правда, онъ былъ все еще дикарь, но стоялъ несравненно выше

¹⁾ Изъ которыхъ главное—не оставаться подъ водой, растворяющей, разлагающей и илотно уламывающей.

²⁾ На образованіе чернозема значительно вліяетъ подборъ водныхъ растений, густота населенія или водосема и т. д. Но такъ какъ все это зависитъ отъ того, постояннаго или перемежающаго водосема, и отъ его глубины, то въ разсмотрѣніе этихъ вліяній я не вхожу, тѣмъ болѣе, что прикото отношеніямъ въ предмету статьи эти вопросы не имѣютъ.

³⁾ На обсекингъ тундрахъ.

⁴⁾ Палаевъ, стр. 37; Хвойно—754.

древнекаменниковаго человѣка во всѣхъ отношеніяхъ. Все еще пользуясь камнемъ, онъ обрабатывалъ его съ великимъ искусствомъ, приготовлялъ различную глиняную посуду изящныхъ формъ и обильно украшалъ ее сложнымъ узоромъ; не только плелъ рогожи, но и ткалъ очень тонкія ткани ¹⁾, искусно вязалъ рыболовныя сѣти для мелкой и крупной рыбы, велъ, видимо, охотную жизнь на высокихъ мѣстахъ, но отходилъ на рыбные промыслы на отмели и прибрежные пески. Въ своихъ землянкахъ дѣлалъ не только очаги, но и почвенныя пещи съ трубами ²⁾, имѣлъ уже домашнихъ животныхъ, а мертвыхъ хоронилъ въ могилы-ямы, кладя съ ними разную утварь, т. е., стало быть, вѣрилъ уже въ загробную жизнь.

Впрочемъ, всего этого благополучія достигъ онъ не сразу и, притомъ, уже на новыхъ мѣстахъ, а не принесъ его на нихъ съ собою ³⁾. Но съ другой стороны, для Россіи человѣка новокаменники часто нельзя поставить и прямымъ продолжателемъ дѣла человѣка древнекаменника. Ни отъ быта, ни отъ издѣлій одного нѣтъ постепеннаго перехода къ быту и издѣліямъ другого. Между однимъ и другимъ значительный, незаполненный перерывъ. Другими словами, человѣкъ новокаменники южной Россіи воспринялъ свою промышленность и развитіе не въ Россіи, не отъ російскаго своего предшественника. Стало быть, онъ явился онъ впервые не въ Россіи, а въ нее только пришелъ.

Откуда же онъ явился и что это былъ за человѣкъ?

Рѣшеніе поставленнаго вопроса для насъ очень важно, такъ какъ и въ новокаменнику Ярославская губернія могла получить свое начальное населеніе только съ юга, да еще, можетъ быть, отчасти съ Ю.-В., такъ какъ другія стороны были заграждены или ледниками, или водой.

В. И. Модестовъ на основаніи изысканій, главнымъ образомъ, Джузеппе Серджи ⁴⁾, говоритъ, что въ пору новокаменники почти всю Европу занимало особое длинно-головое племя, называемое Серджи сре-

¹⁾ Часто отпечатаны на поверхности глиняной посуды.

²⁾ Хаймо, стр. 799, рисун. 758 и 759. Кровъ землянокъ обь охотности говоритъ и толщина извѣстнаго слоя на стоянкахъ, достигающая до $\frac{1}{2}$ ар. и болѣе и свидѣтельствующая о томъ, что на нихъ была охота.

³⁾ На многихъ стоянкахъ новокаменники находятъ множество явныхъ рѣчныхъ раковинъ—перловицы или перламутреницы (*unio pictorum*) и беззубки (*Anodonta sугнаса*), въ чемъ нельзя не видѣть связи и преемственности съ соринками Данин, относящимися къ переходному времени отъ древней къ новой каменнѣ.

⁴⁾ Профессора антропологіи римскаго университета. Стію Модестова см. въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1901 г., авг., стр. 399.

диземно-морскимъ или эвро-африканской рассой ¹⁾. Къ нему онъ относитъ египтянъ, иберовъ, лигуровъ и курганниковъ южной и средней (до Ладожскаго озера) Россіи ²⁾, а выводитъ его изъ восточной Африки (еще въ древнекаменную ³⁾). Отсюда оно, по его увѣренію, пришло въ Египеть, изъ Египта же, съ одной стороны, въ Сирію и Малую Азію, а съ другой, на сѣверъ Африки до Атлантическаго океана, откуда, въ свою очередь, перешло въ Грецію, еще въ доегипетскую пору, въ южную Россію и далѣе до Ладоги ⁴⁾; на островъ Сицилію, въ Италію, Пьемонтъ, Швейцарію, Германію и Скандинавію; въ Испанію, Францію, Англию и Ирландію. Нѣкоторые склоны видѣть то же племя даже въ Америкѣ, опираясь на сходство письменныхъ знаковъ, начерченныхъ на скалахъ и камняхъ ⁵⁾. Отличіемъ средиземно-морцевъ выставляють черепа какъ длинно, такъ и средне-головые (месо-кефальные), дѣлимые сверхъ того на три типа: овальные (эллипсоидные), яйцевидные и пятиугольные (пентагональные) ⁶⁾. Тѣ же очертанія присвоиваютъ и личному абрису черепа съ добавленіемъ четвертаго—треугольнаго. Такимъ образомъ, средиземно-морское племя надѣляютъ чуть не всѣми тѣми признаками, которые присущи въ отдѣльности различнымъ и, притомъ, многимъ человѣческимъ племенамъ, что позволяетъ отнести къ эвро-африканцамъ чуть не любого представителя человѣчества. Такое опредѣленіе племени трудно попятъ, еще труднѣе съ нимъ согласиться. Вѣдь оно подобно тому, по которому кавказской расѣ будетъ присвоенъ цвѣтъ кожи бѣлый, желтый, красный, коричневый и черный, или волосы—прямые, кудрявые, курчавые и шерстистые; круглаго, овальнаго и плоскаго сѣчення и т. д. Что—нибудь одно: или средиземно-морцы смѣшанное племя, тогда антропологически они не племя; или они дѣйствительно особое племя, тогда ихъ признаки опредѣлены не вѣрно: въ нихъ внесено много посторонняго и за одно племя принимается нѣсколько отдѣльныхъ. Иначе быть не можетъ. Нельзя допустить, что бѣ въ одномъ чистомъ антропологическомъ племени ⁷⁾ (соотвѣтствующемъ разновидностямъ дикихъ животныхъ и породѣ домашнихъ)

¹⁾ Тутъ же, стр. 404.

²⁾ То же, стр. 400, 401, 402.

³⁾ То же, стр. 421.

⁴⁾ Модестовъ гадательно относитъ къ этому племени кости изъ Ладожскаго канала, найденныя иностранцами (стр. 403).

⁵⁾ То же, стр. 422.

⁶⁾ Въ продольномъ или горизонтальномъ сѣченіи (иначе,—глядя сверху).

⁷⁾ А имѣется въ виду именно таковое, но не этнографически—политическое, являющееся племенемъ, а народностью.

одна и та же часть опредѣлялась такими различными признаками, какъ треугольный и пятиугольный, овальный и яйцевидный, длинный и средній. Опредѣлять такъ значить вовсе и ничего не опредѣлять въ предѣлахъ племени ¹⁾). И я не понимаю, зачѣмъ понадобилось объединять въ одно общее отдѣльныя и постоянныя величины и какой важный общій признакъ могъ бы послужить для подобнаго объединенія. Если длинный овальный черепъ встрѣчается въ большомъ числѣ, да еще и въ разныхъ странахъ и если, кромѣ того, вездѣ сопровождается другими признаками столь же постоянными и отличными отъ признаковъ череповъ другого строенія, то не понятно,—зачѣмъ его объединять съ среднимъ яйцевиднымъ черепомъ, сопровождаемымъ, въ свою очередь, своими постоянными и отличными признаками, а не признать каждый изъ нихъ за особую отдѣльность. Еще менѣе понятнымъ дѣлается сказанное, если принять во вниманіе, что эти два черепа вовсе необязательно совмѣстны и что часто въ однихъ мѣстностяхъ господствуетъ первый, въ другихъ второй, не перерождался одинъ въ другой, и что промежуточныя формы существуютъ тамъ, гдѣ находятся оба типа череповъ вмѣстѣ, т. е. гдѣ всегда можно предположить помѣсь.

Опредѣленіе племени такими широкими границами, каковы вышеписанныя, привело и къ заключеніямъ не менѣе широкимъ. Подъ многообразные признаки, которыми надѣляли средиземноморцевъ, оказалось возможнымъ подвести многое множество народа, такъ что средиземноморцевъ нашли не только во всей средней, но и въ сѣверной Европѣ,—въ Скандинавіи ²⁾). Забыли при этомъ одно только, что въ живущихъ тамъ нынѣ людяхъ нѣтъ никакихъ намековъ на ихъ предполагаемыхъ далекихъ предковъ, если за такой намекъ не считать отвлеченнаго и, самаго по себѣ, еще ничего не говорящаго ³⁾) признака—«длинноголовой» (доликоцефальной). Длинноголовыхъ череповъ извѣстно два (основныхъ) типа, рѣзко отличныхъ другъ отъ друга и сосредоточенныхъ въ двухъ противоположныхъ и значительно удаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ: одинъ по сѣвернымъ окраинамъ Европы, другой по южнымъ. У живущихъ нынѣ въ тѣхъ мѣстахъ людей длинный типъ черепа, даже въ общемъ, болѣе или менѣе сохранился; въ отдѣль-

¹⁾ Такое опредѣленіе приложимо лишь къ расѣ и виду въ естественномъ смыслѣ.

²⁾ Мадестовъ, стр. 403. Э. Э. Клодъ въ своей популярной книгѣ «Первообытныя человѣкъ» выражается еще рѣшительнѣе; по его словамъ ихъ представители разбросаны по всему свѣту (стр. 96).

³⁾ Какъ указывающій лишь отношеніе, а не что-либо безусловное.

ныхъ же случаяхъ показается въ замѣчательно чистомъ видѣ ¹⁾ и почти тождественъ съ древнимъ. Это обстоятельство позволяетъ составить понятие о древнихъ обитателяхъ тѣхъ мѣстностей во нынѣ живущимъ тамъ людямъ. Эти же послѣдніе съ сѣверныхъ береговъ Европы являются полной противоположностью обитателямъ южныхъ ея береговъ. Кроме того, если взять изъ указанныхъ мѣстъ даже одинъ только черепъ какъ древній, такъ и позднѣйшій и сравнить, то разница будетъ огромная, а сходство выразится однимъ лишь условнымъ определеніемъ — длинный.

Самъ Модестовъ, оставившись на выводахъ Д. Серджи, тѣмъ не менѣе какъ будто-бы колеблется въ нихъ и не то для успокоенія себя, не то предвидя сомнѣнія въ вѣрности проводимыхъ взглядовъ, подтверждаетъ ихъ мнѣніями д-ра Меллиса (С. Mehlis), проф. Исселя и д-ра Жака ²⁾.

Оставляя рѣшеніе вопроса специалистамъ, отмѣчу лишь приватныя мнѣнія ими положительныя данныя.

Всѣ изслѣдователи пока согласны въ томъ, что древнѣйшимъ изъ извѣстныхъ новокаменноугольныхъ племенъ въ Европѣ было неандертальское, туземное европейское племя, еще не совсѣмъ исчезнувшее донынѣ въ Фрисландіи, Скандинавіи и, въ поѣсахъ, въ Штиріи, Хорутаніи и другихъ мѣстахъ ³⁾. Близъ Парижа, въ Гренеллѣ (Гренобли), въ древнежъ руслѣ Сены, занесенномъ наносами, были найдены остатки трехъ различныхъ племенъ. Въ самыхъ нижнихъ, т. е., въ самыхъ древнихъ слояхъ хряща лежали узкіе, длинные, но грубые черепа канштадтскаго, или скандинавскаго типа, похожіе на черепъ изъ Стенгенеза (въ Швейцаріи). Выше ихъ, на глубинѣ 4 $\frac{1}{4}$ —5 ар. въ наносахъ обнаружены длинныя же черепа, но другого типа кро-моньонскаго или иберійскаго. Наконецъ, на глубинѣ 1 $\frac{3}{4}$ —3 ар. встрѣчены остатки невысокаго, короткоголоваго пле-

¹⁾ Происхожденіе арийцевъ и доисторическій человѣкъ. Ис. Тейлоръ, стр. 108, 115, 123, 229, 208, 261; 78, 91, 282 и др. В. И. Модестовъ упоминалъ въ своей указанной гдѣсь работѣ кнѣзю Тейлора, но стозвался о ней, о ея авторѣ и о переводчикѣ очень не благосклонно. На буду оспаривать, являясь не ученымъ трактатъ, но при всѣхъ ея недостаткахъ въ ней есть одно крупное достоинство. Она будитъ, посылаетъ мысль и вызываетъ на работу, затрогивая вопросы, полные живаго интереса и чрезвычайной важности. Кроме того, Тейлоръ даетъ очень немного своего; онъ беретъ добытое учеными всей Европы, сопоставляетъ явное и говоритъ читателю: смотри, что изъ этого выходитъ.

²⁾ Модестовъ, тамъ же, стр. 415, 418. Лигуры и иберы—родственные народы, а не разныя племени (Меллисъ); лигуры принадлежатъ къ кро-моньонской расѣ (Иссель и Жакъ); лигуры и иберы двѣ ветви одной семьи, тѣхъ изъ кро-моньонской; они несо-должно-нефалы (Серджи).

³⁾ Тамъ же, стр. 408; Тейлоръ, стр. 108.

мени съ черепами близкими къ овернйскимъ, т. е. лигурійскаго типа ¹⁾. Къ этимъ тремъ племенамъ позже присоединяется четвертое тоже короткоголовое, но высокое, скузастое, называемое туранскимъ, угрофинскимъ, гальскимъ (келатскимъ), арийскимъ. До короткоголовыхъ намъ пока нѣтъ дѣла. Что же касается длинноголовыхъ, то, хотя остатковъ человѣка несомнѣнно времени новокамники въ Ярославской губерніи еще не найдено, тѣмъ не менѣе можно утверждать, что онъ былъ длинноголоваго племени, ибо таковъ онъ здѣсь времени переходнаго къ бронзѣ ²⁾.

До 1899 года о новокамниковомъ человѣкѣ въ Ярославской губерніи нельзя было сказать ничего опредѣленнаго: извѣстны были лишь немногочисленныя находки отдѣльныхъ каменныхъ орудій въ большинствѣ случаевъ безъ надлежащихъ свѣдѣній объ обстоятельствахъ и безъ точнаго указанія мѣстъ находокъ. Въ указанномъ же году открыта ³⁾ первал стоянка разсматриваемаго времени въ Угличскомъ уѣздѣ въ С. отъ погоста Учма, при устьѣ рѣчки Учмы (Учемки), впадающей въ Волгу съ правой стороны. Признаки стоянокъ открыты и ниже по Волгѣ нодъ с. Воздвиженское, д. Долматово и д. Жеребково (Жеребки) Ярославскаго уѣзда.

Обслѣдованіе Учемской стоянки не дало никакихъ свѣдѣній о самомъ человѣкѣ, а лишь нѣсколько чертъ его быта, позволяющихъ заключить, что онъ питался преимущественно мягкотѣлыми двухстворчатыхъ раковинъ (перловицы и беззубки). Последнее обстоятельство держало челонѣка большую часть времени на песчаныхъ береговыхъ намывахъ и отмеляхъ, гдѣ онъ собиралъ раковины, живя около пища и оставаясь на одномъ мѣстѣ, видимо, до тѣхъ поръ, пока не истощался ея запасъ. По крайней мѣрѣ на Учминской стоянкѣ найдены черепки посуды, кремневыя орудія, осколки кремня, оставшіеся при выдѣлкѣ послѣднихъ, зѣла и обгорѣлыя животныя кости. Всѣ эти остатки были покрыты всего аршинной толщей песчаныхъ наносовъ Учмы, отлагаемыхъ ею весной, такъ какъ лѣтомъ она течетъ гораздо ниже, а перѣдко и совсѣмъ пересыхаетъ. Могила не найдено; подробности быта, любопытныя для даннаго случая ⁴⁾, остались также не выясненными.

¹⁾ Тейлоръ, стр. 115.

²⁾ И, кажется, въ шалѣннѣ, такъ какъ, насколько можно судить теперь, каменные здѣсь, видимо, свѣдѣлись сразу обоими металлами; по крайней мѣрѣ въ обѣихъ стоянкахъ бронзники встрѣчало и шалѣю.

³⁾ С. Н. Ивановой.

⁴⁾ Какъ-то: свѣдѣнія о шилищахъ, о формахъ топоровъ и сосудовъ, о жемчугахъ и жемчужинахъ и т. п.

Все это должно бы побудить сказать о человѣкѣ новокамники Ярославской губерніи то-же, что замѣчено о человѣкѣ ея древнекамники: онъ не извѣстенъ. Но такъ сильна жажда заглянуть въ далекое темное прошлое, что трудно отказаться отъ попытки попробовать освѣтить это темное хотя сколько-нибудь, разъ имѣется для такой попытки предлогъ. А онъ имѣется какъ въ видѣ положенія о томъ, что настоящей бронзики въ губерніи не было и что стоянки и могильники съ слѣдами бронзы нужно относить не къ бронзѣ, а къ концу камники ¹⁾ (о чемъ ниже), такъ и въ указаніяхъ письменности, хотя и не прямыхъ.

Римлянинъ Тацитъ (98 г. по Р. X) упоминаетъ о феннахъ (Fenni) ²⁾, сообщая, что они жили въ его время къ С. отъ венедовъ, занимавшихъ, по Иордану, страву отъ Днѣстра до Вислы ³⁾, не имѣли ни оружія (металлическаго), ни лошадей, ни жилищъ (домовъ), по послѣднимъ являлись у нихъ прикрытія (навѣсы?) ⁴⁾, шитенныя изъ вѣтвей и служившія мѣстопребываніемъ стариковъ съ дѣтьми и мѣстомъ отдыха для мужчинъ и женщинъ, проводившихъ жизнь въ совместной охотѣ. Спали фенны на землѣ, одѣвались въ зибриныя шкуры, наконецники стрѣлы дѣлали изъ кости по отсутствію желѣза ⁵⁾. Въ этихъ феннахъ большинство склонно видѣть финновъ, одни — вообще, другіе — собственно финновъ; но есть и не согласные съ этимъ взглядомъ. А. П. Погодинъ ⁶⁾ предполагаетъ въ нихъ лопарей, жившихъ, по его мнѣнію, въ пору соприкосновенія съ финнами, много южнее теперешняго. Въ мысляхъ о лопаряхъ его приводитъ сомнѣніе въ дикости финновъ, описанной Тацитомъ, которое возникаетъ у него на основаніи словарныхъ данныхъ ⁷⁾. А. И. Соболевскій ⁸⁾ не допускаетъ

¹⁾ Гр. А. С. Уваровъ, Археолог. Росс. Кам. періодъ, т. 1, стр. 395, и тамже Яросл. Губ. Вѣдом. 1898 г. № 19.

²⁾ Germania C. 46.

³⁾ Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго, изд. 1830 г., т. I, началыи стран.

⁴⁾ Всего вѣтрие шалаши, переживающіе у финновъ до сихъ поръ и составляющіе (часто ужъ только по названію) основу ихъ жилищъ. Въ былинахъ пермяковъ (о Перѣ-богатырѣ) говорится о шалашѣ изъ словаго лапьяна (вѣтокъ). Живая старина, 1903 г. в. IV ст. 419.

⁵⁾ Этнографическое обозрѣніе 1895 г. № 1. Указанный Пера проситъ въ награду за свой ловъ шоловыхъ тиеть для ловли животныхъ, птицъ и рыбы.

⁶⁾ Изъ исторіи славянскихъ передвиженій, стр. 15.

⁷⁾ Онъ указываетъ, что еще финно-угры знали олову, лукъ и стрѣлы, что финны, еще не раздѣлившись на западныхъ и восточныхъ, знали земледѣліе и скотоводство и что у германцевъ шлокроле слыли за чародейвъ—обладателей тайны лить металлы и за вулкановъ. Изъ послѣдняго можно, пожалуй, замечать, что финны были развѣтъ германцевъ. Отсылка за подробностями къ статьѣ Л. Н. Майнова (Журн. М. П. Пр. 1897 года, стр. 420...) и къ книгѣ VI, 1884. Записки Зап. Сибир. отд. Рус. Геогр. Общ., и отъвѣчу здѣсь лишь слѣдующее: даже олову финны узнали отъ литовцевъ.

и этого, утверждая, что названіе фенны и финны (у Тацита и Птоломея) есть ни что иное, какъ видопзмѣненіе названія вены—венеда. Коснуться указанныхъ мѣстъ я попробую ниже, когда пойдетъ рѣчь собственно о финнахъ; здѣсь же важно не то, кто были фенны, а свидѣтельство письменности о томъ, что названный такъ народъ, *жившій въ I в. по Р. Х. въ средней Европейской Россіи, находился въ развитіи, по меньшей мѣрѣ, новокамники*. Свидѣтельство Тацита не остается единственнымъ; оно не только поддерживается другими, но данныя его еще и приближаются послѣдними къ нынѣшнему времени. Такъ, по Ингливской сагѣ, эсты—одно изъ племенъ западныхъ, т. е. болѣе развитыхъ финновъ, во второй половинѣ VI в. по Р. Х. дрались каменнымъ оружіемъ, державшимся у нихъ даже еще въ XIII в. ¹⁾, не смотря на то, что въ VIII в. они узнали уже и металлическое. Въ битвѣ при Сейлакъ въ 1066 г. даже еще саксонцы сражались каменными молотами ²⁾. Въ Олонецкой губерніи, т. е. не особенно далеко отъ Ярославской земли еще держится въ народѣ память о камникѣ. Въ пастушьемъ заговорѣ или «отпускѣ» скотинѣ, между прочимъ, говорится: «идутъ святые Косма и Даміанъ, своими луками подпираются, а каменными стрѣлами рѣсу стряхиваютъ...» ³⁾. Гр. А. С. Уваровъ во Владимирской губерніи (въ окрестностяхъ Суздаля) въ трехъ курганахъ сожженія X в. вмѣстѣ съ немногочисленными металлическими вещами нашелъ и каменные: кремневые наконечники стрѣлъ и молотъ-

названіе для ренія взяли у нихъ же, топоръ-молотъ узнали отъ индо-иранцевъ; берестяныя или коряковыя плетущи—отъ скандинавовъ, чашки, шѣры сыпучки гѣль—«мазѣнна»—отъ руссиятъ. Что касается знанія овцы, то узнаю, что русскіе славяне очень рано узнали верблюда и слона, для которыхъ и названія придумала своя, но это еще не говорить за то, что они разбѣжались на томъ и другомъ или что держали ихъ у себя. Для полноты нельзя, однако, не отмѣтить, что исландцы и норвежцы финнами называютъ лишь лопарей, а финновъ зовутъ ивеанами (Д. П. Европейскъ. Объ угорскомъ народѣ. стр. 21). Исландія открыта въ 861, а заселена скандинавами 870 г., на основаніи чего можно думать, что уже въ то время скандинавы знали подъ финнами лишь лопарей. Но такъ будетъ только при томъ условіи, если названія финнъ и ивеанъ исландцы привезли на свой островъ сами въ своей родины въ пору его заселенія, а не получили позже отъ скандинавовъ. Въ Скандинавіи же не замѣчается въ древности такого строгого разграниченія между указанными названіями, какъ нынѣ.

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Про. 1902 г. кн. VI, стр. 392.

²⁾ Употреблялось еще въ Карельской битвѣ (1286 г.). Гейнр. Лотышъ (1224 г.) писалъ, что эсты имѣли весьма мало оружія (металлическаго) и не основались еще съ его употребленіемъ, пользовались часто дубинами. Такое положеніе длилось до XIII в. (Сборникъ Археол. института, кн. V, половина I, стр. 117,—131).

³⁾ Первобытныи человекъ. Од. Кюльъ, стр. 181.

⁴⁾ Живая старина 1900 г., вып. IV, стр. 513. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что здѣсь рѣчь идетъ о настоящихъ, а не громовыхъ стрѣлахъ (чертовыхъ пальцахъ), такъ какъ рядомъ съ ними стоятъ луки.

топоръ¹⁾. И. Аспелинъ нашелъ въ курганахъ XI ст. около погоста Бѣжичъ 2 кремневыхъ наконечника стрѣлъ вмѣстѣ съ желѣзными и бронзовыми и другими желѣзными вещами²⁾. Точно также и въ Петербургской губерніи найденъ въ долинѣ р. Луга у Недоблицъ въ курганѣ же каменный молотъ; въ курганахъ южнаго приладожья по р. Волхову, Сязи и Паишъ найдены различныя каменныя орудія³⁾. Нѣкоторыя изъ указанныхъ вещей могли попасть въ курганы изъ земли,—со стоянокъ, но другія положены одновременно съ трупомъ, какъ ясно свидѣтельствуемъ ихъ положеніе около костяка,—не случайное, а обдуманно намѣренное. Подобныя же находки извѣстны и для Ярославской губерніи⁴⁾.

Принявъ все сказанное во вниманіе, придетъ къ заключенію, что камника въ Ярославской губерніи была не такъ ужъ давно,—на памяти исторіи, а послѣдніе образцы ея окончательно вышли изъ обихода и совсѣмъ недавно: 800—900 лѣтъ назадъ. Однако, не смотря на недавность, извѣстно о томъ времени очень мало. По письменнымъ свидѣтельствамъ выходитъ, что въ пору позднекамника губернію населяли финны, черена же, найденныя въ фатьяновскихъ и черногорскихъ могиллахъ, относящихся приблизительно къ указанному времени (камене-бронзикъ,—энеолиту), противорѣчатъ письменности. Эти черена, принадлежа къ типу длинныхъ, не могутъ быть приняты за финскіе. Конечно, среди финновъ могло жить и не финское племя,

¹⁾ Мераве и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ, стр. 94 и атласъ: таб. XXIX, рис. 1 и 2. Молотъ близокъ къ черно-горскому Ярославской губерніи. Находки сдѣланы къ Ю. и В. отъ Сугдаль, близъ с.с. Васильяи и Новосела и на р. Нерли у д. Петряина.

²⁾ Жур. М. Н. Нр. 1872 г., т. XII, стр. 382.

³⁾ Зап. Рус. Арх. Общ. т. IX, вых. 1—2, стр. 33.

⁴⁾ Напримѣръ, въ городищѣ на р. Сарѣ къ Ю. отъ Ростова, найденъ базальтовый топоръ-молотъ, какъ вышеназ., вмѣстѣ съ турнестанскими монетами, чешскими въ Бухарѣ въ первой половинѣ XI в. (тамъ же, стр. 93). Уже Уваровъ сомнѣвался (стр. 92) въ томъ, что бы подобные предметы принадлежали домеранамъ. Но, высказывая это предположеніе основательное сомнѣніе, онъ объясняетъ (стр. 94) явленіе не вѣроятно: покупкой каменныхъ вещей при знакомствѣ съ металлическими. Что нибудь одно: или мѣра сама дѣлала каменное орудіе, а покупала лишь металлическое, или она дѣлала и покупала металлическое и не пушдалась въ каменные. Мы донныиъ плаваемъ въ челвахъ (ботвиняхъ, думегубвахъ) поры каменя, но не покупаемъ ихъ у полуцивилизированныхъ и дѣлаемъ сами. Здѣсь, пожалуй, слѣдуетъ привести слѣдующее сообщеніе. Геродотъ (484—408 г. до Р. Х.) сообщаетъ, что левры, жившіе приблизительно въ Польшѣ, послали зимой волчьихъ шкуръ (превращались въ волковъ) и что зимняя одежда Гессіи была очень суровъ. Въ существѣ своемъ это извѣстіе совершенно вѣрно и описываетъ пору новоланія, т. е. послѣ—ледникового время, при чемъ левры могли одѣваться, конечно, и въ волчьихъ шкуръ, но еще вѣроятнѣе, въ шкуры сѣверныхъ собакъ, весьма похожихъ на волка; по вѣрной мнѣнью вытѣшли обитатели сѣверныхъ окраинъ Европы одѣваться именно въ эти шкуры, предпочитая ихъ по ихъ большей чѣмъ у волчьихъ теплотности и мягкости.

которое не упоминается ¹⁾). Возможно, что и подъ финнами Тацита скрывается не то, что подъ финнами разумѣютъ теперь, какъ можетъ быть и то, что подъ финнами (если финны=финны), разумѣлись и не финны, а вообще люди, жившіе къ С. и С.-В. отъ венедовъ.

Не говорятъ длинныя черепа и за славянъ, о существованіи которыхъ среди финновъ средней Россіи, спустя лѣтъ 300 послѣ Тацита, есть намеки въ письменности, о чемъ ниже ²⁾).

Къмъ же могло быть длинноголовое племя, жившее въ Ярославской губерніи въ концѣ новокамника? ³⁾).

Отвѣтить на этотъ вопросъ могутъ до нѣкоторой степени только черепа и кости представителей этого племени да отчасти могилы. Къ большому сожалѣнію, на кости все еще обращаютъ очень мало вниманія и ихъ почти вовсе никто не собираетъ. Черепа берутъ, но, во-первыхъ, не всѣ изслѣдователи ⁴⁾), во-вторыхъ, громадное большинство череповъ, встрѣчаемыхъ при случайныхъ находкахъ, пропадаетъ для науки безвозвратно. На наше счастье пять ярославскихъ череповъ отъ времени ново-камника находятся въ распоряженіи науки. Изъ нихъ четыре изъ-подъ дер. Фатьяново изображены въ «Каменномъ періодѣ» гр. Уварова (т. I, таб. IX и X), а пятый, изъ урочища Черная Гора, хранится въ музеѣ Ярославской Архивной Комиссіи. Еще больше уцѣлѣло череповъ, взятыхъ изъ ярославскихъ кургановъ IX, X и XI в.в. Изъ приводимыхъ гр. Уваровымъ особаго вниманія заслуживаютъ собственно только два черепа, изображенные на IX табл., какъ представляющіе обособленные и, притомъ, значительно чистые типы; остальные два (собственно, три, но третій не полный), являются черепами помѣсей этихъ двухъ основныхъ типовъ съ преобладаніемъ

¹⁾ Хотя этому противорѣчатъ отсутствіе у финновъ особенно древнихъ закистованій.

²⁾ Впрочемъ, нѣкоторые считаютъ и славянъ за длинноголовыхъ; объ этомъ не разъ говоритъ А. А. Сивичъ въ своихъ статьяхъ и замѣткахъ (Жур. М. Н. Пр. 1890 г., XIII); Н. Ю. Зографъ, отмѣчая, что высшей типъ русскихъ средней Россіи (въ которой преобладаетъ славянство), проявляетъ склонности къ длинноголовости (Извѣст. Общ. любит. ест., ант. и этн., т. LXXVI, стр. 176); Д. И. Ауциль, А. П. Богдановъ (Антроп. выставка, т. II, стр. 463—475), В. В. Хвойко (Зап. Рус. Арх. Общ. т. XII, вып. 1—2, стр. 189). Не возражая по существу противъ этого мнѣнія, слѣдуетъ только, что утверждать его пока еще преждевременно, такъ какъ методъ изученія череповъ ивзвѣтъ нельзя признать удовлетворительнымъ. Кромѣ того, и самый славянский типъ не выясненъ и не установленъ явочно, что считать славянскимъ, что не славянскимъ. Между тѣмъ примѣсь германскаго (скандинавскаго) значительно ивѣнчаетъ славянское, но будетъ трудно выдѣлать.

³⁾ Сивичъ считаетъ разсматриваемое время раздѣломъ бронзными (Зап. по рус. и слав. археол. Рус. Арх. Общ. т. V, вып. 1, стр. 77), о чемъ ниже.

⁴⁾ Цѣлая къ имѣть на на чашѣ не основанное отвращеніе или ребячій страхъ, что для изслѣдователя прямо преступно и непростительно.

въ одномъ одного, въ другомъ— другого типа. Что касается черногорскаго черепа, то онъ весьма близокъ къ фатьяновскому № 1 (таб. IX). Этими тремя черепами я собственно и займусь.

Гр. Уваровъ даетъ такое описаніе фатьяновскихъ череповъ ¹⁾. Головной показатель=75. 82; 74. 17; 69. 54; 76, 04; 69, 07— (№ 5, таб. XI), у всѣхъ сильно развиты надбровья, теменная линія, (переносье-затылокъ) довольно длинная и плоско-кривая, затылокъ выдающийся рѣзко, бугромъ (кроме № 5); у одного (№ 1) верхнечелюстная косозубость (прогнатизмъ); длинно и низкоголовые, широко-низкіе, узкоцебные, узконосые и узколобые; высотный показатель у трехъ=71,99; у остальныхъ: 72 и 74. 99. Глазницы не характерны: всѣхъ видовъ (низкія, среднія и высокія); ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ курганныхъ данныхъ череповъ, которые сходны съ варяжскими. Къ этому описанію прибавлю, что черепа большіе и, несомнѣнно, принадлежали людямъ рослымъ ²⁾, здоровымъ и сильнымъ: они массивны, довольно скуласты, крѣпки, съ рѣзкими характерными очертаніями и, если такъ можно выразиться, съ своимъ особымъ, опредѣленнымъ выраженіемъ. Зубы также крупныя и крѣпкіе; нижняя челюсть (у черногорскаго) высокая, широкая, крѣпкая и сильная. Какъ на черепѣ, такъ и на костяхъ (длинныхъ ножныхъ) хорошо развиты мышечныя прикрѣпленія; на послѣднихъ они являются высокими выдающимися бороздами. Сами кости тоже очень крѣпки, плотны и сильны. Какому же племени могли онѣ принадлежать? Конечно, ужъ не остякамъ, какъ хотѣлъ бы вѣрить Д. П. Европеусъ ³⁾, выводящій угру, т. е. предковъ остяковъ изъ Африки ⁴⁾, такъ какъ остяки, хотя и являются единственнымъ (по Европеусу) длинноголовымъ племенемъ на С. Россіи, но представляютъ изъ себя людей низкорослыхъ, слабосильныхъ и щедрыхъ, съ широкимъ плоскимъ лицомъ, очень мало развитой переносицей и маленькимъ носомъ, т. е. типъ совершенно противоположный типу новокамниковыхъ обитателей Ярославской губерніи ⁵⁾. На томъ же почти основаніи нельзя этихъ обя-

¹⁾ Тамъ же, стр. 413—416; описаніе составлено А. П. Богдановымъ.

²⁾ Объ этомъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя кости изъ фатьяновскаго могильника, хранящіеся въ музеѣ Яросл. Архивн. Комиссіи.

³⁾ Объ угорскомъ народѣ, стр. 15 и 16. Онъ утверждаетъ это, собственно, относительно курганниковъ, но по Богданову межъ послѣднихъ и фатьяновцами новокамниками нѣтъ существенной разницы.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 16 и 22.

⁵⁾ По Богданову, у послѣднихъ носъ былъ большой, высокій и узкій (камен. періодъ), переносье и надбровья хорошо развиты. Слабость остяковъ многіе объясняютъ плохими условіями жизни и

тателой признать и иберами или средиземноморцами Серджи и Модестова. Правда, нѣкоторые фатьяновскіе черена съ бока нѣсколько напоминають женскій кро-моніонскій черепъ, но и онъ (т. е. женскій) выше высокаго фатьяновскаго. Кромѣ того, видъ спереди (лицевой) у иберскихъ череповъ совсѣмъ иной, чѣмъ у ярославскихъ. Лицо овальное, мало развито, подбородокъ тонокъ, остеръ и удлиненъ, пространство отъ носа до рта значительно, скулы и надбровья не развиты. Вишній видъ лица долженъ былъ быть мягкимъ и мирнымъ. Кости костяка тонки, съ слабо развитыми мышечными прикрѣпленіямъ, руки и ноги маленькія, ростъ низкій (2 ар. 3 в.—2 ар. 4¹/₂ в.)¹). Затѣмъ, хотя нѣкоторые послѣдователи и склонны населять иберами всю Европу, но болѣе осторожные воздерживаются отъ такого смѣлаго обобщенія²), отводя имъ лишь берега Средиземнаго моря и Западную Европу: Испанію, Францію, часть Англии и земли въ С. и З. отъ р. Рейна, Данию и часть Германіи (Вирховъ)³). Дѣйствительно, обширное расселеніе иберовъ трудно допустить и повать. Они явились въ Европѣ вторыми (судя по отложеніямъ Гревелля) насельниками, столкнувшись на сѣверѣ ея съ дикимъ неандертальскимъ или пра-скандинавскимъ племенемъ, обитавшимъ тамъ еще въ пору древней каменныи⁴). Расселеніе ихъ совершалось въ послѣдствіи, т. е. въ такое время, въ которое большая часть Европы и Россіи или только еще освободилась, или даже только еще освобождалась отъ ледниковъ, что совершалось весьма медленно и производило заболотье. Иберы, пришедшіе въ Европу изъ сѣверной Африки (въ чемъ нѣтъ разногласія), стало быть, бывшіе жителями умѣреннаго пояса, могли расселиться по Европѣ только въ очень значительномъ отдаленіи отъ ледниковъ, т. е. идти за ними на очень почтительномъ разстояніи⁵)

изъ порабоженіемъ русскими. Съ этимъ нельзя согласиться: быть ихъ, по Палкову, очень близокъ къ быту людей нѣмко новоязники, такъ что въ этомъ отношеніи и тѣ и другіе находятъ въ одинаковыхъ условіяхъ. Что же касается порабоженія, то оно оказываетъ вліяніе главнымъ образомъ лишь на характеръ, а не на тѣло.

¹ И. Тейлоръ. Происхожденіе арийцевъ, стр. 65—78. Э. Клодъ. Первовѣтныи человекъ, стр. 96.

² Основаннаго на относительномъ и отмеченномъ признакѣ: длинноголовій.

³ Тейлоръ и Клодъ, тамъ же. Рукоятки мечей и браслеты (бронзныи) свидѣтельствуютъ о малой величинѣ рукъ, но ростъ встрѣчался и высокій (въ помѣвахъ?). Такъ въ Ютландіи (гдѣ туземцами были неандертальцы) найденъ деревянный гробъ длиною (внутри) 3¹/₄ ар., шир. ³/₄ ар. Въ немъ сохранились черные волосы и одежда, напоминающая (какъ и малость рукъ) египтянъ.

⁴ Модестовъ, тамъ же.

⁵ Въ противоположность первовѣтникамъ, слѣдовавшимъ непосредственно за льдами, которые имъ были нужны, такъ обуславливавшіе примечныя обстоятельства.

потому, что устроиваться на новых мѣстах обновленной страны они могли только послѣ того, какъ страна эта значительно обсыхала ¹⁾, а климатъ ея смягчался. Не слѣдуетъ забывать также, что для иберовъ не было никакихъ, собственно говоря, особо побудительныхъ причинъ стремиться къ сѣверу, заселенному неандертальскими дикарями, т. е. во всякомъ случаѣ въ условія несравненно худшія, чѣмъ бывшія въ земляхъ, занятыхъ ими по берегамъ Средиземнаго моря. Что могло гнать или влечь ихъ изъ этихъ земель на С. при томъ состояніи ихъ развитія (новокаменноугольное), въ которомъ они находились? Тѣснота на родинѣ? Она недопустима, ибо, насколько можно судить даже по настоящему времени, племя это никогда не было большимъ, особенно такимъ большимъ, какое требуется для заселенія всей Европы (т. е. и Россіи), сколь разрѣженнымъ не допускать бы тогдашнее населеніе. Завоеванія и утѣсенія инородныхъ племенъ? Но для допущенія и предположенія этого нѣтъ данныхъ. Точно также нѣтъ основаній принимать за причину расселенія и корыстные стремленія: на непривѣтномъ суровомъ сѣверѣ и у грубыхъ и бѣдныхъ неандертальцевъ, питавшихся мякотѣлами, взять было нечего, особенно, для немногихъ болѣе ихъ развитыхъ иберовъ. Остается естественное, чрезвычайно медленное и постепенное расселеніе въ стороны наименьшаго сопротивленія или благоприятнѣйшихъ условій. Такое расселеніе иберовъ и окажется въ дѣйствительности, если взглянуть на дѣло строже, безъ широкихъ обобщеній, основанныхъ на отвлеченностяхъ. Что не говорили-бы, но для дикаря, какимъ былъ человѣкъ новокаменники, перебраться и чрезъ Гибралтарскій проливъ (болѣе 10 в. ширины), было дѣломъ огромной трудности; объ остальныхъ проливахъ, разъединяющихъ Европу и Африку, говорить нечего: ихъ нужно признать прямо недоступными ²⁾ для него. Вслѣдствіе этого выселеніе (по крайней мѣрѣ, главное) иберовъ изъ сѣверной Африки могло совершаться лишь къ С.-В.,—чрезъ Палестину, въ Малую Азію и оттуда по островамъ Эгейскаго моря (Архипелага) до Греціи, а черезъ Дарданельскій и Константинопольскій проливы въ самую Грецію и изъ

¹⁾ Исследования Хейли показали, что нѣсколько новокаменноугольных оледенѣній имѣли въ Ирландіи, вырытыя въ лесѣ, осадки ледниковыхъ водъ (см. выше). Отсюда, что вырвать свои жилища эти люди могли только послѣ того, какъ лесъ обсыхъ. Не имѣя основаній, что нельзя было вырвать и на туземцѣ, на которой ихъ и не жилища.

²⁾ По крайней мѣрѣ очень долгое время, въ которое заселеніе сѣверныхъ береговъ Средиземнаго моря могло совершаться кружнымъ путемъ. Неизвестно, другимъ путемъ и приближавшія къ проливамъ не могли.

нея въ Италію; и къ С., — чрезъ Гибралтаръ въ Испанію, изъ нея во Францію и отсюда постепенно, съ одной стороны, въ Англію, съ другой — въ Италію, все время придерживаясь главнымъ образомъ морскихъ береговъ и мало распространяясь въ глубь материковъ и то лишь по большимъ рѣкамъ, т. е. опять таки придерживаясь береговъ ¹⁾). Близъ Рейна иберы въ своемъ постепенномъ распространеніи встрѣтили предковъ германцевъ-неандертальцевъ, исконныхъ обитателей сѣверной и средней Европы ²⁾), и далѣе на В. не поплы, хотя отчасти и распространились среди неандертальцевъ, смѣшались съ ними. Въмѣстѣ съ послѣдними она, конечно, могли передвигаться по странѣ прагерманцевъ, чѣмъ и объясняются находки иберійскихъ череповъ къ В. отъ Рейна. Но разумѣется, подобныя находки не свидѣтельствуютъ еще о распространеніи иберскаго племени въ эту сторону, а лишь о заходѣ туда отдѣльныхъ особей и семей его. Во всякомъ случаѣ далекое на востокъ распространеніе иберовъ допустить очень трудно потому, что столь же трудно объяснить и понять его по отношенію людей умѣреннаго климата, при томъ же отдѣленныхъ отъ востока чуждымъ ему племенемъ прагерманцевъ. Что касается возможности проникновенія иберовъ въ Россію изъ Малой Азіи берегомъ Чернаго моря мимо Кавказа, о чемъ упоминаетъ Модестовъ, то лично мнѣ этотъ путь представляется положительно невѣроятнымъ. Не говоря о томъ, что въ ледовые ледники Кавказа должны были достигнуть весьма большого развитія и сдѣлать крайне неудобную дорогу еще менѣе проходимою, я укажу на то, что о передвиженіи племенъ по указанному пути совсѣмъ нѣтъ никакихъ извѣстій; идутъ черезъ горы, но не берегомъ. Кромѣ того, если даже и допустить подобное проникновеніе, то все-таки оно не заставитъ расселить иберовъ по всей Россіи до Балтики и Ладогои, а самое большее, если обяжетъ искать ихъ на Ю. Россіи, такъ какъ не только въ сѣверной, но даже и въ средней Россіи, насколько извѣстно, никто не наблюдалъ иберскаго тѣпа, выраженного

¹⁾ Этихъ объясненіяхъ раздѣленіе иберовъ чуждыми племенами, напримеръ, лигурами, занимавшими свободныя пространства (лещдурѣца) не имѣли помощи иберскихъ поселеній, тѣсное раздѣленіе иберовъ можно объяснить исключительнымъ раздѣленіемъ иберовъ черезъ вторженіе въ ихъ массу. (Н. Тейлоръ, стр. 215...). Въ области иберскаго обитанія находятся также равнинныя впадины, возможно, что ради равнинъ иберы и держались береговъ,

²⁾ Въ самую древнѣйшую пору, о которой только извѣстно, долина Дуная уже занята была данинговыми диарийскими тринадцатымъ племенемъ, а долина Рейна, сходящаяся верховьями съ верховьями Дунайской, была главной областью его обитанія (Тейлоръ, стр. 108, 233, 235).

древними египтянами, берберамъ, гунхами или гуанчами Канарскихъ острововъ (Тенерифа) и ниневійскими статуями ¹⁾).

Все сказанное не позволяетъ признать ярославскіе длинноголовые новокаменниковыя черепа за иберскіе. Если же это такъ, то они должны принадлежать прагерманцамъ-неандертальцамъ, ибо изъ первобытныхъ племенъ Европы длинноголовыми являются лишь два названнаго. Подобное обобщеніе представляется едва ли не самымъ вѣроятнымъ изъ пылѣ возможныхъ. Прагерманцы (неандертальцы), по согласному мнѣнію всѣхъ изслѣдователей, суть древнѣйшее и, притомъ, туземное населеніе Европы; они жили въ ней еще въ пору древнекаменныя, т. е. въ ледоупце. Въ поискахъ привычныхъ условій, двигаясь за тающими ледниками, они дошли постепенно до сѣверныхъ береговъ Европы, перешли по льду на сосѣдніе острова и, наконецъ, въ Скандинавію; тѣ же, которые были остановлены моремъ, двинулись по его берегамъ въ стороны и этимъ путемъ, быть можетъ, проникли въ Россію. Но еще вѣрнѣе, что пошали они въ среднюю Россію съ Ю., киммерійцевъ котораго нѣкоторые принимаютъ за одно племя съ неандертальцами ²⁾). Не касаясь этого обобщенія, замѣчу, что прагерманцы могли проникнуть въ юго-западную и южную Россію изъ Дунайской долины уже тогда, когда въ сѣверной половинѣ Россіи еще господствовали ледники, а на берегахъ Балтики, при устьѣ Нѣмана жили литовцы, какъ утверждаетъ профессоръ Бецценбергеръ ³⁾).

Такъ или иѣтъ, но положительнымъ даннымъ остается то, что обитатели Россіи въ пору каменныя отъ южныхъ степей до Ярославской губерніи были длинноголовыми. мертвыхъ погребали въ могиллахъ-ямахъ

¹⁾ Э. Клодъ. Первоб. человекъ, стр. 96. Можетъ быть, изъ потомковъ здѣсь являются цыгане, выводимыя обыкновенно изъ Азіи, но и это весьма сомнительно.

²⁾ Ол. Вальчицкій. Очерки древнѣйшей культуры русскихъ областей, стр. 36; Н. Е. Бранденбургъ, Труды XI арх. съѣзда т. I, стр. 159. На Кавказѣ и въ Крымѣ, а равно и въ прилегающихъ къ нему земляхъ найдены долмены, которые во Франціи приписываютъ къ иберамъ (Тейлоръ, стр. 112—122), жившимъ совместно съ итурами, главными строителями ихъ. Однако близость къ Ю. Россіи долменовъ не можетъ служить всѣмъхъ доводомъ въ пользу иберовъ. Правда, что памятники эти широко распространены по всему Средиземному морю, т. е. въ вѣрскихъ мѣстахъ, находясь и въ Сиріи, и въ Палестинѣ (см. Древности, т. VI, вып. 3. Православный палестинск. сборникъ, вып. 41; Первобытн. челов. Эд. Клодъ, стр. 100. Кавказскіе), но вѣдетъ съ тѣмъ они не есть и въ Аравіи, и въ Индіи. Кто строилъ долмены, еще не установлено прочно (см. названный сборникъ). во многихъ находятъ погребенія съ костями на лѣвомъ боку съ пологнутыми ногами; попадаются погребенія съ конемъ.

³⁾ Изъ исторіи славянскихъ передвиженій. А. Л. Погодинъ, стр. 7. Бецценбергеръ на основаніи словарныхъ данныхъ пришелъ въ выводъ, что литва на Шманѣ жила уже за 5000 лѣтъ до Р. Х. Погодинъ говоритъ, что это трудно опровергать. Не зная работы Бецценбергера, ничего не могу сказать промѣ того развѣ, что въ указанное время тамъ должно было даться еще сплошное ледоупце.

и клали ихъ тамъ на боку, въ скорченномъ положеніи (съ подогнутыми ногами ¹⁾). При этомъ въкоторыя подробности погребеній иногда замѣчательно подобны и даже тождественны въ мѣстахъ, значительно удаленныхъ другъ отъ друга ²⁾. Такія могилы, приурочиваемыя киммерійцамъ, встрѣчаются, какъ увѣряютъ, въ Подоліи, въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ, на полуостровѣ Тамани—въ Крымѣ, на Кавказѣ, въ Харьковской, Полтавской, Кіевской, Волянской и Курской губерніяхъ, въ Привислянскомъ краѣ, въ Австріи, Германіи, Даніи, Швейцаріи, Франціи, Италіи, Англійи и Испаніи ³⁾. Если

¹⁾ Преслоутое «утробное положеніе».

²⁾ Какъ напр. въ Ярославской и Харьковской губерніяхъ (форма ями, обстановка ея ящиками, посуда и проч.).

³⁾ Указан. стат. Бранденбурга и тамъ же стат. В. В. Антоновича (стр. 147). Впрочемъ, нужно замѣтить, что предметъ этотъ очень плохо разработанъ: въ могилкахъ больше всего обращаютъ вниманіи на вещи и на положеніе востяковъ, остальное часто вовсе пропускается, хотя представляеть огромную важность, какъ напр. ростъ и направленіе востяка, расположеніе и типы посуды, устройство и обстановка могилы и т. д. Бѣдствіе этого получаютъ невозможныя обобщенія и объединенія признаковъ; объединяютъ, напр., въ одну группу востяки, лежащіе головами въ противоположныя стороны, выгнутые и скорченныя и т. д. Между тѣмъ строгая запись и поденствъ показываютъ, что востякъ скорченныи, лежащій головою въ одну сторону и на восточномъ боку, совсѣмъ не одно и то же, что таковой же, лежащій головою въ другую сторону и на другомъ боку. Вообще дневники раскопокъ очень часто ведутся весьма неудовлетворительно, какъ и самыя раскопки, что лучше всего видно изъ того, что при обобщеніяхъ, даже самыхъ осторожныхъ, сплошь и рядомъ изъ дневниковъ нельзя получить многихъ важныхъ, хотя бы и элементарныхъ данныхъ. Описанными такимъ образомъ могилы (а ихъ множество) погибли для науки. Археологической Комиссіи положительно необходимо во 1-хъ, съ большей осмотрительностью давать разрѣшенія на раскопки и др. подобныя изслѣдованія; во 2-хъ, значительно увеличить въ дневникахъ раскопокъ число вопросовъ, на которые обязательно должны отвѣтить изслѣдователи, и безусловно, не сообразуясь ни съ чѣмъ, ни съ званіемъ, требовать отвѣта на поставленные вопросы; въ 3-хъ, издать руководствъ отдѣльно для каждаго рода изслѣдованій: кургановъ, могильниковъ, городищъ и проч., разсказываемыя при открытыхъ ящикахъ, въ 4-хъ, обязать непременно собирать черепа, бѣдствіе которыхъ вѣсти востяковъ и, по возможности, полныя востяки (нехватка реберъ и т. п. еще не составляетъ недостатка), особенно поощряя это; въ 5-хъ, придерживаться какой-нибудь системы при веденіи раскопокъ и отрѣшаться разъ навсегда отъ пылвшняго безпорядочнаго раскидыванія по всей Россіи. Непременно нужна система, по областямъ ли, рѣкамъ ли или широткнамъ, все равно, но система. А то раскопки ведутся болѣе 50 лѣтъ, результатовъ же никакихъ (въ послѣднее время Русское Археологическое Общество сдѣлало попытку въ этотъ дѣлъ), и въ 6-хъ, организовать штатъ раскопщиковъ, которыхъ и отправлять регулярно и систематично, ассигновать на каждаго не менѣе 500 руб. на лѣто. Нера оставить погоню за вещами, особенно за матеріально цѣнными: онѣ первенствующее значеніе имѣютъ лишь для владельцевъ, да любителей, въ наукѣ же второстепенное. Страшно слышать сѣтованіе изслѣдователя на малую добычу вещей, на то, что ему попалась все «пустые» курганы, какъ не менѣе страшно видѣть его несправданную радость по случаю обилія, а особенно по случаю матеріальной цѣнности найденнаго. Какъ будто онъ понимаетъ только это. Могила, а тѣмъ болѣе черепъ и востякъ предствитъ несравненно болѣе точныя и надежныя данныя, чѣмъ пуды золота и серебра, во все времена распространявшіеся на сотни и тысячи верстъ отъ мѣста добычи и выдѣли. Гонимый обломкомъ много выше изъ, какъ предметъ изученія. Конечно, слышанное же даетъ поводъ относиться къ вещамъ небрежно, онѣ думны, очень поделорье, но же должны вниманію болѣе важнаго значенія остальныхъ подробностей погребеній и сооруженій. Упомяну, что уже не одинъ разъ дѣлалось попытки опредѣлять области и племена древняго населенія по курганнымъ вещамъ. Эти попытки едва ли можно

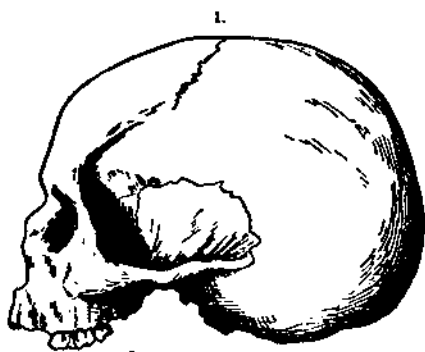
изъ указанныхъ мѣстъ лишь половина окажется дѣйствительно прагерманскими, то дѣло въ данномъ случаѣ, по существу, не измѣнится, такъ какъ по отношенію къ Ярославской губерніи важно, чтобъ прагерманцы могли быть на западныхъ или южныхъ окраинахъ Россіи. Въ пребываніи же ихъ тамъ почти не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Разъ же они были тамъ, то могли проникнуть и въ Ярославскую губернію. А проникали ли въ дѣйствительности, объ этомъ пусть скажутъ ихъ черепа, изображенія которыхъ здѣсь прилагаются. Рис. 1 представляетъ черепъ ¹⁾, взятый въ разрушенномъ рабочими могильникѣ, находившемся между д. б. Фатьянова и Буконтьево, на С. Ярославскаго уѣзда; рис. 2 даетъ то же изображеніе, наложенное на абрисъ черепа изъ пещеры Энгисъ, находящейся въ Бельгіи на лѣвомъ берегу Мааса, верстахъ въ 12 къ Ю.-З. отъ г. Лютиха ²⁾; рис. 3—другой фатьяновскій черепъ; рис. 4—наложеніе его абриса на абрисъ энгисскаго; рис. 5—изображаетъ черепъ, найденный въ могильникѣ, находящемся на холмѣ Черная Гора близъ села Великое Ярославскаго уѣзда; рис. 6—наложеніе его абриса на абрисъ фатьяновскаго второго (рис. 3); рис. 7—представляетъ черепъ изъ кургана большого курганнаго владѣнща, находящагося у с-ца Михайловское, въ 7 вер. къ С. отъ Ярославля; рис. 8—наложеніе абрисовъ череповъ Черногорскаго на Михайловскій; рис. 9—изображаетъ черепъ, добытый изъ кургановъ, расположенныхъ близъ дер. Болъново Ростовскаго уѣзда въ урочищѣ Ахмылово; рис. 10—даетъ наложеніе абрисовъ череповъ акмыловскаго на черногорскій; рис. 11—черепъ, найденный въ западной Германіи, въ Неандертальскомъ ущельѣ, близъ Гохдаля, между Дюссельдорфомъ и Эберфельдомъ, въ пещерѣ на р. Дессель ³⁾, правомъ притоку Рейна; рис. 12—наложеніе абрисовъ череповъ неандертальскаго на акмыловскій; рис. 13—тоже неандертальскаго на михайловскій; рис. 14—тоже

считать за серьезные работы, какъ извѣстія въ основѣ патріа данныя и какъ трактующія о чело-
вѣкѣ по его натуру, ничего не говоря о самомъ челоѣвѣкѣ. Не же ли это равно, что находить
аглицанъ танъ, гдѣ носятъ цилиндры Циммермана?

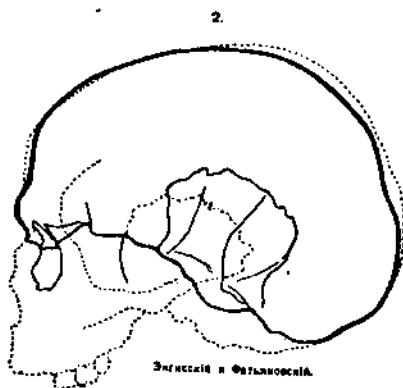
¹⁾ У гр. Уварова, Каѣ. період., т. I, тб. IX, № 2.

²⁾ Тойлоръ, стр. 238... Рисунки взяты изъ статьи Л. К. Попова (Природа и люди, 1879 г., кн. IV, стр. 89). Нельзя не отнѣсти наму бѣдность данными, особенно рисунками, личному не-
возможности сдѣлать хоть что нибудь. Какой бы вопросъ не всталъ, для освобожденія сво кочка всегда не
найдешь нужнаго матеріала на достаточность полноты, а не рѣдко не знаешь даже, гдѣ и искать. И
приходится бредить другимъ дѣломъ, гдѣ, нѣзоди и чуть не прорѣзал. Поэтому дѣлать не прихѣ-
стовать нечелю А. Д. Попова заставлятъ по возможности часто и колѣно говорить авторамъ права.
личныхъ неограниченъ и даже читателю, кто ни былъ бы см., самому судить о дѣлѣ.

³⁾ Вѣтъ отсюда же, отсюда и вышеслѣд.

Близъ к Фатъновск. Ярос. уѣз.

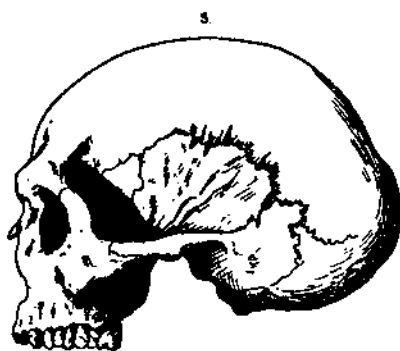
Энгельскій и Фатъновскій.

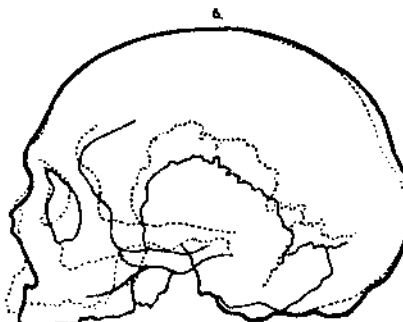
Близъ к Фатъновск.

Энгельскій и Фатъновскій (2.)

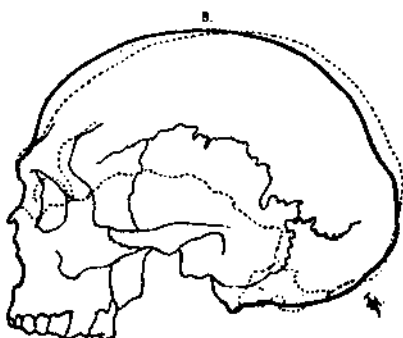
Урочище Черданъ-гора близъ к Вележск. Яр. уѣз.

Фатъновскій и Черноморскій.

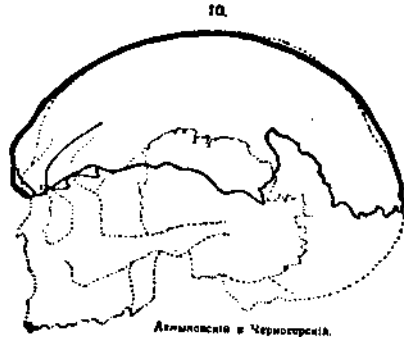
С-во Михайловское Ярос. уѣз.

Черноморскій и Михайловскій.

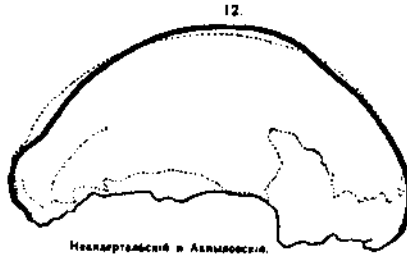
9.
Урочище Ашмолло (Горамы) близъ в. Кольцовъ
Ростовск. уѣд.

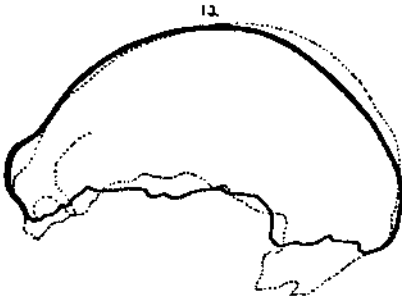
10.
Ашмолло и Черногорскіа.

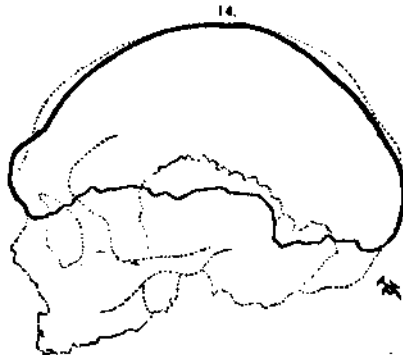
11.
Монарталъ близъ Досклароффе

12.
Монарталскія и Ашмоллоскія.

13.
Монарталскія и Монарталскія.

14.
Монарталскія - Фельковскія (2) *Велик (3)*

Урочище Черная гора близъ с. Великое Рр. уѣд.

неандертальскаго на фатьяновской (3) и рис. 15—изображеніе черногорскаго черепа ¹⁾.

Разсматривая рисунки, не трудно замѣтить: 1) въ концѣ новокаменни въ Ярославской губерніи жило по крайней мѣрѣ два племени: одно типа англесской (рис. 1 и 2), другое—неандертальской пещеры (рис. 3, 5 и 10). Жили они совместно и вступали въ смѣшанные браки, какъ это видно по фатьяновскому могильнику и стоянбѣ, въ которыхъ найдены рядомъ и черепа обоихъ указанныхъ типовъ и несомнѣнной помѣси ихъ ²⁾. О двухъ племенахъ говоритъ и положеніе востяковъ въ могилахъ въ разныя стороны головой къ З. и Ю.-В.

2) Насколько можно судить по существующимъ даннымъ, которыхъ, впрочемъ, слишкомъ не достаточно, преобладалъ численно, кажется, неандертальскій типъ, проявляющійся и много спустя у курганниковъ губерніи. Впрочемъ, въ черепахъ послѣднихъ обнаруживается и англесскій типъ, но только черты его, какъ болѣе подходящаго къ славянскому, труднѣе замѣтить.

3) Отличительныя признаки неандертальскаго типа черепа: покатость лба («убѣгающій»), развитіе лобныхъ пазухъ и обусловленная ими развитіе надбровій или бровныхъ дугъ, а равно—низкость и пологость черепного свода не только свойственны древнимъ ярославскимъ черепахъ, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ выступаютъ еще рѣзче, чѣмъ даже въ неандертальскомъ черепѣ, таковы: 7—убѣгающій лобъ ³⁾ и 9—пологость свода и развитіе надбровій ⁴⁾. По покатости лба неандертальскаго черепа уже можно предполагать въ немъ восозубость (прогнатизмъ), которая дѣйствительно и подтверждается другими чертами его типа ⁵⁾. Эту же черту отмѣчаетъ гр. Уваровъ въ фатьяновскомъ

¹⁾ Который необходимо имѣть въ виду того интереса, который представляютъ черепа разнаго времени. См. еще черепъ той-же поры въ *Sitzungsberichte der gelehrten Estnischen Gesellschaft* (1903 г. т. II, стр. 82), очень близкій къ Ярославскимъ и найденный при однородныхъ съ ярославскими условіяхъ. Рих. Вейдбергъ относитъ его къ длинногоровому племени сѣверной Каролии. Интересный черепъ хранится въ Тверскомъ музѣ древностей.

²⁾ У гр. Уварова, таб. X, рис. 3 англесскаго типа, рис. 4 неандертальскаго.

³⁾ Такъ называемая «голова шлемомъ»; находима Бранденбургъ служившая для юга Россіи (Труды XI арх. съѣзда, т. I, стр. 161).

⁴⁾ Оба упомянутыя черепа пурганские и относятся къ болѣе позднему времени, къ I и XI в.в., но все обстоятельно на уменьшеніи степеней убѣдительности заключеніи, такъ какъ въ тѣсной связи курганниковъ съ новоземскими людьми губерніи не имѣется, кажется, никакихъ соотвѣстій; она, какъ свидѣль, отмѣчена еще А. И. Богдановичемъ.

⁵⁾ Ив. Тейлоръ, стр. 338.

черепъ, изображенномъ здѣсь на рис. 3-ий ¹⁾, она же выступаетъ и въ черногорскомъ, но въ болѣе рѣзкомъ видѣ (рис. 6, точечная линія), а въ нѣкоторыхъ ярославскихъ черепахъ среднихъ вѣковъ (XVI—XVII) ²⁾ достигаетъ иногда значительныхъ размѣровъ. Какъ извѣстно, косозубость является одной изъ тѣхъ чертъ, которыя отличаютъ черепа прагерманцевъ отъ нберскихъ, — весьма прямозубыхъ (ортогнатныхъ) ³⁾.

Другая особенность прагерманскихъ череповъ, — выпуклый бугоръ затылокъ, — также рѣзко выражена въ ярославскихъ черепахъ.

4) Племя неандертальскаго типа, повидимому, было значительно распространено по Ярославской губерніи; его черепа поры новокаменныя весьма однотипныя (рис. 6) найдены на разстояніи 50 вер. одни отъ другихъ ⁴⁾, а черепа того же типа курганнаго времени встрѣчены и на Ю. Ростовскаго уѣзда, т. е. въ разстояніи отъ фатьяновскихъ верстъ на 150.

Энгисскій черепъ считаютъ за прагерманскій ⁵⁾, основываясь, главнымъ образомъ, на соотношеніи его измѣреній и объясняя большее развитіе верхней части его болѣшимъ совершенствованіемъ умственныхъ способностей энгисскаго человѣка. Это возможно: развитіе умственныхъ способностей не остается безъ вліянія на строеніе черепа. Но нельзя забывать, что подобное вліяніе сказывается не столько въ увеличеніи мозга, вызывающемъ и увеличеніе черепа, сколько въ усложненіи и увеличеніи числа извилинъ перваго. Это же обстоятельство не влечетъ увеличенія объема мозга. Кромѣ того, черепа неандертальскаго типа вырождоу или отродомъ (атавизмомъ) являются до сихъ норъ, но на умственныя способности ихъ обладателей замѣтно не вліяютъ отрицательно. Слѣдовательно развитіе энгисскаго черепа на высоту (рис. 4), можетъ быть, правильнѣе будетъ объяснить примѣсью болѣе высокоголоваго, хотя бы и родственнаго племени, что тѣмъ возможнѣе, что,

¹⁾ А у него на таб. IX, № 1. Уваровъ считаетъ этотъ черепъ вообще исключительнымъ; оно покинто: два остальные, какъ черепа помѣсей, отлчаются отъ его № 2, гораздо менѣе перваго, являющагося болѣе чистымъ типомъ. Однако онъ все-таки не такой типичный, а черногорскій болѣе чистаго типа, хотя и самъ едва ли свободенъ отъ измѣненій примѣсью. Уваровъ, вѣдливо, все черепа приписалъ за принадлежавшіе болѣе или менѣе чистымъ особямъ. Сильная косозубость (верхне-челюстная) пригуща нѣкоторымъ курганнымъ длиннымъ черепахъ, хранящимся въ музей Яросл. Арх. Еомк.

²⁾ Приобрѣтены мной и хранятся въ Ярославской Арх. Комиссіи.

³⁾ Тейлоръ, стр. 233, 116. Дреаме-германскій черепъ описывается такъ: длиннолобый, высокій, съ выдающимся затылкомъ, плоскими висками, изогнутымъ (въ профиль) носовымъ и съ сильно развитымъ (у мужчинъ) подбородкомъ (Древности, т. XIV, стр. 178).

⁴⁾ Фатьяново къ С. отъ Ярославля въ 26 вер., а Черная Гора въ 25 вер. къ Ю. отъ него.

⁵⁾ Тейлоръ, стр. 233.

какъ свидѣтельствуеть Вирховъ, въ Европѣ съ самаго отдаленнаго времени встрѣчаются уже два созрѣвшіе типа: длинноголовый и широко-головый¹⁾. А разъ они были, то могли и смѣшиваться, да, несомнѣнно, и мѣшались.

Что касается доказательности пребыванія прагерманскаго племени въ предѣлахъ Ярославской губерніи, то это пребываніе, кромѣ череповъ, подтверждается еще сходствомъ орудій. Такъ И. С. Поляковъ отмѣчаетъ²⁾, что фатьяновскіе каменные молоты-топоры схожи съ таковыми же изъ датскихъ сорниговъ (кьёккенмѣддингговъ). Вирховъ нашелъ черепъ плоскоголоватаго неандертальскаго или канштадскаго типа къ В. отъ Петербурга³⁾ и, несомнѣнно, нашелъ бы ихъ и много далѣе въ эту сторону, если бы только повалъ. Можно отмѣтить также еще слѣдующее. Береговъ Балтики прагерманцы достигли въ то время, когда сѣверный олень откочевалъ уже изъ тѣхъ мѣстъ далѣе къ С.⁴⁾, т. е., какъ выше замѣчено мной, въ поледовье. Въ это же время плоско и длинно-головое племя является и въ Ярославской губерніи. Затѣмъ, питались они въ то время преимущественно двустворчатými слизняками какъ морскими, такъ и рѣчными, уничтожая ихъ громадные количества и накидывая цѣлыя кучи (иногда большихъ размѣровъ, — до 125 с. дл., до 27 с. шир. и до 1/2 с. выс.⁵⁾ опорожненныхъ раковинъ. Такія куча найдены, какъ на морскихъ берегахъ Даніи и Швеціи, такъ и на берегахъ внутреннихъ озеръ и рѣкъ, между прочимъ и Россіи⁶⁾.

¹⁾ Древности, т. XIX, вып. 3, стр. 147. Сюда же относится его замѣчаніе (тамъ же) о томъ, что распределеіе (въ Германіи) блондиновъ и брюнетовъ и въ прошломъ, и въ настоящемъ остается неизмѣнимымъ и, притомъ, не зависитъ отъ климата. Указанное явленіе объясняется тѣмъ, что смѣшались два племени, — свѣтлоцвѣтное и темноцвѣтное, въ которыхъ число особей было определенное. А такъ какъ отъ помѣси потомство воспроизводится по числу особей въ отца и мать, въ общемъ, въ одинаковыхъ соотношеніяхъ, то общее отношеніе тѣхъ и другихъ другъ къ другу и остается болѣе или менѣе постояннымъ. Во всякомъ случаѣ подмѣченное Вирховымъ явленіе ясно свидѣтельствуеть о двухъ разныхъ оленяхъ. О томъ же говорятъ и раскопки новованнаго вургина въ Борреби, на датскомъ островѣ Фальстерѣ, гдѣ найдены прагерманскіе черепя вѣсть съ короткоголовыми. Курганъ относятъ къ времени сорниговъ или равониниковъ (Тейлоръ, стр. 104).

²⁾ Антроп. выставка, т. III, стр. 188—192 и т. II, стр. 130.

³⁾ Тейлоръ, стр. 233.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Тейлоръ, стр. 62.

⁶⁾ Напримѣръ въ Путятинскѣ (Труды VII Арх. Съѣзда, т. III, Протоколы, стр. 60) въ Бологовскомъ уѣздѣ Нюхор. губ. на берегахъ уже высохшей рѣки. Овъ находятъ сорниги или кучонаые отбросы Россіи сходными съ бельгійскими временя обвернаго оленя и пещеръ Шалеуа (Chaleux), Ревья (Reviou) и др. Того-же мѣстна оль и о восточныхъ и западныхъ орудіяхъ. Современники бологовскіихъ отбросовъ описываются Путятинскѣ, какъ племя почти длинноголовое, съ приплюснутымъ лбомъ, косовуло, съ жидкой и весьма рыхлой нижней челюстью и считаются имъ членами одной народности съ обитателями береговъ Оли и Фатьяново, описанными Гр. Уваровымъ. Весьма жаль, что ова

Въ Ярославской учинской стоянѣ встрѣчаемъ тѣ же раковины ¹⁾. Конечно, ихъ трудно признать за вѣрный признакъ пребыванія въ нѣстахъ ихъ находженія прагерманцевъ, такъ какъ питаться раковинами могло одновременно нѣсколько племенъ ²⁾. Однако и этотъ признакъ, являясь не обособленнымъ, а вмѣстѣ и на ряду съ другими, приобретаетъ также известную долю вѣскости.

Важнымъ путемъ, т. е. берегомъ ли Балтики или въ обходъ литовцевъ (если они тамъ сидѣли уже въ то время), по рѣкамъ Днѣстру и Днѣпру съ ихъ притоками явились прагерманцы въ Россію, пока точно рѣшить нельзя по недостатку наблюдений. Но вопросъ этотъ, очень любопытный самъ по себѣ, въ данномъ случаѣ, не имѣетъ рѣшающей важности. Важнѣе то, что прагерманцевъ на степеняхъ строителей сорниговъ застаютъ письменность. Юлій Цезарь въ I в. до Р. Х. такъ описываетъ ихъ въ ихъ прародинѣ—устыяхъ Рейна: приближаясь къ океану (морю), онъ (Рейнъ) раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, образующихъ много большихъ острововъ, большая часть которыхъ населена дикими и варварскими народами; изъ нихъ нѣкоторые поддерживаютъ свое существованіе рыбой и птичьими яйцами ³⁾. Именно здѣсь и въ окрестностяхъ, какъ-то: на островахъ залива Зюдерзее и особенно въ Фрисландіи, прагерманскій типъ сохранился въ наибольшей чистотѣ и нигдѣ не попадается столько череповъ неандертальскаго типа,

не дасть рисунковъ череповъ (хотя бы вродѣ прилагательныхъ здѣсь),—они дали-бы гораздо больше даже самаго подробнаго описанія. Пугачинъ говоритъ, кромѣ бологовскихъ, еще о вулканическихъ остаткахъ окрестности ярославскихъ (фатьяновскихъ), но такихъ въ тѣсномъ смыслѣ этого понятія въ указанныхъ нѣстахъ не было. Статьи о рисункахъ. Желательно, что бы они все исполнялись одного размѣра (кажъ прилагаемое), причемъ, основными точками длины слѣдуетъ брать переносъ—затылокъ; ширины:—вѣднне края боковыхъ глазничныхъ (скуловыхъ) костей, а для рисунковъ—сидъ съ верха—линію, отдѣляющую надбровья отъ черепа, и затылокъ. Указанными линіями или расстояніями должны быть одинаковы во всѣхъ рисункахъ, что позволитъ сравнивать послѣдніе путемъ наложенія безъ перерисовки, а это для употребляемыхъ рисунковъ очень важно.

¹⁾ Причемъ подробности обстоятельна даютъ любопытную черточку кельтской жизни того далекаго времени: обитатели губерніи, бродя по отдаленн., собирали раковинами, видимо, въ горшокъ ихъ несомнѣнной главы, накрытый дырчатомъ, рыбьимъ узоромъ, въ который и хранили свой запасъ. На стоянѣ найдены (кажъ о томъ сообщалось въ одномъ изъ собраній Ярославской Арх. Ком., въ августѣ 1900 г.) черепки развалившагося горшочка и въ видѣ нѣсколько раковинъ перловидны. О птичьихъ раковинныхъ явотныхъ говоритъ и И. С. Поляковъ про тульскаго позолоченнаго человека (Антрополог. вѣстникъ въ центр. в востокъ. Россіи, стр. 37).

²⁾ Раковинная куля для сорниговъ находится и на берегахъ Португалии, гдѣ ихъ архивологическіе сборники. Многие изъ современныхъ дикарей, какъ въ Африкѣ поперемѣжъ Огненной земли Южной Америки, австралийцы и др. также питаются раковинами. Однако можно отказать, что любовь къ употребленію особенно развита въ Германіи, Англіи и Франціи.

³⁾ De Bello Gallico IV, 10. Ю. Цезарь, по Тейлору (238). На вѣднней отдаленн. размѣна нѣкъ стоитъ поперемѣжъ, или, тѣснѣе, нѣкъ.

какъ тамъ ¹⁾). Нынѣшнихъ жителей Фрисландскихъ острововъ Вирховъ считаетъ за прямыхъ потомковъ строителей датскихъ сорняковъ. Такимъ образомъ всего 100 лѣтъ съ небольшимъ до того, какъ Тацитъ описывалъ дикарей финновъ въ Россіи, Ю. Цезарь отмѣтилъ подобныхъ же по развитію дикарей въ Голландіи. И если они могли оставаться такими въ Голландіи, имѣвшей долготѣни сношенія съ Римскою имперіей, то еще болѣе длинными они должны были быть на пустынныхъ равнинахъ внутренней Россіи, отдѣленной отъ тогдашняго образованнаго міра огромными пространствами ²⁾).

Трудно сказать, знала ли прагерманцевъ въ Россіи письменность, сообщающая, какъ увидимъ, о финнахъ береговъ Балтики, такъ какъ весьма трудно доислаться истиннаго значенія тѣхъ названій племенъ и народовъ, помѣщавшихъ въ Россіи, которыя дасть эта письменность. Одно, кажется, несомнѣнно: свѣдѣнія о дикости описываемыхъ ею народовъ до славянъ вѣлчительно нѣтъ основаній считать преувеличенными и представляющимися такими только съ точки зрѣнія образованнаго грека или римлянина, склонныхъ, будто бы, въ сгущенію прясель. Зачѣмъ было ступать ихъ, когда онѣ и безъ того поражали? Непониманіе нѣкоторыхъ явленій было, какъ есть и теперь; разукрашиваній же, особенно, нащроенныхъ, нѣтъ. По крайней мѣрѣ изслѣдованіе не только не удаляетъ, но больше и больше приближаетъ къ нашему времени тѣ явленія, которыя сообщаетъ древняя письменность. Не столько грѣшитъ она, сколько наше подъ часъ предвзятое пониманіе ея.

Но знала ли письменность прагерманцевъ въ Ярославской губерніи или нѣтъ, тѣмъ не менѣе они въ ней были, какъ свидѣлствуютъ о томъ ихъ черепа и кости, находимые въ могилахъ ³⁾. Устройство фать-

¹⁾ Тейлоръ, стр. 103. Быть можетъ, найдутся желающіе объяснить величностъ прагерманскихъ череповъ въ Россіи пребываніемъ въ ней готовъ, вышедшихъ изъ Скандинавіи. Но во 1-хъ, въ Россіи они появляются около III в. по Р. Х., а во 2-хъ, ихъ бытъ, насколько о немъ можно судить, совсѣмъ не напоминаетъ бытъ людей новоземлянъ.

²⁾ Далеко отъ черноморскаго греческаго колонія, колонизировавшихся въ Россіи въ VI в. до Р. Л. (Труды XI Арх. Общ., т. I, стр. 186).

³⁾ С. Геденшольмъ (Отрывки изъ шведск. о варяжск. вопросѣ, стр. 183) приводитъ справку о великанствѣ въ сѣверной Россіи, называвшуюся въ то время интереса. Вотъ ея сущностъ. Ютунгеландъ (Jotunhelfir—фибоное ютунг—великанъ) и Рисландъ (Risaland—шведское, отъ risa—великанъ; не отсюда изъ русское рыцарь, а не отъ ritter, какъ думаютъ) составлялъ часть Гердарики (т. е. негородскихъ земель), въ которой стояли въ давнюю отдаленіи. Эти названія принимаются за переводъ славянскаго: Вологовъ земля и указываютъ, что на нѣкоторыхъ лѣтописцахъ около Вологды и Кубенскаго озера жили люди; называвшіеся волотами въѣхотѣе того, что почитали за боговъ иволотовъ—великановъ. Но Болотовъ въ это время пероѣ еще разсказывалъ о людяхъ—великанахъ, бывшихъ рыцаря, и о томъ, что возне будутъ люди немале шая. Но Геденшольму «Волоты» въ лѣтописно-славянскомъ выго-

яновскихъ могилъ, благодаря невѣжеству завѣдывавшихъ работами по постройкѣ сперва желѣзной дороги, а позже шоссе, выяснить не удалось. Могилы того же приблизительно времени на Холмской горѣ около Романова въ с-дѣ Дегтево (Ярославскаго уѣзда) и другихъ мѣстахъ уничтожены совершенно ¹⁾. Только на Черной Горѣ посчастливилось обследовать ихъ болѣе или мѣнѣе соответствующимъ образомъ. Исслѣдованіе показало, что могилы людей новобитники Ярославской губерніи представляютъ материковыя, продолговатыя, съ закругленными углами ямы отъ 1 ар. 9 в. — 2¹/₂ ар. глубиной. Засыпка могилы нѣсколько, но очень не много, возвышается надъ поверхностью почвы ²⁾, такъ что замѣтить эту приподнятость могъ бы только опытный и пристальный взглядъ. Чѣмъ ее объяснить, сказать трудно. Возможно, что она обусловлена просто пере-сыпной почвы, которая при переборкѣ не укладывается такъ плотно, какъ при естественномъ напластованіи. Во всякомъ случаѣ *насыпий надъ могилами или куряновъ* ни на Черной горѣ, ни на Фатьянов-

ворѣ быть—«Валеть». Въ Лавиндѣ сохранилось преданіе о новгородскомъ ставленникѣ, приятелѣ Кароли Валитъ—Варентъ—воиственникъ и необыкновенно сильнымъ. Ему принадлежало завоеваніе Мурманъ и сооруженіе вавилоновъ (лабиринтовъ), встречающихся на сѣверѣ довольно часто (Зап. отд. русск. и слав. археологіи Русск. Арх. Общ., т. VI, в. 1). Одна изъ вавилоновъ была въ Варентѣ, на вѣнскомъ побойцѣ, гдѣ Варентскій лѣтній постоя. Большой срадинный камень вавилона еще въ XVI в. слытъ Валитовымъ. Всѣ подобныя преданія могли возникнуть среди финновъ, для которыхъ славяне и еще болѣе норманы казались великанами въ смыслъ верзла. Видѣть въ вавилонахъ славянскія городища, какъ дѣлаетъ Гедесонъ, нельзя; ихъ названіе хоти еще и не выяснено, но несомнѣнно, совершенно иное. Любопытно указаніе Буткова (Смыслъ Отечества, 1836 г., № 1) на замокъ въ Руссаландѣ (Русской дѣлѣ), называемый лопарями Варьятъ—Вуода—Варитская вода, который на картѣ Россіи Гессель Герарда 1614 г. называетъ Вариктеръ, а у Рудбека—Варанга съ страной Варегією на восточномъ берегу оз. Енаре (на Мурманѣ), гдѣ по Большому чертежу—Валитово, Волотово городище. Последнее и объяснить, кто разулѣлся полъ золотами и идти далеко въ древность можно отодвинуть преданія о великанахъ.

¹⁾ Опытъ благодаря тому-же невѣжеству мѣстной «интеллигенціи» и отсутствію надзора. У Романова цѣлые года разрушала песковозы большой котальникъ, находили кости и вещи, развезывали объ этомъ многимъ жителямъ города, въ которыхъ приносили и найденныя вещи. Последнія кое-гдѣ изъ этихъ «образованныхъ» людей приобретались «ради куріоза», но никому изъ нихъ не пришло въ голову сходить на мѣсто находки (оно-же у самого города), осмотрѣть его, поразспросить и записать видѣнное и слышанное, а еще лучше удостовѣрить кого-нибудь изъ знающихъ. Подобныя печальные случаи продолжаютъ повторяться до самаго послѣдняго времени, а мѣстная архіепископская комиссія ничего не можетъ сдѣлать, такъ какъ ей не дано рѣшительно никакихъ правъ и въ то же время она поставлена (какъ и всѣ другія) въ зависимость положительную отъ всѣхъ и всего. Ей не дается рѣшительно никакихъ средствъ, вслѣдствіе чего она вынуждена выпрашивать ихъ у земства и города, а стало быть, и не смѣетъ сказать ничего ни про земство, ни про городскіхъ дѣятелей, ни про ихъ знающихъ, родныхъ и сослуживцевъ, ни про тѣхъ, кто можетъ надать на городъ и земство непосредственно и посредственно и т. д. Такое положеніе науки, подобное существованію чуть не ради Христа, на крѣпкѣ изъ милости, какъ нѣчто совершенно лишнее и лишнее, глубоко удручаетъ и замущаетъ. Не можетъ и не должно держаться такое положеніе, оно позорно и постыдно, но, разулѣтся, не для Богинскій.

²⁾ Яросл. Губ. Вѣд. 1898 г. №№ 16 и 19, въ отдѣльномъ отпечѣ стр. 6.

скомъ холмѣ, ни подѣ Романовымъ, ни въ другихъ мѣстахъ не было и потому *ярославскіе курганы не могутъ идти отсюда*. Объ этомъ же не менѣе убѣдительно говорить и то обстоятельство, что здѣшнихъ кургановъ древнѣе VIII вѣка пока неизвѣстно, хотя и раскопано ихъ больше тысячи. Впрочемъ, нужно оговориться, что въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ Россіи могилы приблизительно той же поры, перѣдбо весьма близкія къ ярославскимъ по устройству и по содержанию, почти всегда прикрыты курганами. Зависитъ ли такая разница отъ племенной особенности или отъ большаго развитія южнаго племени, или же отъ сторонняго вліянія на него, отъ заимствованія, рѣшить будущее. А. А. Спицинъ (Зап. русск. и слав. арх. Русс. Арх. Общ., т. V, в. 1, стр. 77), исходя изъ указаннаго сходства, склоненъ привести длинно-головыхъ на верхнюю Волгу съ Кавказа. Ниже я говорю по этому поводу, но болѣе вѣсное слово можетъ сказать лишь обстоятельнѣйшее изслѣдованіе череповъ и костей между прочимъ и при помощи микроскопа.

О всемъ говоренномъ до сихъ поръ до насъ не дошло нибавихъ свидѣтельствъ ни письменности, ни языка. Люди жили долгое время и оставили въ воспоминаніе о себѣ только свои кости, немного мотыль и кое-какія подѣлки изъ камня, кости и глины, которыя и приходится вопрошать о ихъ неизвѣстныхъ владѣльцахъ. Далѣе рѣчь пойдетъ о населеніи, отмѣченномъ письменностью и засвидѣтельствовавшемъ о себѣ въ такъ называемой дѣтониси землѣ, т. е. въ названіяхъ живыхъ урочищъ, которымъ въ послѣднее время опять начали придавать (вполнѣ заслуженно и основательно) весьма большое значеніе ¹⁾.

Первыми изъ такого населенія являются въ Ярославской губерніи, по мнѣнію большинства, *финны*, по мнѣнію меньшинства, *финно-угры*. Кто правъ? Не рѣшено. Вѣрнѣе: ни тѣ, ни другіе не правы. Первые потому, что нѣтъ основанія кромѣ финновъ не видѣть въ губерніи одновременно съ ними (по крайней мѣрѣ нѣкоторое время) угровъ-югровъ; вторые потому, что сливать въ одно финновъ и угровъ, различныхъ и по языку, и по наружному виду, и по внутреннимъ качествамъ нѣтъ основаній. Которое изъ этихъ двухъ племенъ явилось въ Россію и, въ частности, въ Ярославскую губернію ранѣе, рѣшить можно лишь по тщательномъ и подробномъ изслѣдованіи ихъ языковъ, особенно въ отношеніи заимствованій какъ одного изъ другого, такъ и

¹⁾ И. Филевъ. Исторія древней Руси, т. I.

изъ нныхъ, бывшихъ въ разное время сосѣдями съ ними. Многое въ этомъ отношеніи сдѣлано и дѣлается, но однако еще не большія половиня. Особенно сильно чувствуется недостатокъ изслѣдованій въ этой области русскихъ и на русскомъ языкѣ, что тѣмъ болѣе жаль, что все финское племя живетъ въ Россіи и для многихъ ея мѣстностей начинается исторію ¹⁾).

Если взглянуть на этнографическую карту Россіи, то увидишь, что финское населеніе расположилось въ Россіи полосой разной ширины, тянущейся отъ западныхъ границъ сѣверной половинны государства, т. е. отъ Балтики до Урала, главнымъ образомъ къ С. отъ средней и верхней Волги. При этомъ болѣе сѣверныхъ широтъ оно достигло въ сѣверо-западной части государства, гдѣ уперлось въ море, а наиболѣе южныхъ въ юго-восточной части, у южныхъ концовъ Урала. Соединяя эти крайнія точки линіей, получишь линію распространенія финскаго народа въ Россіи, а принявъ во вниманіе преданія лопарей о томъ, что они пришли съ В. ²⁾ и общее мнѣніе ученыхъ, по которому финны передвинулись въ Европу отъ Алтайскихъ горъ ³⁾, можно видѣть въ указанной линіи направленіе первоначальнаго движенія финновъ по Россіи при переселеніи въ нее изъ Азіи. Судя по нынѣшнему разселенію ихъ здѣсь, есть основаніе думать, что впереди двигались лопари, (лопарь—обкрайный, украиный), за ними финны—собственно эсты, ливы и пр. западныя финскія племена; затѣмъ отяки, зыряны, черемисы и въ хвостъ мордва. Выйдя на Волгу около Самарской луки, финны, видимо, шли вверхъ по теченію рѣки, распространяясь въ стороны по притокамъ, по которымъ постепенно добрались до Онежскаго и Ладожскаго озеръ и до Финскаго залива Балтики. Совершилось это очень давно, въ послѣднюю пору древней или въ началѣ новой каменины, какъ видно изъ того, что лопари были и остаются еще до сихъ поръ оленеводами, представляя собою любопытнѣйшій остатокъ глубочайшей древности, живую картину изъ временъ за 2000, за 3000 лѣтъ назадъ, на которыхъ, къ сожалѣнію, недостаточно обра-

¹⁾ Особенно громадный недостатокъ ощущается въ лопарскихъ—престыгахъ, ориентальскихъ и приамурскихъ или этнологическихъ, языкъ и вообще въ сѣверн. по украинскому матеріалѣ. Что и есть, такъ въ большинствѣ случаевъ разбросано по множеству всевозможныхъ изданій, часто только въ которыхъ въ голову не придетъ искать нужнаго. А сколько тратится труда и времени на подобныя разысканія и на указанія источниковъ!

²⁾ Русскіе лопари. Н. Н. Харушкинъ (Изв. общ. люб. ест. ист. археол. и этногр., т. LXXVI. Труды Этногр. общ. т. X), стр. 21.

³⁾ Семипалатинская область, между мерзлотами Иртыша и Бии. Между прочимъ см. Вѣстникъ и библиотекъ самообразованія 1903 г. № 34, талматскую статью Н. Н. Смирнова.

палось и обращается вниманія, почему для очень многого упущено уже время. Впрочемъ, и въ настоящемъ своемъ состояніи лопари ¹⁾ представляютъ еще нѣкоторыя характерныя данныя и черты быта, которыя у другихъ финновъ, если и существуютъ, то лишь въ видѣ отрывочныхъ пережитковъ, давно утратившихъ настояще смыслъ и значеніе ²⁾. Такъ какъ лопари представляютъ, кажется, наиболѣе чистый типъ финновъ (по крайней мѣрѣ мѣстами и въ отдѣльныхъ особяхъ) и сохранили наибольшее число древнихъ чертъ, то и попробую дать сжатое описаніе ихъ (глав. обр. по Харузину) въ виду того значенія, какое имѣли финны для Ярославской губерніи ³⁾.

Лопари—устро-финны (Шоттъ), антропологически принадлежатъ къ монголоиднымъ племенамъ, хотя отклоняются отъ монголовъ довольно значительно (Вирховъ, Ранке) ⁴⁾; по языку родственны съ финнами Финляндіи и Карелии, съ вогулами и мордвой. Сами себя называютъ саоме, само, сабио, суома-е, суомаойсе, а страну Суомаедне, Суомаладне.

¹⁾ Особенно такъ называемые Финны или финны—лопари оленеводы, занимающіе тундры отъ г. Колы на В. и до границъ Финляндіи и Норвегіи на З., на пространствахъ 300 вер. Отечество ихъ Финляндія и идрешская провинція Финмаркш. Ихъ считаютъ тоже за лопарей, но, кажется, безъ достаточнаго основанія, такъ какъ типъ ихъ значительно разнится отъ финскаго: они черноволосы, кареглазы, смуглолицы, но румяны, недотѣрчивы, угрюмы и истязательны, и умышленно стоятъ ниже лопарей; говорятъ совершенно особымъ нарѣчіемъ. Мясо олене, гусиное, котловый жиръ и рыбу ѣдятъ сырыми и безъ соли. Живутъ въ юта—некоческихъ юртахъ 2½ с. поперечникомъ, крытыхъ (имѣя) грубыми войлокомъ. Любимый цвѣтъ бѣлый (Природа и люди, 1879 г., кн. X, стр. 30). Едва ли это настоящіе финны, которые большинствомъ блѣдырысы, блѣдныи и сѣтѣо-голубоглазы (сывороточныи). Темноцвѣтѣе племя скорѣй остатокъ другого древняго народа, пришедшаго изъ финскому (судия) и въ остани.

²⁾ Болѣе полно и лучше (по полнотѣ) изслѣдованіемъ о лопаряхъ на русскомъ языкѣ является указанное выше изслѣдованіе Н. Н. Харузина, но оно страдаетъ слабостью самостоятельности автора и частѣ неопредѣленностью его личнаго взгляда. О многомъ онъ не то не умѣетъ, не то ослѣдствіе высказывать свой взглядъ, отбѣлеть мысль и потому отъ прочитаннаго читателю остается смутное впечатлѣніе. Типы лопарей на рисункахъ выбраны очень неудачно, такъ какъ типы эти вовсе не лопарскіе. Несравненно выше рисунковъ, изображающихъ «Типы норвежскихъ лопарей», приведенный въ журн. «Природа и люди» (1879 г., кн. X, стр. 13); рисунки эти тоже даютъ очень слабое представленіе о ихъ устройствѣ. Вообще рисунковъ мало (оленякъ, утѣра, узорокъ, упряжи, лодка, пологонъ, домокъ, лашацъ, когыль и пр.), и, какъ поясненіе, они плохи. Неумѣлость выбрать типичное и характерное изъ множества въ изображеніи.

³⁾ Едино лопарь, какъ животное, обследованъ недостаточно, многиа цифра ихъ отъ 3—5 особей.

⁴⁾ Д. Н. Сиприевъ въ указанной статьѣ говоритъ, что черты лица финновъ и тунрокъ родитъ ихъ съ монголами, ибо большая часть ихъ лицъ монголоидна и что монголизмъ тѣмъ увеличивается съ удаленіемъ къ В., т. е. съ приближеніемъ къ гнѣзду монгольства, такъ что у Алтая то вѣнзіе, которое оказывала желтая монгольская народность на урало-алтайскихъ монголоидовъ и тѣлесно и духовно, дѣлается очевиднымъ. Это вліяніе не ограничивалось только Алтаемъ, но достигло ии, иѣрѣе, отразилось и на монголоиднаго дѣтскаго новолыи (ст. 1384). Вирховъ причисляетъ лопарей къ западнымъ племенамъ, но это извѣіе опровергается тѣмъ, что другіе финны, живущіе въ лучшихъ условіяхъ, по словенію не лучше лопарей и что финны пришлы въ славянскіе поимыи и асоеманіе и ростъ славянъ.

Ростъ низкій, —отъ 2 ар. 2 в.—2 ар. 3 в. муж. (151—153 сант.) и отъ 1 ар. 15½ в.—2 ар. ½ в. жен. (139—145,6 сант.). Низкость роста обусловлена *короткостью ногъ*¹⁾, отъ которой туловище и руки кажутся длинными, разстояніе между распростертыми руками значительно меньше роста. *Ширина плечъ и объемъ груди замѣтельно велики*, поясица (тагія) и тазъ шире, чѣмъ у европейцевъ (относительно); пальцы на рукахъ длинные. Ноги коротки, нѣсколько согнуты (въ колѣняхъ?), иногда кривы и *косолапы*, походка *въ перевалку съ наклономъ впередъ* и съ *присѣданьемъ* (при положеніи ступни на пальцахъ: «какъ на рессорахъ»). Головной показатель 87—88,2²⁾, голова большая, круглая и крутая (?), выдается къ верху угломъ, суживаясь съ обѣихъ сторонъ; затылокъ заостренный (по другимъ (человѣковѣдѣніе), голова короткая, отъ переносья до затылка съ шаровидной, а не острой, черепной крышкою, съ сильно выпуклыми висками, черепная полость относительно нежна и мозгъ хорошо развитъ); лицо плоское, широкое, скуластое (ибо скулы весьма широки. челюсти же развиты слабо), круглое; носъ широкій (въ ноздряхъ), короткій, вогнутый («утинный») съ широкими ноздрями, но не мясистый, а скорѣй сухой; глаза небольшие, узкіе, продолговатые, иногда съ косымъ разрѣзомъ и разставлены (по А. И. Кельсіеву) очень далеко другъ отъ друга, благодаря ширинѣ переносья; цвѣтъ ихъ свѣтло-сѣрый (и «сывороточные»); ротъ большой, губы длинныя, тонкія (узкія). блѣдныя. подбородокъ довольно широкій, но не круглый и мясистый, а сухой, раздвоенный, хорошо очерченный и нижней частью выдѣляющійся изъ овала лица, а не составляющій съ нимъ одной кривой линіи: челюсти не выдаются, зубы отвѣсны (прямые), нижняя челюсть узка, длинна, заострена: лобъ кругло-выпуклый, но не высокій; уши плотно прижаты къ головѣ, мочка ихъ развита слабо; въ зрѣломъ возрастѣ пробиваются тонкіе усы и борода (осеннаяюла), но щеки голы, рѣсницы и брови жидки, волосы на головѣ рѣдки, суховаты, коротки—лишь до плечъ, прямые, изрѣдка волнистыя. цвѣтъ ихъ свѣтло-русый. иногда рыжеватый, какъ и на бородѣ; кожа бѣлая и такъ тонка благодаря тощести жироваго слоя, что у другихъ европейцевъ она толще даже на лицахъ. щеки румяныя (у молодыхъ); ушные отверстія по-

¹⁾ Елласуземью.

²⁾ Отъ отягченъ отъ 83,8—88,2, но уменьшеніе зависитъ, очевидно, отъ приращен другихъ элементовъ; у взрослыхъ лопарей, сохранившихъ наибольшую чистоту, отъ 87 (Вирловъ) (Харузинъ, стр. 60). А. Соловьевъ (Человѣковѣдѣніе, стр. 109).

ставлены высоко, почему лицевой уголь остеръ; шея широкая. Обладают особымъ сильнымъ противнымъ запахомъ.

На ряду съ этимъ типомъ ¹⁾ очень многіе писатели о лопаряхъ даютъ еще другой: ростъ нѣсколько ниже, волосы черные, даже глянцево-черные, щетинистые, неспособные принимать прическу, кожа изжелто-смуглая, глаза каріе. Ко помѣси этого типа нужно отнести сообщенія о весьма значительной густотѣ волосъ и о цвѣтѣ ихъ отъ чернаго до каштановаго у нѣкоторыхъ финскихъ разновидностей. Къ сожалѣнію, никто изъ изслѣдователей не постарался прослѣдить этотъ типъ тщательно и возсоздать его въ возможной полнотѣ, почему весьма трудно придти къ какому-нибудь заключенію относительно него, кромѣ развѣ того положенія, что чистое племя не проявляетъ и не можетъ проявлять такихъ взаимно вытѣсняющихъ другъ друга признаковъ. Что нибудь одно: либо чистокровный лопарь свѣтло-цвѣтенъ и тогда темно-цвѣтныя особи уже не лопари (не чистокровные); либо темноцвѣтенъ и тогда свѣтло-цвѣтныя особи явятся помѣсью. Принимая во вниманіе, что скандинавскіе лопари исключительно каре-глазые и что они подверглись гораздо меньшему, чѣмъ русскіе лопари, физическому измѣненію ²⁾ въ силу крайняго презрѣнія къ нимъ скандинавовъ, можно было бы думать, что типичный лопарь темно-цвѣтенъ. Однако этому предположенію мѣшаютъ два соображенія. 1) Западные финны, зыряны и мордва ³⁾ свѣтло-цвѣтны; 2) весьма возможно, что на крайній сѣверо-западъ Европы прижато лопарями одно изъ первобытныхъ племенъ Россіи, жившее въ ней до финновъ и оттѣсненное ими къ С. тогда, когда ихъ самихъ начали тѣснить новые насельники. Рѣшить этотъ вопросъ можетъ только тщательное, подробное и обдуманное изученіе жителей Лапландіи и сличеніе ихъ съ другими обитателями сѣверной Россіи, какъ напримѣръ, съ пермяками ⁴⁾ и особенно съ самоѣдами. По Калевалѣ (записана

¹⁾ Въ приведенномъ описаніи лопаря я старался, насколько было можно, выдѣлать изъ извѣстныхъ данныхъ черты наиболѣе характерныя (на мой взглядъ) для финновъ и невозбуждающія подозрѣнія, что онъ явился слѣдствіемъ помѣси. Горь, изучавшій и русскихъ, и скандинавскихъ лопарей, признаетъ, что первые свѣтло порусьныи врямясь (Хирузь, стр. 60). Подчеркнутые мною выше признаки представляютъ собою наиболѣе первобытныя, животныя черты.

²⁾ Тамъ же, стр. 60 и 96.

³⁾ Смариновъ (тамъ же стр. 1455) указываетъ на близость морды къ астамъ по языку и перемѣнамъ.

⁴⁾ Вообще племенной вопросъ въ Россіи еще ждетъ талантливаго работника и долженъ считаться едва початымъ. Пермь описывается такъ: ростъ какъ у лопаря, широкая скула, глаза каріе или сѣрые, борода рыжая, лицо широкое, лобъ небольшой, у женщины роскошныя, мало сдвинуція волосы, черные

въ Корелии и Олонцѣ) финны господствовали надъ лопарями и эти два племени разобидала вѣчная вражда. Лопарь изображается въ ней злобнымъ и называется косоглазымъ, смотрящимъ искоса едва прорѣзанными глазами. Называется онъ тамъ лаппи—*lappi*. (Журн. М. Н. Пр. 1846 г., III, отд. II, стр. 147, 157). Такое отношеніе Калевалы къ лопарямъ, какъ будто бы, поддерживает мое мнѣніе о темноцвѣтныхъ лопаряхъ, т. е., что они собственно не лопари и не финны.

Что касается нравственныхъ качествъ лопара, то, по большинству отзывовъ, лопари честны, добры, простодушны и миролюбивы, склонны къ веселости, гостеприимны; въ семьѣ кротки и ласковы; суевѣры и набожны, мало предприимчивы, упрямы; упрямый и, особенно, постоянный трудъ не любятъ, къ старикамъ и слабымъ черствы (въ прежнее время), падки къ вину. Вместе съ тѣмъ лопари чрезвычайно привязаны къ родинѣ и въ ея болѣютъ, хирѣютъ и умираютъ ¹⁾. До послѣдняго времени сохранялись слѣды *снохачества*, были знакомы и съ *истерическимъ истеризмомъ*. Въ древности употребляли человѣческія жертвоприношенія, а также знали, какъжется, и людоедство ²⁾. Въ XVII в. у лопарей упоминаются только шалаши. У скандинавскихъ они называются *кота* и представляютъ коническій остовъ (около 5—6 арш. ширины и 3—4 арш. выс.) изъ колевъ, вбитыхъ въ землю, а вершинами связанныхъ вмѣстѣ. Лѣтомъ его кроютъ шнѣ парусиной, зимою же толстымъ войлокомъ; въ шалаши по срединѣ на поперечной перекладинѣ виситъ котелъ надъ очагомъ изъ камней съ восточнымъ огнемъ. Шалаши (важа) русскихъ лопарей (люти, куйт) дѣлается также изъ колевъ, но не коническимъ, а 4-гранной пирамидой въ 2½—3 арш. высоты. Колья кроются вѣтвями и хворостомъ, а поверхъ ихъ дерномъ; внутри жерди прикрыты досками. Посрединѣ очагъ изъ камней, на которомъ поддерживается постоянный огонь. Баническій шалаши-кувакса употребляется русскими лопарями уже лишь какъ временное походное жилище. Онъ врется парусиной лишь до ½—¾ высоты,

или каштановые, равнобразія въ типахъ среди пермяковъ меньше, чѣмъ даже у эрзянъ, следовательно племя довольно чистое, голова меньше, въ общемъ, чѣмъ у русскихъ. (Живая старина 1903 г., в. IV, стр. 415).

¹⁾ Это воцѣло обусловлено свойстями ихъ родины, съ которыми они связаны съ ранята дѣтства, но видя даже слабого представителя изъ чужа другоа. А свойства ихъ родины такъ отличны отъ свойствъ ихъ мѣсть (темнота, малолѣдство, широкіе вѣды, отсутствіе цвѣтій и проч.), что, попадая въ послѣднія, лопарь терзается, путается и начинаетъ изнывать: все мало, возмущено, темно или страшно, все пераиваетъ, воздугаетъ, потрясаетъ; и верамъ не выносятся.

²⁾ Ладуринъ, стр. 18, 61—65, 173. Готеринка существовала до XIII в. канничиства (стр. 240).

и котель привѣшивается къ перекрестью жердей¹⁾. Кота переживаетъ почти у всѣхъ финновъ Россіи.

По Дюбену²⁾ лопари при встрѣчѣ съ скандинавами, совершившейся райѣ Эдды, знали только естественныя мѣры (локоть и т. п.), считали лишь до 10, измѣренія времени, вѣса, писъма, металловъ, скотоводства, земледѣлія и даже самыхъ простыхъ производствъ другихъ народовъ не знали; одежды шили изъ шкуръ жилами; занимались рыболовствомъ; вѣроятно, приучили уже сѣвернаго оленя, которымъ главнымъ образомъ и пользовались, но доить не умѣли и молока не знали; собака была уже ручною³⁾.

Эти данныя пополняются раскопками.

Мертвыхъ хоронили въ уединенныхъ мѣстахъ: на обрывахъ, близъ капищъ, на крутыхъ берегахъ озеръ, большихъ рѣкъ и моря, въ каменной почвѣ⁴⁾. Могилами служили: 1) естественныя пещеры и углубленія въ горахъ, устья которыхъ загоразивались камнями; 2) гробницъ: выкапывалась мелкая, небольшая яма, къ ней притаскивались 2 большихъ камня съ сглаженными сторонами и ставились въ нее крышей (шалашомъ, стропилами), подъ которую и вдвигался трупъ. Открытыя боковыя стороны («щипцы», «лбы»), заваливались кучей камней. 3) Видоизмѣненіе предъидущаго: вырывалась четырехугольная яма 3—4 арш. длины, $\frac{1}{2}$ —1 арш. ширины и $\frac{1}{4}$ —арш. глубины⁵⁾, стороны ея обставлялись камнями разной величины, а въ головахъ и ногахъ ставилось по одному большому плоскому камню. Этотъ ящикъ съ положеннымъ въ него трупомъ покрывался плоскими камнями на подобіе черепичной крыши. Могила имѣетъ видъ небольшого каменнаго холмика. Иногда плоскіе камни бровли къ одному концу стесывались треугольникомъ и составлялись пирамидой. Трупъ клался на боку, (иногда на саняхъ—кережкахъ), головой на З. или Ю.⁶⁾, лицомъ часто на В. или Ю.-В. и нерѣдко закрывался въ покрывадо или

¹⁾ Томе, стр. 100.

²⁾ Основывающагося на изученіи языка.

³⁾ Харуэнь, стр. 22.

⁴⁾ Ирадоотіе каменной почвѣ отдавалось, быть можетъ, потому, что камень являлся главнымъ предметомъ обрабатывающей промышленности, нужнымъ какъ живымъ, такъ и мертвымъ, составлявшимъ часть инвентаря.

⁵⁾ У Харуэня указаны лоты, но не сказано казіе; я принимаю ихъ за шведскіе, такъ какъ приводимыя имъ авторы шведы.

⁶⁾ Эта разность направленія указываетъ на разность и самихъ племенъ, можетъ быть, даже на племена, а можетъ быть, лишь на разность предвзятыхъ мнѣній обитателей, т. е. на ту сторону, откуда пришли вѣдѣ остальныя думи предковъ, ироте мертвыхъ.

пологъ, сшитый изъ бересты оленьими жилами ¹⁾ и часто обильно украшенный изображеніями животныхъ и картинами жизни. Съ покойникомъ клались оружіе, охотничьи приборы и снаряды, вещи, съ звѣроловомъ—собака и остатки тризны. Расщепленные для извлечения мозга кости этихъ остатковъ по ихъ внѣшнему виду очень похожи на таковыя же изъ датскихъ сорниковъ. Наконечники стрѣлъ и копій—изъ рога и кости, кремневые рѣдко.

Желѣзо и вообще металлъ найдены лишь 2 раза, что говоритъ за то, что раскопанныя могилы древнѣе XVII в., въ которомъ желѣзо было уже распространено, хотя и прежніе наконечники еще употреблялись. Древнюю обстановку погребенія застали изслѣдователи XVIII в. По ихъ словамъ, еще тогда лопаря хоронили въ пещерахъ, а гдѣ не было послѣднихъ, тамъ на открытыхъ мѣстахъ, огораживая сами съ покойникомъ обрубками бревенъ ²⁾, которыми накрывали и самый трупъ или, какъ въ Скандинавіи, заваливали кучей камней. Вежа покойника покидалась обитателями, а иногда и разрушалась впоследствии ³⁾. Лопарскія могилы и «каменные кучи» встрѣчаются и въ Скандинавіи и въ Россіи гораздо южнѣе теперешнихъ мѣстъ жительства лопарей (въ Карелии, напримѣръ, онѣ попадаются около Канны), что свидѣтельствуетъ о томъ, что въ древности лопаря жили южнѣе. Для Россіи Харузинъ установилъ, что они жили отъ береговъ Ладожскаго и Онежскаго озеръ до южныхъ береговъ Кольскаго полуострова, встрѣчаясь въ Финляндіи еще въ XVI в. повсюду, откуда финны не успѣли ихъ вытѣснить ⁴⁾. У скандинавскихъ лопарей еще въ XVIII в. сохранялось преданіе о томъ, что нѣкогда они занимали всю Швецію.

Сообщенное здѣсь о лопаряхъ, кажется, достаточно ясно и убѣдительно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ лицѣ ихъ имѣемъ дѣло съ остатками одного изъ первобытныхъ племенъ Россіи. Племя это финское, тѣсно связанное съ остальными финнами и тѣломъ, и душой. И если оно сильно отстало, не развилось, какъ эти послѣдніе, то не потому, что и въ древности было значительно отсталѣе ихъ или, что

¹⁾ Теперь завертываютъ въ холстъ или перуску. Эта записка наводитъ на мысль, что въ древности и шалаши врылись берестомъ, а зимой шкурами, такъ то дѣлается остаями до сихъ поръ.

²⁾ *Stipitibus arborum*, что Харузинъ не точно переводитъ «спянки» (стр. 319). Возможно, что съ появленіемъ желѣзныхъ топоромъ дерево замѣнило камень, но оно могло употребляться и раньше въ подходящихъ случаяхъ.

³⁾ Харузинъ, стр. 319—321, 111.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 16—19. Бъ подобному заключенію пришелъ и А. З. Погодинъ (Изъ ист. слав. перес., стр. 15), но по другимъ даннымъ.

неспособно къ развитію, а потому, главнымъ образомъ, что отъ образованныхъ народовъ отдѣлялось массою остальныхъ финновъ, перехватывавшихъ и задерживавшихъ просвѣщеніе въ своей средѣ. Въ ту далекую пору, когда финны, явившіеся въ Россію, составляли одинъ общій народъ, всё они стояли на ступени лопарей ¹⁾, а если и превышали ихъ развитіемъ, то очень немного, какъ показываетъ языкъ.

Что же касается разсказовъ о нихъ, какъ о волшебникахъ, то эти разсказы только подтверждаютъ сказанное, свидѣтельствуя о шаманствѣ и связанной съ нимъ ступени развитія. Лопари также славились чародѣйствомъ ²⁾, но эту славу имъ создали почти столь же, какъ и они, грубые непросвѣщенные норманны, пораженные виѣшностью шаманства, къ которому, какъ и русскіе, относились съ великимъ почтеніемъ и про которое передавали чудеса еще въ XVI в. Между тѣмъ мы знаемъ истинную цѣну этихъ чародѣйствъ. Приданыть какое-нибудь значеніе разсказамъ о западныхъ финнахъ, какъ о литейщикахъ и кузнецахъ ³⁾, нѣтъ основаній хотя бы по тому уже, что у нихъ не было металловъ и нѣтъ для нихъ своихъ названій ⁴⁾. Первый узанный ими металлъ—мѣдь получилъ заимствованное названіе, которое, какъ и самый предметъ, самое иредставленіе, превратились позже въ нарицательное и стали обозначать вообще металлъ.

Вотъ еще нѣсколько заимствованій, свидѣтельствующихъ о ступени развитія финновъ въ пору ихъ нераздѣленности ⁵⁾.

Поросъ-епокъ—porsoo (лит. parsas—свинья, поросенокъ).

Свинья—sika (скандин. sugga).

Лошадь—hero (швед. horra—кобыла) ⁶⁾.

¹⁾ Лопарь, по Лерберту, значить овражный, украинскіе: лярре—вражій (Харузинъ, стр. 18).

²⁾ Тамъ же, стр. 213. Посвященіе новгородцами чудскихъ шамановъ описано Новгородской лѣтописью подъ 1071 г.: И приде къ чудскому, хотя волхованія у него; онъ же по обычаю своему нача призывать бѣсы. Чудскими же, лежа, оцѣнѣвалъ и шибѣ имъ бѣсъ... Въ новолѣтѣ и теперь еще русскіе ходятъ ворожить къ черемисскимъ муманымъ и чувацкимъ юмзи (Н. Смирновъ, тамъ же, стр. 1455).

³⁾ Какъ дѣлаетъ А. Погодинъ (стр. 15).

⁴⁾ Л. П. Майковъ. Жур. Млн. Н. Пр. 1897 г., VI, стр. 420, гдѣ изложена работа Альвиста. Финнъ vasiki—мѣдь, морд. viski—провокона, ост. vaZ—деньги, шалъзо, металлъ, венг. vas—шалъзо, осет. kʷzestē—серебро, санск. āvas—мѣдь. Серебро, желъзо и свинець зовется бѣлой мѣдью, т. е. собственно металломъ. Въ приведенныя слова указываютъ только на то, что финны мѣдь узнали раньше другихъ металловъ, почему ей разныя и отдѣльные общины для обозначенія ихъ, но никакъ не то, что мѣдь они сами открыли.

⁵⁾ Вѣнты изъ указанной статьи Майкова и въ Записокъ Зап.-Сиб. отд. Имп. рус. геогр. Общ. 1884 г., кн. VI, стр. 25 и распределены такъ: русское слово, западно-финское (большой частью собственно финское), восточно-финское (мордовское) и того языка, изъ котораго взято.

⁶⁾ Такое производство отвергается, но оно очевидно; на лицо не только близость формъ, но и тождество значенія; за заимствованіе же говорить и заимствованіе слова узда.

Теленокъ—*vasa, vaz* (изъ индо-герм. яз.).

Овца—*lamha* (скандин. *lamh.*, рус. ягнъ, ягненокъ, = *iagnъ* = *ягнъ*).

Гусь—*hanhi, senze* (литов. *zansis*).

Пѣтухъ—*kapa* (скандин. *hana*).

Рожь—*guis, roz* и др. (рус. рожь, герм. *rugis*).

Жито, хлѣбъ—*juvä, juv* (рус. жито, слов. *jivai*).

Амбаръ, житница—*lato-a* (рус. лата, латы, латка, по-латы-и. п-латъ) ¹⁾.

Мостъ, полъ—*silta, sed* (лат. *tiltas*, санск. *vsetu*, осет. хед. *xid*).

Узда, поводъ—*ohja, vozjä, ozza, vozza* и пр. (рус. ножжа) ²⁾.

Ремень—*hihna (siisna), kspa, spa* (изъ латовскаго; русское снасть).

Мѣра, чаша—*malja, malõnka, malänka* (рус. маленька—мѣра сып. тѣль).

Коробъ круглый изъ бересты, буракъ, } *vakka, vakan* (древне-скандин. *vakka-e*).
Сосудъ, четверникъ }

Ботель—*kottila* (сканд. *katel*, рус. катеаль, слов. *kotiol*).

Топоръ—*kigves* (словян. *kigvi*, рус. «киръга», кирка).

Пестъ—*petkel* (рус. пята, изъ индо-иранск. яз.).

Горшокъ—*rota* (сканд. *rotta*, рус. подъ-печной).

Огонь—*rapu* (литов. *rapu*) ³⁾.

Вѣсъ—*runta' lisrfund* (изъ герман.).

Пахтать (масло)—*ryõhtää, riX'tema* ⁴⁾.

Сѣять—*kylvää* (литов. *gilvvet*).

Поле, пашня—*pelto* (сканд. *feld*).

Зерно—*soga, sugo* (литов. *soga*—просо, рус. соръ, въ параллель которому стоитъ фин. *suugu*—хращъ, круп. песокъ).

Крупа—*kruuni* (сканд. *gryn*, старо-рус. кринъ).

Кашница, каша—*putra* (литов. *putra*), рус. бурда.

Соль—*suola, sal* и др. (изъ индо-иран. яз.).

¹⁾ Первобытныи амбаромъ или лавомъ былъ помостъ, приподнятый надъ землей на столбъ или столбъ, перешивавшій до нынѣ у многихъ племенъ (донарей, остяковъ и проч.).

²⁾ Здѣсь корень не вод (oa), а нос; возжея была построена. Обликъ формъ этого слова въ финляндск. языкѣ ясно говоритъ о неустойчивости и заикствованіи и сомнѣній въ послѣднемъ быть не можетъ.

³⁾ Печь зовется: домашній огонь—*räpa-kud*.

⁴⁾ Это сопоставленіе отвергается на томъ основаніи, что нордовское X возникло, будто бы (если слово заикствовано, то, очевидно, возникновеніа быть не можетъ), изъ j. Но дѣло въ томъ, что если оно и такъ, т. е. если нордовское слово должно писаться *rijhtema*, все равно—заикствованіе очевидно.

Медъ—*mesi, med.*

Лодка, судно—*lotia* (рус. лотка-лодка, лотокъ, лодья).

Весло—*agto* (сканд. *aga*).

Приваль, валка, пристань—*valka, valgöms.*

Покровъ, одежда—*vegno* (рус. «верхъ»: верхъ суконный, подкладка набойчатая).

Другъ—*sovг* (древне-рус. събрь—изъ германск. пайщикъ).

Подарокъ, взятка—*palveh* (лит. *balvas*, рус. баловать, баловство).

Подать—*vego, veg* (древне-рус. вира, вера—изъ герман.).

Болдовать—*koletia* (колядовать).

Эти примѣры достаточно ясно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ низко стояли финны по развитію въ пору появленія въ Россіи ¹⁾. Неразвитость ихъ выстунить еще рѣзче, если обратиться къ коренному языку финновъ, въ которомъ нѣтъ словъ, (а стало быть, не было и представленій) для обозначенія: сынъ, дочь, тетя и другихъ степеней родства и въ которомъ смѣшивались или, точнѣе, не различались понятія: ребенокъ и дѣтенышъ животнаго; мальчикъ, парень, сынъ, потомство, слуга, рабъ—невольникъ; отецъ и самецъ, самка и мать, дѣдъ и старикъ; ясный, свѣтлый, блестящій и бѣлый; богъ, небо и молнія; большой и народъ; слѣдъ, тропа, дорога и улица; корова и конь и т. д. Такимъ образомъ сомнѣваться въ дикости всѣхъ вообще финновъ при появленіи ихъ въ Россіи и не довѣрять описанію ихъ Тацитомъ нѣтъ достаточныхъ основаній, тѣмъ болѣе, что присутствіе въ языкѣ словъ, обозначающихъ различные предметы высшаго развитія, еще не свидѣтельствуетъ, повторяю, непременно о томъ, что такіе предметы вошли въ обиходъ и жизнь народа, употребляющаго подобныя слова, какъ и утверждаютъ многіе, а говорятъ только о томъ, что онъ зналъ ихъ. Знать же ихъ онъ могъ даже только по наслышкѣ, а еще болѣе по наглядкѣ, совершенно не употребляя и не нуждаясь въ нихъ ²⁾. Финны могли по своимъ сосѣдямъ знать пашню, овцу и пр., могли называть ихъ по своему, но сами могли и не пахать, и не овцеводить, какъ и дѣлають многія племена с.-американскихъ индѣйцевъ.

¹⁾ Ибо большинство приведенныхъ замечаній сдѣланы именно въ Россіи,—у литвы, германцевъ, словянъ. И. Смирновъ (тамъ же, стр. 1388) отмѣчаетъ еще вліаніе на финновъ гуронъ и при томъ въ тѣхъ простыхъ областяхъ, какъ одежда, домашняя обстановка, семейныя отношенія.

²⁾ Лопарь, прѣизнающій овкой въ Петербургѣ возить пассажирозъ, видитъ множество предметовъ, для многихъ изъ которыхъ придумываетъ свои названія, не смотря на то, что многіе изъ нихъ онъ не держалъ даже никогда въ рукахъ. Странно говорить о земледѣліи финновъ (А. Погодинъ. Изъ ист. сл. перем., стр. 15), не придумавшихъ своего названія даже для огня, а взявшихъ его у литовцевъ, какъ и слова для обозначенія: овать, зерно и др.

Эти умозрѣнія подтверждаются положительными данными. Отяки или вотяки (финны же) Вятской губ. сохранили въ памяти многое изъ своего далекаго прошлаго ¹⁾. Такъ они рассказываютъ, что первые приборы для добыванія огня состояли изъ двухъ палочекъ, которыми терли другъ объ друга и которыя дѣлались изъ стараго сухостойнаго клена ²⁾. При этомъ передается любопытная подробность, устраняющая сомнѣнія въ подлинности преданія, а именно о томъ, что клекъ, изъ котораго было сдѣлано первое огниво, отяки цѣликомъ взяли съ собой, думая, что только онъ одинъ и можетъ производить огонь, и что, когда весь клень израсходовался, для рѣшенія вопроса, — откуда добывать огонь, — была собрана общая сходка, т. е. вопросъ былъ предметомъ общественнаго обсужденія и притомъ не только людей, но и звѣрей, жившихъ тогда съ людьми въ мирѣ и говорившихъ по человѣчьи ³⁾.

¹⁾ Живая Старина, 1900 г. вых. I—II, стр. 200; 1902 г. вых. III—IV, стр. 367. Энциклоп. слов. Брокг. и Ефронъ.

²⁾ Одно изъ самыхъ твердыхъ деревьевъ сѣверной половины Россіи, едва ли переходящее (въ вышѣ) за 58° С. Ш., такъ какъ въ Ярославской губерніи встрѣчается лишь въ южной половинѣ, но и здѣсь, и даже въ городахъ, не рѣдко обжаривается или вѣсее вымерзаетъ. Званіе отяки клекъ говорить о болѣе южномъ мѣстѣ-жительствѣ ихъ въ прешнюю пору.

³⁾ Последнее преданіе, широко распространенное, не такъ неярочно, какъ можетъ показаться на первый взглядъ, и вовсе не чистый вымыселъ. Въра отливовъ, черемисовъ (Вятской губ.), да и другихъ европейскихъ народовъ въ то, что люди первоначально понимали языкъ животныхъ, имѣть прочное основаніе. Первобытный человѣкъ, владея лишь весьма простыми, несложными и мало-словными языкомъ, безъ всякихъ грамматическихъ формъ, выражалъ подобно животнымъ очень многое очень немногими количествомъ словъ или, точнѣе, звуковъ, полагая недостатокъ ихъ различной выговоркой, до сихъ поръ называемой народомъ «выраженіемъ». Остатки такого первобытнаго языка по сей день существуютъ у всѣхъ народовъ, нося названія мимолетныя. Таковы: вопросительное А? отъѣтное А..., утвердительное А—а (Аба); по-деятельное или тревожное Э! Э—э... (или Э—из), удивленное у..., испуганное Аа!..., отрицательное и; недоразумительное гв... и т. д. На такомъ языкѣ до сихъ поръ объясняются очень не рѣдко даже самые образованные и развитые люди, особенно, занятые умственной работой, и такой языкъ (вообще) легко понимается всѣми, даже дѣтьми и животными. Когда же подобный (или близкій къ нему торревый) языкъ одинъ былъ удѣломъ человѣка, то послѣдній, разумеется, долженъ былъ несравненно лучше насъ понимать языкъ животныхъ, подобный его собственному, такъ какъ этой способности не утратили до известной степени и мы, а особенно тѣ изъ насъ, которые чаще имѣютъ дѣло съ животными, какъ то: охотники, естественники и пр. Крайне бѣлы, зубы, предостереженія (сигнальный), призыва (дѣтенышей, самца и пр.) пойметъ почти каждый. Первобытный же человѣкъ—самъ полуживотное, жившій очень долго исключительно животными побужденіями, находившійся постоянно въ средѣ животныхъ и постоянно съ ними сталкивавшійся и встававшій въ различные отношенія и общенія съ ними, конечно, прекрасно понималъ ихъ, такъ какъ хорошо зналъ ихъ, изучая до мелочей. Искатели С. Америки превосходно подражаютъ крику, плер., многихъ птицъ и, зная смыслъ или значеніе его, могутъ, въ прямомъ значеніи слова, объясняться съ ними. Охотникъ, подымающій пачинокъ самецъ или дѣтенышей, или подымающій волковъ, точно также разговариваетъ съ животными. И самъ въ дѣтствѣ, усвоивъ тревожный крикъ хоронъ, сзывая надъ собой цѣлыя стаи этихъ птицъ въ указаніе товарищей. Изъ связаннаго слѣдуетъ такой выводъ, что сохраненіе племенемъ воспоминанія о томъ, что оно когда-то понимало «рѣчь» животныхъ или сокращеніе ихъ преданія о томъ, что животные когда-то говорили по человѣчьи (что въ сущности одно и то же), является доказательствомъ какъ низкой степени

Но о введеніи добыванія огня путемъ высѣванія его изъ желѣза кремнемъ на труть (грибъ, — березовый трутовикъ) иснаго воспоминаніи у нихъ не сохранилось. Отяки рассказываютъ, что этому искусству научилъ ихъ ежъ, подь которымъ, очевидно, скрывается какой-нибудь болѣе образованный пришлецъ или переселенецъ въ ихъ страну. О началѣ земледѣлія отяки помнятъ, что сперва пахали палкой, боронили граблями, жали зубами. Усовершенствованіе сохи приписывается таяже ежу, а введеніе серпа—чуду. Явился неизвестно откуда воткнутымъ въ спопъ; назначеніе его открыто случайно. Унавъ серпъ, захотѣли сдѣлать другой, для чего собрали всѣхъ лучшихъ людей (*кузнцовъ еще не было*). Человѣкъ 50 принялись за работу и, наконецъ, сдѣлали что-то подобное. Впослѣдствіи одинъ изъ нихъ приловчился лучше другихъ и продавалъ свои серпы по дорогой цѣнѣ. Жильемъ, по преданію, еще не такъ давно были лѣсные шалаши, — буга или ква, куало изъ липовыхъ лубьевъ и хвороста. Про желѣзо черемисы (Вятск. губ.) передаютъ, что оно открыто злымъ началомъ—чертомъ, у котораго его тайну выпыталъ Богъ—(доброе начало), подославъ своего работника выпросить. Оказалось, что чертъ дѣлалъ желѣзо изъ земли (руды), накаливая ее и подсыпая соли. Богъ научилъ добывать желѣзо и людей. Едва-ли не очевидно, что и подь чертомъ скрывается пноземецъ, у котораго изучилъ кузнечество черемисинъ работникъ.

О черемисахъ Исторія о Казанскомъ царствѣ (изд. 1791 г.) повѣствуетъ между прочимъ: Въ той-же странѣ луговой есть черемиса, словъ кокшашская и ветлужская, живутъ въ пустыняхъ, *ни стьютъ, ни орютъ*, но ловомъ звѣрнымъ и рыбнымъ и войною питаются и живутъ, аки дикіе ¹⁾.

Изъ этихъ наивныхъ рассказовъ ясно, что высѣваніе огня, паханіе (сохой), серпъ, желѣзо и кузнечество заимствовано финнами ²⁾

различія того именованія, такъ и названнаго (относительно) выхода его изъ подобнаго состоянія (еще не забылось). О строгости первобытныхъ изысканъ можно судить по образчикамъ хотя бы изъ австралійскихъ языковъ: аургу, павана, паліте, уанкате, уайслю и пр.—названія иквальныхъ урожищъ (Пут. на кораб. Балъ Ч. Дривиль, стр. 306, 312, 318, 323). Въ нихъ догадывается обиліе гласныхъ, стоящихъ подрядъ. Гласные же—однона и манджетій—непосредственнаго слѣдствія роудѣствія на органы внѣшнихъ чувствъ.

¹⁾ Труды VII Арх. Съѣзда, т. II, стр. 239. Исторія составлена въ XVI в.

²⁾ Финнами вообще, а не только скандинавскому, что подобнаго же преданія данъ имъ слѣди того же дальнаго прошлаго истраиваніемъ у всѣхъ разномыслихъ финновъ.

отъ болѣе развитыхъ народовъ, всего вѣрнѣе, перенято отъ выходцевъ изъ разныхъ мѣстъ, поселившихся среди нихъ ¹⁾).

Такимъ образомъ весьма значительная первобытность финновъ при появленіи ихъ въ Россіи мнѣ представляется достаточно выясняющей и доказанной не только состояніемъ лопарей даже еще въ историческое время ²⁾, но и данными изъ быта остальныхъ финновъ ³⁾. Подтверждающихъ данныхъ можно было-бы набрать очень много, изъ нихъ не мало очень вѣскихъ, даже поразительныхъ, при томъ-же изъ всѣхъ областей жизни финновъ, такъ какъ во всѣхъ изслѣдованіяхъ этой жизни, даже въ самыхъ безотносительныхъ, опредѣленно выступаютъ два ея періода: самобытный (до столкновенія съ европейцами) и чужебытный или періодъ вліяній и заимствованій (послѣ столкновенія). Я ограничиваюсь немногимъ по тому, что пишу не изслѣдованіе о финнахъ. Для кого не убѣдительно приведенныя здѣсь доказательства и соображенія, тотъ дальнѣйшія подтвержденія проводимому взгляду найдетъ безъ труда въ работахъ по финновѣдѣнію, особенно если будетъ отыскивать тѣ черты, которыя отмѣчены выше въ описаніи лопарей ⁴⁾.

Итакъ, мнѣ кажется, можно полагать, что лопари двигались во главѣ финновъ, занимавшихъ Россію, и уже въ силу этого главенства

¹⁾ Серпъ, возможно, что былъ похищенъ и употребленъ, какъ оружіе, ибо о немъ рассказываютъ, что брошенный онъ возвращался къ бросившему и наносилъ ему порѣзы. Последнее говорить какъ будто-бы о знаменіи отымаки бумеранга. Какъ цѣнили первобытные люди открытія и изобрѣтенія, видно изъ того, что отныя тотъ-часъ, какъ узнали назначеніе серпа, собрали народъ и объявили: «мы новость нашу!» Т. е. новое изобрѣтеніе объявлялось всѣмъ, какъ чрезвычайное событіе, чѣмъ, отчасти, обуславливается, можетъ быть, однообразие типовъ первобытныхъ орудіи и утвари.

²⁾ А частью и въ настоящее. Агальвистъ на основаніи языка описываетъ финновъ близкими къ лопарямъ. (Тейлоръ, стр. 206).

³⁾ Первобытный шалашъ—кота до сихъ поръ переживаетъ у всѣхъ ихъ разновидностей (Этнографическое Обзорніе 1895 г., № 1, статья Н. Харузина: Очеркъ исторіи развитія жилищъ у финновъ). Въ томъ же изданіи (№ 2, стр. 36) находится свѣдѣніа о понятіяхъ родства у черемисовъ, отличающихся болѣею первобытностью. Любопытныя извѣстія объ естахъ сообщаются въ Сборникѣ археол. института (н. 5, половина 1-я, 1881 г. отд. I), между прочимъ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ (стр. 113, по Ген. Латышу). Изъ приводимыхъ въ Сборникѣ данныхъ ясно выступаютъ сильная германизация востовъ во всѣхъ частяхъ ихъ быта, въ которыхъ древнито и самобытнаго уцѣлѣло очень немного. По этому при сужденіи о финнахъ по естамъ нужно быть очень осторожнымъ. См. еще статью Н. Н. Смирнова (моравы, пермяки и пр.) въ извѣстіяхъ Общ. археол., истор. и этнографіи.

⁴⁾ Такъ напр. есты, какъ сказано и какъ каждый самъ можетъ легко убѣдиться, сильно германизованы, но не смотря на это у нихъ сохранилось кое-что и самобытное, древнее. Шертамъ они въ XI в. жили, вѣая этотъ обычай у германцевъ, но могли (лострице) продолжали завлаживать, какъ и лопари, камнями (Сборникъ Ар. Ин. ш., 6 стр. 217, 223). Отныя и черемисы еще въ XVIII в. заворачивали покойниковъ въ бересту (Рус. Мысль 1890 г., IV, отд. 2, стр. 173). Такія пережитки, дѣлающіеся часто въ ничтожныхъ обломкахъ, находятся множество у всѣхъ финновъ. Собранныя и соединенныя, они воссоздаютъ ту-же картину, которую въ цѣлости представляли лопари еще въ XVI—XVII в.

или передовитости ихъ едва-ли могли быть по своему развитію отсталѣе другихъ; скорѣй наоборотъ. По преданію лопарей, они пришли (въ Лапландію?) съ В., на основаніи чего Харузинъ думаетъ, что въ Скандинавію они попали изъ Финляндіи чрезъ Ботнической заливъ Балтики ¹⁾. Другіе болѣе склонны ввести лопарей въ Скандинавію съверомъ, черезъ Кольскій полуостровъ. Наконецъ, третья ведутъ ихъ туда съ Ю.-З. и Ю. изъ срединной Европы, изъ Франціи чрезъ Швейцарію, гдѣ они являются третьимъ (по времени) первобытнымъ племенемъ, ушедшимъ въ С. за съвернымъ оленемъ ²⁾. Харузинъ считаетъ послѣднее мнѣніе научно необоснованнымъ и за доказанное считать его пока нельзя. Тѣмъ не менѣе въ немъ много подкупающаго, особенно-же схожесть могилъ: сперва естественныхъ, потомъ искусственныхъ пещеръ (Марны) и, наконецъ, обставленныхъ камнями, во Франціи—въ видѣ дольменовъ, у лопарей—въ видѣ описанныхъ выше, по своему устройству очень близкихъ къ дольменамъ (особенно крышныя или кровельныя) ³⁾. Однако есть и возраженія, позволяющія принять указаннаго мнѣнія безъ поправокъ. Изъ такихъ возраженій первое заключается въ постановкѣ вопроса: откуда явились лопари въ срединную Европу? Если они алтайское племя, чего не отвергнутъ и сами сторонники разсматриваемаго мнѣнія ⁴⁾, то придти въ Европу они могли только изъ Россіи. Разъ-же это такъ, то гораздо естественнѣе и правдоподобнѣе думать, что въ Скандинавію лопари поехали не изъ срединной Европы, а наоборотъ, на пути туда, съ котораго часть ихъ повернула (у Балтики) въ Скандинавію, а другая пошла дальше до срединной Франціи. Если-же настаивать на переселеніи лопарей изъ срединной Европы въ Скандинавію, то необходимо сперва отыскать то мѣсто, гдѣ они жили до появленія въ Европѣ, прослѣдить путь, по которому шли въ нее, и указать станціи ихъ на переходѣ въ Скандинавію.

Второе возраженіе состоитъ въ томъ, что лигуры, которыхъ принимаютъ за самыхъ чистыхъ потомковъ пралопарей Франціи

¹⁾ Рус. лопари, стр. 17.

²⁾ Тейлоръ. Провск. арийц., стр. 112.

³⁾ Кромѣ могилъ, близкое сходство замѣчается въ головномъ показателѣ (пещера Розетъ близъ Фюрфаза, въ Бельгіи, въ долинѣ Лессы, притока Мааса—86,1; въ Гремелгъ, около Парижа—83,6; въ Регин (восточной Швейцаріи)—86,5 и пр. У нынѣшнихъ лигуровъ—86,0; у овернецовъ—84,6; въ ростѣ (у овернецовъ—2 ар. 3 в., пещеры Розетъ—2 ар. $\frac{3}{4}$ в.—2 ар. $\frac{3}{4}$ в.); въ преобладающихъ въ промышленности и искусствѣ (рисунки) съвернаго оленя; жертвеннымъ лучи роговъ и костей, находимымъ и въ Германіи. (Письма и отчеты о путеш. въ долину р. Оби, И. С. Подковъ, стр. 113).

⁴⁾ Тейлоръ, стр. 224.

(Фюрфазцевъ и другихъ пещерняковъ, дольменниковъ и проч.), овернцы, дофинэйцы, савойцы и пр.—черновоолосы, жареглазы и смуглокожи, тогда какъ лопари свѣтлоцвѣтны ¹⁾). Правда, я среди лопарей попадаются темноцвѣтные, о чемъ говорено выше, но они, очевидно, не лопари, а какое-то иное лишь олопарившееся племя. Какое именно? Трудно сказать по отсутствію обстоятельныхъ изслѣдованій ²⁾ нашихъ, особенно, сѣверныхъ инородцевъ. Можетъ быть, пермяки, еще болѣе можетъ быть,—самоды, но едва-ли вогулы или остяки, вѣшній типъ которыхъ нѣкоторыми чертами хотя и близокъ къ лопарскому и срединно-французскому ³⁾, но которые по Д. П. Европеусу принадлежатъ къ длинноголовому племени ⁴⁾. Однако, кѣмъ не оказалась-бы народность срединной Франціи, но разъ она признается дѣйствительно близкой или однородной съ темноцвѣтными «лопарями» ⁵⁾, то по всей вѣроятности, обажется тогда и то, что до прибытія во Францію она была въ Россіи, откуда вытѣснена финнами, при чемъ отступая передъ ними, частью ушла въ Европу, а частью въ Скандинавію (со временемъ), гдѣ и уцѣлѣла въ наибольшей чистотѣ типа и быта ⁶⁾, хотя до извѣстной степени и олопарилась.

Выше сказано, что финны шли и расположились въ Россіи широкой, непрерывной полосой, которая теперь оказывается въ срединѣ разорванной на большое пространство, занятое въ настояще время русскими сильно мѣшанной породы ⁷⁾. Они же (въ видѣ славянъ).

¹⁾ Тамъ же, стр. 87... 109...

²⁾ Большинство изслѣдованій этнографическаго отдѣла, археологическія же, историческія и антропологическія отсутствуют; да и этнографическія односторонни и мало насыщены перевѣтностью и вообще живого стариннаго.

³⁾ Ростомъ, цвѣтомъ волосъ, глазъ и кожи, распространеніемъ растительности, строеніемъ глазъ, лица, отчасти носа, многими чертами быта и пр. Но есть и различія: толстыя губы, голова небольшая, длинная и пр. (Письма и отчеты о путешествіи И. С. Полякова, стр. 148; энциклоп. словарь Европы—«остяки», «вогулы»). И. Тейлоръ (происх. арийцевъ, стр. 112) указываетъ иже на общую черту между оверцами, лигурами (современными) и западцами на присущій имъ, наименѣйшій изъ существующихъ, темной уголъ (у оверцевъ 2°30'—5°, у лопарей 3—5° и болѣе), обусловленный узостью головы иже скулами и шириной въ вискахъ. О самодѣлахъ я уже говорилъ выше,—такъ какъ близокъ къ темноцвѣтному «лопарскому»; они малы ростомъ, черновоолосы, скудаты, смуглолицы съ небольшими темными глазами, часто, носого разрыва. По А. Э. Норденшельду страну свою они зовутъ самодѣлами, отсюда, можетъ быть, и ихъ русское названіе.

⁴⁾ Объ Угорскомъ народѣ, стр. 16. Въ статьѣ «остяки» (въ энциклоп. словарь Брокгауза и Ефрона), подписанной Д. А. (Д. П. Анучинъ?). Указывается, что черепъ лишь чаще длинный и узкій, но попадаются и средне-длинноголовые.

⁵⁾ Остившіяся главнымъ образомъ въ Скандинавіи.

⁶⁾ Головной показательъ Скандинавскихъ темноцвѣтныхъ лопарей болѣе походитъ на свѣтлоцвѣтныхъ, у которыхъ—83. Возможно, что эта разница обусловлена не примѣсью, а племеннымъ различіемъ.

⁷⁾ Съ несомнѣнной примѣсью татаръ, финновъ, отчасти, турковъ и др. еще несмысленныхъ инородностей.

очевидно, произвелъ этотъ разрывъ и первоначально и притомъ, въ историческое уже время, тягъ нагъ письменность не только захватываетъ, но и долго знаетъ на немъ инородцевъ: около мордвы, по направлению къ С.-З., мурому и черемису, около нихъ мерю, далѣе весь, за нею корелю, а за нею, съ одной стороны, лопарей, а съ другой, чудь, ливъ и пр. ¹⁾ Непрерывность, или, все равно, неразрывность финскихъ племень признають (съ разнорѣчїями относительно времени его) всѣ. Но не всѣ согласны относительно ихъ древняго размѣщенїя въ Россїи. И. Смирновъ, какъ сказано, придвигаетъ мордву къ эстамъ, которыхъ у Балтики знаетъ уже Тацитъ въ I в. по Р. Х. (Извѣст. Ал. Вебри..., стр. 86). Европеусъ же ²⁾ думаетъ, что мордва когда-то жила на З., около Литвы, основываясь на томъ, что въ языкѣ мордвы много литовскихъ словъ. Въ то же время, говоря о древнихъ границахъ мордовской земли (на стр. 1) и отмѣчая ихъ на своей картѣ ³⁾, онъ отводитъ мордвѣ почти тѣ же мѣста, которыми она занимаетъ и нынѣ. И это вѣрнѣе, такъ какъ къ допущенїю Европеусовскаго предположенїя нѣтъ другихъ данныхъ, кромѣ литовскихъ словныхъ заимствованїй, которыя могутъ объясняться распространенїемъ литвы (около Р. Х.) до Тамбовской губерніи ⁴⁾. Это распространенїе, кромѣ повторности литовскихъ названїй живыхъ урочищъ на русской землѣ, имѣетъ за себя еще и остатки литовскихъ насельниковъ въ Новгородской, Ярославской (ситьскари) и Нижегородской губерніяхъ, гдѣ, какъ на р. Сити въ Ярославской губерніи, они до нынѣ сохраняють особенности типа и рѣчи, цобая и дзекая, чѣмъ рѣзко отличаются отъ окружающаго населенїя ⁵⁾. Слѣдовъ-же мордвы на З. отъ

¹⁾ Въ устьяхъ Ярослана I в остаткѣ, среди другихъ «ста» значатся «вочская» и «лопская ста», (читаемое Владимірскимъ-Будновымъ «лоуская»); о лопаряхъ и чудѣ у Онежскаго озера сообщаетъ монахъ Лазарь въ XIV в., какъ о страшныхъ «сыродцахъ», хотѣвшихъ его убить и тѣло «въ нѣ себя сотворати» (Н. Харузинъ. Руз. лопара, стр. 17 и 18). Съ черемисами вели войны новгородцы (1174 г.) и ростовцы; для обороны отъ мордвы построены около 1232 г. Нижній, на Мологѣ и Шекснѣ инородцы отмѣчены Герберштейномъ въ XVI в. и т. д. (Европеусъ. Объ уг. нар., стр. 10). Этимъ по землѣ и остаткамъ древняго развитїя близки къ мордвѣ. И. Смирновъ (Вѣстн. и биб. Самообр. 1903 г. № 34, стр. 1455) думаетъ тоже, что мордву отѣснилъ отъ востока славяне.

²⁾ Тамъ же, стр. 14.

³⁾ «Древнихъ мѣстъ жителства финско-венгерскихъ народовъ», приложена къ указанной выше работѣ его. Надсвѣтъ, основываясь на названїяхъ рѣкъ, утверждалъ, что финны никогда обитали до Дняира. А. Погодинъ сомнѣвается въ этомъ (стр. 15). Е. Фельдманъ (Матер. по археол. Кавказа, вып. IX, стр. 3) указываетъ на присутствїе финскихъ началъ у адиге (черкесовъ, и у лачхе (чеченцевъ).

⁴⁾ А. Л. Петелинъ. 270, 93 и 96.

⁵⁾ Очеркъ Модегскаго уѣзда. С. А. Мухомъ-Пущинъ, стр. 11. А. Погодинъ (стр. 64 и 96) указываетъ названїя литовской земли, потерянныя въ средней Россїи, изъ которыхъ Сарга, Неро и Норалъ существовать и въ Ярославской губерніи, но до сихъ поръ принимались за финскїя.

ея обиталищъ нѣтъ, ибо указанное Смирновымъ сходство ея съ эстами могло обуславливаться пребываніемъ ихъ въ древности ближе къ В. Не легко согласиться съ Европеусомъ и въ томъ, что зырянны и отяки жили въ древности гораздо южнѣе теперешняго, около алашъ—осетиновъ. Аланскія словныя заимствованія, на которыхъ построено это заключеніе, обильны у всѣхъ финновъ и объясняются какъ торговыми сношеніями аланъ съ средней Россіей ¹⁾, такъ, особенно, соприкосновеніемъ финновъ съ ними на походѣ въ Россію, который совершался, конечно, не ускореннымъ маршемъ. Вѣроятнѣе допущеніе о взаимномъ соприкосновеніи черемисовъ и лопарей, имѣющихъ взаимно близкіе языки, такъ какъ положительно извѣстно, что они жили въ древности много ближе другъ къ другу теперешняго ²⁾.

И такъ, кажется, будетъ всего вѣрнѣе думать, что финны уже со времени своего появленія въ Россіи въ общемъ (т. е. по отношенію къ всей своей массѣ) расположились на томъ-же мѣстѣ, которое занимаютъ и нынѣ. Другими словами, финская земля въ Россіи измѣнила свои очертанія относительно не много, точно такъ-же, какъ занимающая ее финская народность во всей ея цѣлости мало перемѣщалась. Правда, отдѣльныя племена этой народности совершали большіе переходы, но во 1-хъ, не всѣ, во 2-хъ, и передвигавшіяся большей частью не выходили далеко за предѣлы финской земли ³⁾. Бѣдшія сомнѣнія въ этомъ отношеніи могутъ возбуждать западныя границы финской страны, о которыхъ говорятъ Тацитъ и Птолемей, помѣщающіе финновъ (фенновъ) близъ Балтики, недалеко отъ рѣки Вислы, въ сосѣдствѣ венодовъ—славянъ. Этихъ финновъ или фенновъ большинство такъ и принимаетъ за финновъ, но есть и несогласные. А. Л. Погодинъ думаетъ, что Тацитъ подъ феннами зналъ лопарей ⁴⁾, которыхъ уже съ древности такъ называютъ скандинавы. Но такъ какъ лопари составляютъ часть финновъ, являются однимъ изъ финскихъ племенъ, двигавшимся, какъ по всему видно, во главѣ финновъ при занятіи послѣдними Россіи, то оговорка Погодина не имѣетъ,

¹⁾ Погодинъ, стр. 3.

²⁾ Костромская Старина, вып. 2, стр. 6.

³⁾ Мордва, напротивъ, доходила до устьевъ Оки, черемисы до Галича-мерскаго, отяки сибѣли въ Новгородской губерніи и т. д.

⁴⁾ Изъ ист. слав. перекл., стр. 15. Мербергъ держится того же мнѣнія (Рус. лопари, стр. 17). Онъ полагаетъ, что названіе сумъ, суома есть переводъ на лопарскій языкъ германскаго финна (вѣрнѣе фенна), первоначально приуроченнаго лишь къ лопарямъ, занимавшимъ всю Финляндію (suo—болото, —fen—болото) и что лишь шведы перенесли названіе «фены» съ лопарей на ихъ заступителей въ Финляндіи.

собственно говоря, никакого значенія: остальные финны были, о чемъ говорено выше, нисколько не развитѣе лопарей, почему сказанное о лопаряхъ приложимо и къ нимъ ¹⁾).

Еще недовѣрчивѣе относится къ показаніямъ Тацита и Птолемея А. И. Соболевскій. Онъ прямо утверждаетъ ²⁾, что вообще ни у Тацита, ни у Птолемея въ феннахъ—финнахъ нельзя видѣть какихъ-либо народовъ, теперь называемыхъ финнами. Существованіе-же этого названія у поименованныхъ писателей объясняетъ ³⁾ тѣмъ, что оно является видоизмѣненіемъ названія венеды. «Если венеды—названіе славянъ, полученное древними отъ нѣмцевъ, то фенны—то же названіе, но дошедшее къ древнимъ отъ прибалтійскихъ куроновъ, около Р. Х. уже сдѣвшихъ при устьѣ З.-Двины, а можетъ быть, и при устьѣ Нѣмана. Иначе говоря, это имя (фенны)—предокъ или близкій родичъ современнаго западно-финскаго названія славянъ—vep». «Имя (этимъ vep) пользовались (для названія славянъ) прибалтійскіе финны въ своихъ сношеніяхъ съ нѣмцами, заимствовавъ его у нѣмцевъ». Одно не понятно въ приведенномъ мнѣніи: какъ объяснить то обстоятельство, что финны, до сихъ поръ зовущіе еще русскихъ vep'ами, измѣнили въ этомъ словѣ, въ пору заимствованія его у нѣмцевъ, *v* въ *ф*,—(фенъ), а нозже поправились и стали произносить правильно—венъ, хотя подобная замѣна, разъ допускать ее, казалось, теперь-то именно и могла бы проявиться въ наибольшей степени, такъ какъ финны давно уже не слышатъ отъ нѣмцевъ ихъ стараго названія для русскихъ: vepd, veped. Иначе: трудно понять, почему финны въ пору постоянныхъ поправокъ ихъ нѣмцами произносили «vep» неправильно (какъ fep), а когда перестали слышать поправки, то усвоили правильное произношеніе. Не мѣше непонятно и то, зачѣмъ финнамъ понадобилось въ словѣ vep мѣнять *v* на *ф*, когда у нихъ есть не только

¹⁾ Т. е. для дѣла рѣшительно все равно, говорить ли Тацитъ о финнахъ вообще или только о лопаряхъ. Однако нужно замѣтить, что онъ знаетъ и востокъ (Aestiorum) и томе у Балтики (osca). Птолемей во II в. по Р. Х. тамъ же знаетъ еще карбоновъ, въ которыхъ видѣть куроновъ или куровъ (kur—ma—kur—земля, курская земля, курландія), кърсь—корсь русской лѣтописи, курше (kuršē) литовцевъ, курсе (kuršē) латышей. Онъ же упоминаетъ осіевъ (hoavi, въ Курландіи существуетъ волость (родъ) Назави, старое Осиа), карестовъ и саловъ—въ В. отъ карбоновъ,—которыхъ обличивать съ варелами (фин. karja—laineen) и съ шведскими остр. Эзеля—Saare-ma-востокъ. Но еще болѣе о салгахъ напоминаетъ р. Салсъ, впадающая въ Римскій заливъ съ В. (Ж. М. Н. Пр. 1904 г. VI, стр. 463).

²⁾ Жур. Мин. Н. Пр. 1902 г. ян. VI, стр. 392.

³⁾ «Видимостью, чѣмъ можно».

звукъ *o*, но и сочетаніе звуковъ въ слогъ *vep*, а звука *φ* нѣтъ ¹⁾.

Кромѣ этихъ возраженій умозрительнаго свойства, есть и болѣе положительныя. И Тацитъ, и Птолемей, не говоря уже о позднѣйшихъ писателяхъ, не смѣшивали венедровъ съ финнами, а, напротивъ, разобіацали ихъ и, конечно, имѣли для того основаніе ²⁾. То же обозначеніе наблюдается и въ описаніяхъ быта названныхъ народовъ. подтверждаемыхъ въ общемъ археологическими изслѣдованіями, при чемъ описаніе быта финновъ каминковымъ противорѣчитъ всему известному о славянахъ I в. по Р. Х. Правда, они стояли очень низко, но по крайней мѣрѣ владѣли уже прирученными животными, которыхъ у финновъ и по Тациту, и по даннымъ языка не было.

Остается разсмотрѣть еще вопросъ объ уграхъ, тѣсно связываемый съ вопросомъ о финнахъ въ Россіи, выдвинутый въ русской печати, главнымъ образомъ, Д. П. Европеусомъ (если не ошибаюсь) ³⁾ и имѣющей непосредственное отношеніе къ Ярославской губерніи.

Европеусъ взявъ за основаніе своей работы лѣтонисъ земли, данныя которой подтверждаетъ свидѣтельствами письменности. Наименованій живыхъ урочищъ онъ пересмотрѣлъ нѣсколько тысячъ и выбралъ изъ нихъ болѣе 2000 сложныхъ («съ чисто угорскими окончаніями»), которыя считаетъ болѣе интересными и важными. Изъ сложныхъ названій онъ выдѣлилъ окончанія (вѣрнѣе, вторыя половинцы словъ), которыя въ количествѣ 36 и приводитъ въ своей работѣ рядомъ съ ихъ значеніями ⁴⁾. Насколько убѣдительно и точны его положенія, не имѣя подъ рукой словарей, трудно судить ⁵⁾. Но такъ какъ его взгляды, въ ихъ сущности, до сихъ поръ остаются въ науч-

¹⁾ А. А. Кунакъ, по поводу объясненій различныхъ названій финновъ, говоритъ: оказывается и общераспространенное производство *Feini* отъ древнегерманскаго *fer*—болото, готскаго *fali*—грязь, можетъ чисто умозрительно (абстрактно) производиться. Но изъ какой же грамматики къ такому случаю вычитали, восклицаетъ онъ далѣе, что форма этого народнаго названія именно германскаго происхожденія? На это отвѣчаетъ д-ръ Каллгрень, специалистъ финнолога, сообщающій, что звука и буквы *φ* въ финскомъ языкѣ нѣтъ, вслѣдствіе чего и слово *финна* не можетъ быть финскимъ, а болѣе всего въ германскому (Живая старина, 1900 г., вып. IV, стр. 545). На отсутствіе звука *φ* у финновъ указываетъ и Я. Грмихъ (Ж. М. Н. Пр. 1846 г. III, от. II, стр. 163).

²⁾ Тацитъ сообщаетъ, что *венедры* грабали области, находившіяся между землями *пезавновъ* и *финновъ*.

³⁾ Объ угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи, въ Финляндіи и въ сѣверной части Скандинавіи до прибытія туда имѣвшихъ ихъ жителей. 1874 г., съ 2 картиями, отнесенъ въ Труды II археол. съѣзда въ С.-Пет., вып. 1, отд. VI Г, стр. 81 и атласъ. Журн. М. Н. Пр. 1868 г. кн. VII, стр. 58.

⁴⁾ Стр. 12 указанной работы.

⁵⁾ Н. Н. Смирновъ (Изв. общ. арх. ист. и этн.) указываетъ ероти нѣкъ новос на угорскія.

номъ обращеніи, то съ ними необходимо считаться. Сущность же эта заключается въ немногихъ словахъ въ слѣдующемъ. Почти вся сѣверная половина Россіи отъ Урала до Балтики и отъ Сѣвернаго океана почти до 55° С. Ш. и сѣверъ Скандинавіи въ дорусскія времена были заняты особымъ народомъ—угрой или югрой, которую обрुжали, а частью врѣзывались и въ ея массу преимущественно финны. Обособившись въ три отдѣльности—венгерскую, вогульскую и остякскую, угра мало по малу оставила свои донсторическія мѣстожительства и распалась на три народа; венгры ушли въ Панонію, вогулы на Ураль, а остяки за Уралъ на р. Обь. Оставшіеся на родинѣ поглощены. Жила угра въ Россіи до финновъ и была довольно развита. Курганы съ длинными черепами и многіа городища принадлежатъ ей. Праугра, повидимому, вышла изъ Африки.

Одни изъ этихъ положеній Европеусъ утверждаетъ, другія приводитъ въ видѣ догадокъ и домысловъ. Разсматривая его работу по подробнѣе, полезно отмѣтить слѣдующія данныя. По свидѣтельству безименнаго венгерскаго лѣтописца XIII в., нотаріи королевы Белы, въ 884 г. по Р. Х. семь вождей, называвшихся *Hetumoger* ¹⁾ вышли съ В. изъ земли Скифіи ²⁾ (Скитіи). Изъ нихъ вождь Альмъ (*Almus*), сынъ Угека (*Ugek*) изъ рода Магога (*Magog*) ³⁾, вышелъ изъ той страны съ женой, сыномъ Арпадомъ и множествомъ союзныхъ народовъ. Послѣ многодневнаго шествія по пустыннымъ мѣстамъ, они на своихъ кожаныхъ торбахъ (вѣриѣе, мѣхахъ), переплыли р. Этылъ (*Etyl*) и нигдѣ не нашли ни дорогъ, ни селеній и не ѣли изготовленной пищи, какъ было у нихъ принято, а питались мясомъ и рыбой, пока не пришли въ Суздаль (*Susudal*), въ Россію. Изъ Суздаля шли мимо Кіева и Владиміра (вольнисаго) и, наконецъ, черезъ снѣжныя горы (*montes novos*) Карпаты ⁴⁾ въ Панонію, что бы овладѣть

¹⁾ По венгерски *het moger* (*moger*—имѣющему *mogud*) значить буквально: семь мадьяръ (Журн. М. В. Пр. 1868 г. кн. VII, стр. 58).

²⁾ *Scythia, Scitia*. Европеусъ для отличія отъ древней Скифіи гречески пишетъ *Scitia* (см. тамъ же), но очевидно, что нотаріи повторяютъ именно древнее названіе, утратившее всякій смыслъ, почему оно ни о чемъ и не говоритъ. Оно опредѣляетъ Скифію Сѣвернымъ моремъ и Дономъ. Иорданъ (Иорданъ) раздѣляетъ ее еще шире: р. Висла, Сѣверный океанъ, Китайская область, Персія и Албанія (Алванія) (Журн. М. В. Пр. стр. 67).

³⁾ Гогъ и Магогъ (арабское *Джуджъ* и *Маджуджъ*) народы въ С. отъ Китая (тамъ же). Гогъ и Магогъ фигурируютъ у всѣхъ средневѣковыхъ писателей въ качествѣ восточныхъ точекъ и имена эти, какъ и Скифія, не имѣютъ никакого значенія (Славяне, изъ взаимныхъ отношеній и связи. Юс. Первольфа, т. II).

⁴⁾ Венгерское *novos*—снѣжный (Объ угорск. народѣ, стр. 2). Плаваніе на мѣхахъ распространено на Востокѣ, на р. Тигрѣ и ир. (см. Исторію Халдеи, З. А. Рагозина, стр. 16, 67).

наслѣдствомъ Аттилы, прародителя Аляма. Мадьяры (венгры) ушли съ родины вслѣдствіе размноженія но не всё,—дома много осталось.

На основаніи этого извѣстія, очевидно, уснащеннаго выдумками. Европеусъ ведетъ венгровъ съ р. Юга (лѣвый притокъ Лузы, впадающей справа въ Сухону), изъ западной части Вологодской губерніи,—гдѣ множество угорскихъ названій,—вдоль р. Унжи къ Волгѣ. Переводить черезъ послѣднюю у Юрьевца (или версть на 10 выше Плеса), затѣмъ по Шачѣ, текущей въ Волгу съ Ю., доводитъ до Суздаля. По С. Кезаю, другому венгерскому лѣтописцу того же времени, венгры шли черезъ земли бѣлыхъ бумановъ и бессовъ. Послѣднихъ Европеусъ считаетъ за весь Владимирской губерніи, основывая свою догадку о ея присутствіи тамъ на существованіи въ этой губерніи 12 селеній съ названіями: Веска, Вески, Веськово и пр. ¹⁾.

Европеусъ отвергаетъ что-либо общее между угрой и уйгурами китайскихъ лѣтописей, жившими въ западной части Азій межъ истоками Енисея и Селенги, на томъ основаніи, что послѣдніе являются турецко-татарскимъ племенемъ ²⁾. Радловъ же ³⁾, напротивъ, объединяетъ ихъ ⁴⁾ и связываетъ политическое возвышеніе уйгуровъ (съ конца V в. по Р. X.) въ Азій съ появленіемъ въ томъ же вѣкѣ въ южной Россіи съ полчищами Аттилы разныхъ гуровъ (угуровъ, огуровъ: сарагуры, оногуры, биттогуры и пр.), принимаемыхъ имъ за уйгуровъ ⁵⁾. Въ свою очередь Европеусъ послѣдніе народы связываетъ

¹⁾ Въ Ярославской губерніи эти названія произносятся чрезъ ѣ:—Вески, что затрудняетъ сходство ихъ съ «весь». За весь Европеусъ принимаетъ и бессовъ (Beasi), жившихъ въ нынѣшней Молдавіи и приходившихъ туда съ гунами (Журн. М. Н. Пр., стр. 67—70).

²⁾ Тамъ же, стр. 60.

³⁾ А раньше его Н. М. Карамзинъ. Исторія госуд. Россійскаго, изд. 1830 г. т. I примѣч. 41, 72, 294, и соотвѣт. текстъ, т. III, стр. 261.

⁴⁾ Изъ исторіи слав. переводим. А. Л. Погодинъ, стр. 47.

⁵⁾ Сарогуровъ Радловъ отождествляетъ съ сары-уйгурами—желтые уйгуры китайцевъ, огууровъ съ он-уйгурами—десятиплеменные уйгуры (собственно, десятые или десятичные),—арабовъ, а уруговъ предлагаетъ читать: угоры и думать, что тамъ обозначено основное племя уйгуровъ, отъ котораго отделились послѣ предыдущія (тамъ же). Вообще вопросъ этотъ еще очень темный. Если только одно: съ V в. въ предѣлы Россіи начинаютъ проникать съ В. изъ Азій тюркскія племена, что γίνεται до XIII в., въ которомъ замѣчается нашествіемъ татаръ; остальное догадки. Но всякомъ случаѣ, если угры Россіи и связаны съ уйгурами Азій, то не съ тѣми, которые, по Абульгази (XVIII в.), были уже гражданственностью, грамотою, развитое искусство, городе и пр. и участвовали въ походахъ Чингизхана (Темучина † 1227 г.), слуга въ его канцеляріяхъ, а съ тѣми, которые ушли къ р. Иртышу и были кочевниками-звѣроловами (Карамзинъ). Значительная разность въ уровнѣ развитія тѣхъ и другихъ затрудняетъ отождествленіе ихъ и заставляетъ думать, что послѣдніе или только жили на земляхъ перыи, или были ихъ подданными, но никакъ не единоплеменниками. Эти то кочевники впоследствии, можетъ быть, и добрались до Россіи. По крайней мѣрѣ познѣйшія извѣстія объ уграхъ говорятъ о кочевомъ, а не осѣдомомъ бытѣ ихъ.

съ угрой—югрой, объясняя ихъ племенные названія изъ остяжскаго и вогульскаго языковъ ¹⁾. А сообщаютъ о нихъ римляне и византійцы, помѣщающіе ихъ къ С. отъ западнаго Кавказа и р. Кубани въ Кубанской области, гдѣ они извѣстны съ V в. ²⁾ по Р. Х. Въ VI в. съ ними (утургурями и оногурами) долго воевали авары-абры ³⁾. О бытїи ихъ въ Россїи въ VII в. говоритъ Несторъ (скорѣе всего, по византійскимъ извѣстіямъ), сообщая, что и кавкасскія горы звались угорскими ⁴⁾. Что нужно разумѣть здѣсь модъ «кавказскими» горами, сказать трудно, но на Кавказѣ до сихъ поръ имя маджаръ (маджаръ) приурочивается къ разнымъ мѣстамъ и урочищамъ ⁵⁾. Про угровъ IX в. даютъ свѣдѣнія К. Багрянородный (Порфирогенитъ) и Несторъ. Первый рассказываетъ, что въ IX в. угровъ вытѣснили изъ хозарской земли Лебедїи печенеги (или пацциани), и что послѣ того они жили среди казаровъ, не признавая ихъ владычества, но участвуя въ ихъ войнахъ вмѣстѣ съ войсками послѣднихъ. Въ 880 г.г. подъ напоромъ все тѣхъ же печенеговъ угры вмѣстѣ съ частью казаровъ (кабары) откочевали къ нижнему Дунаю ⁶⁾. Объ этомъ походѣ повѣствуетъ Несторъ, сообщающій, что послѣ бѣлыхъ угровъ (VII в.) Русью прошли обры (авары, перешедшіе Донъ въ VI в., 558 г.) ⁷⁾, затѣмъ печенеги (по Лонгинову (тамъ же, стр. 446) древнїе певнины), далѣе мимо Кіева прослѣдовали опять же угры, но черные, что повторилось и позже, при *Олгѣ*, т. е., по Нестору въ 898 г. ⁸⁾.

¹⁾ Сарогурь—бѣлые угры (ост. сайр.—бѣлый), битогурь—черные угры (остяк. битты—черный); оногуры—укугуры—велико-угры (ост. ёно, ёпа—великій); утигуры—малугуры и пр. (Объ угорск. народѣ, стр. 2).

²⁾ Погодинъ, стр. 47. Тѣслимые сообщаютъ свиряжи, они просили въ 464 г. помощи у византійскаго императора Льва I.

³⁾ Тамъ же, стр. 58.

⁴⁾ По сообщ. (послѣ болгаровъ) пришло (къ дунайскимъ словенамъ) угры бѣлые, послѣдше земля словенскую; съ бо угры *почина быти* при Иракліи (Герակліи 610—641) царя. (Лѣтописъ преподобнаго Нестора по Лаврентьевскому списку съ приложеніемъ словаря рус. словъ 1864 г., М. стр. 4). Афету же яшасъ... и кавкасскія горы реше—угорскыи (стр. 2). А. В. Лонгиновъ (Зап. Вип. Одесса. Общ. ист. и др., т. XXV, стр. 407) считаетъ эти горы за Карпаты, основываясь на надписи времени Троицы: *Alutina Plinien vesus mont. saucavi=Алута рѣка—близъ горъ Кавкаси, р. Алута вытекаетъ изъ восточнымъ Бессѣдъ и падаетъ въ Дунай ольва*.

⁵⁾ Баранникъ и другіе болѣе поздніе. Развалины г. Маджара находятся на р. Кузѣ, близъ станицы Прасковей; въ Михеевѣ (обл. Кавказъ) держится родъ Абисаловыхъ, считающихъ себя потомками мажаровъ (маджаръ) или гуиговъ (мат. по археол. Бавк., вып. VIII, стр. 255).

⁶⁾ Б. Грозъ. Энциклопед. словарь Бронгаузъ и Вфронъ «маджары».

⁷⁾ А. Погодинъ, стр. 59.

⁸⁾ Тамъ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ поднимать слова Нестора (стр. 5): по словъ же (т. е. обраръ), предомъ печегѣи; илии крѣпа угри чернїи нимо Кіевъ, послѣ же (тамъ они тутъ) при Олгѣ. (Олгѣ—Олгѣ—уменьшительное отъ Олъ—Оль, или Олга—Ольга, Олга—Ольга). Иабогѣ лѣтописк

Донской лѣтописецъ (нотаріи) то же переселеніе отличаетъ, какъ сказано выше, подъ 884 г. Наконецъ, объ мадырахъ упоминаетъ еще арабъ Пони-Раств (ибнъ-Даста) въ X в., сообщая, что между землями печенеговъ и авель-болгаровъ лежатъ первый (следовательно были и другіе) изъ краевъ мадырскихъ¹⁾.

Такимъ образомъ извѣстія письменности во 1), устанавливають связь и даже тождество именъ угровъ (съ предлагательными приставками къ этому имени) и мадырь, а во 2), вплоть до X в. народу, известному подъ этими именами, отводить мѣсто на Ю. Россіи, сперва у Кавказа, а позже въ казанской землѣ Лебедни, отстоящей отъ прежнихъ мѣстъ верстъ на 350 и определяемой двумя точками, расположенными по линіи Ю.З. С.В. и называемыми, первая, Лебедни на р. Псалъ, вторая—Лебедни на р. Довъ²⁾. Только одинъ изъ при-

1) толь, что въ 915 г. (при Игорѣ) армяны печенѣжъ *первое* на русскую землю (стр. 211. не читать сдѣланному именъ заключено, ибо это «первое» лѣтописецъ повторить и подъ 865 г. при Святославѣ: прихода печенѣжъ на русскую землю *первое* (стр. 34). Братъ того, сдѣл въ Несторѣ къ верховъ сдѣлать разубить авельне печенеговъ у Киева при Игорѣ (въ 915 г.), бывшее по его заключенію сдѣлать первымъ, то онъ не различал бы написать это событіе (договоръ: 915 г.) впервые лѣтописца была риваго (894 г.) прохотъ угръ къ Киеву. Онъ не опредѣленно говоритъ, послѣ сдѣлать по (обровъ) прохотъ печенеговъ: опять шла угръ черные какъ Бася, послѣ же (шла они уже) въ Давъ, т. е. въ 884 г., каковыя таковыя соединять съ расположеніемъ Несторѣкъ событія восточныя. Онъ заключаетъ съ ковалемъ болгаръ, т. е. съ У в. лѣтъ переселитъ къ Балкѣхъ угръ и сдѣлать, т. е. въ VII в., дѣлѣ говоритъ о печенѣжѣхъ и черныхъ угръ и заключеніемъ прохотъ сдѣлать при Давѣ, въ казому переселеніи приурочиваетъ и образованіе Угріи—Венгріи. Въ лѣто 884 г. при Киевѣ—городѣ, что зовется именъ «Угорское»; пришли къ Давру и стали печанги, въ казанъ шовъ половцы. Пришли отъ востока. И устрежились чрезъ горы великіи и начали воевать съ авельне, тутъ волахамъ и съ авельне. Сдѣлалъ же тутъ прежде сдѣланы, а великіи начали землю сдѣлать сдѣлать по этому угръ прохотъ волаховъ и авельнею землю, и сдѣлать съ сдѣлаными, волахъ и сдѣлать себя; отсюда и земля прохотъ Угорское (стр. 11).

2) Давестин Обш. Археолог. истор. в отбор. т. XVIII. выд. 1—3. стр. 35. Извѣстія объ этомъ историкѣ Морганѣ въ Язубъ (около 965 г.), по которому мадыры шли въ востокъ и жили въ казанскихъ, близъ казанъ въ долинахъ горъ на северо-западъ въ той части Россіи, которая въ восточнѣйшей части XIII в. обозначалась Великою Венгріей (между авельнею болгаръ и авельнею). Но Кунику «венгрия» или «венгрия» *венгрия* чрезъ *венгрия*—*венгрия*, пер. с. латинскаго языка) не является за «мадыры» германскими названіемъ угровъ и не значить ли—авельне, *венгрия* *венгрия*? «Мадыры», какъ думаютъ, было восточнѣе названіемъ той восточной части угровъ, отъ имени, которое дѣлѣ производительности турокъ обратилось въ степи въ казанъ. Это не случалось ни съ какими другими финскими именами. Кунику отвергаетъ финские «мадыры» и настаиваетъ, что первоначально слово мадыры (мадыры) было только германско-славянскимъ названіемъ. Онъ, кажется, правъ: правѣ назвать «мадыры» за финское и германское именъ въ угрѣбномъ словѣ мадыры и мадыры (лат. мадыры—*мадыры*)—мадыры. Мадыры по венгерск. мадыры (Лав. лат. Венгрия стр. 63, 109, 157; фин. мадыры—мадыры) Бугаро-болгарскій (912—954) свѣдѣтельствуетъ о томъ, говоря, что сдѣлать мадыры были печенѣжъ, жившіе у Волги и Язубъ (Урала) и угрѣ-половцы (Лав.

3) Давестин Обш. Археолог. истор. в отбор. т. XVIII. выд. 1—3. стр. 35. Извѣстія объ этомъ историкѣ Морганѣ въ Язубъ (около 965 г.), по которому мадыры шли въ востокъ и жили въ казанскихъ, близъ казанъ въ долинахъ горъ на северо-западъ въ той части Россіи, которая въ восточнѣйшей части XIII в. обозначалась Великою Венгріей (между авельнею болгаръ и авельнею). Но Кунику «венгрия» или «венгрия» *венгрия* чрезъ *венгрия*—*венгрия*, пер. с. латинскаго языка) не является за «мадыры» германскими названіемъ угровъ и не значить ли—авельне, *венгрия* *венгрия*? «Мадыры», какъ думаютъ, было восточнѣе названіемъ той восточной части угровъ, отъ имени, которое дѣлѣ производительности турокъ обратилось въ степи въ казанъ. Это не случалось ни съ какими другими финскими именами. Кунику отвергаетъ финские «мадыры» и настаиваетъ, что первоначально слово мадыры (мадыры) было только германско-славянскимъ названіемъ. Онъ, кажется, правъ: правѣ назвать «мадыры» за финское и германское именъ въ угрѣбномъ словѣ мадыры и мадыры (лат. мадыры—*мадыры*)—мадыры. Мадыры по венгерск. мадыры (Лав. лат. Венгрия стр. 63, 109, 157; фин. мадыры—мадыры) Бугаро-болгарскій (912—954) свѣдѣтельствуетъ о томъ, говоря, что сдѣлать мадыры были печенѣжъ, жившіе у Волги и Язубъ (Урала) и угрѣ-половцы (Лав.

веденных писателей нотарій говорить объ уграхъ въ сѣверной Россіи, да еще Несторъ при перечисленіи обитателей Афетовской части земли упоминаетъ о нихъ вскользь, помѣщая видимо около Балтики: мери, мурома, весь, мордва; заволочьская чудь, пермь, печера; ямь, угра ¹⁾. Последнее упоминаніе встрѣчается не во всѣхъ спискахъ лѣтописи. Однако это обстоятельство не умаляетъ значенія упоминанія въ виду того, что за позднѣйшую вставку почестъ его нельзя: позднѣйшимъ писателямъ не было причиня говорить объ уграхъ, или рано ушедшихъ изъ Россіи, или не имѣвшихъ, видимо, никакого значенія для русскихъ; по крайней мѣрѣ послѣдніе молчатъ о нихъ, упоминаютъ же только иностранцы. Такъ венгерскій монахъ Іуліанъ писалъ, что въ 1237 году онъ встрѣтилъ въ двухъ дняхъ пути отъ Болгаръ (т. е. близъ Казани) народъ, говорившій венгерскимъ языкомъ ²⁾ Пано-Карини и Рубруквисъ (оба 1253 г.) свидѣтельствуютъ о томъ же, при чемъ послѣдній страну этого народа называетъ Паскатиръ (Pascatir) т. е., какъ вѣрно думаетъ Карамзинъ, Башкиріей ³⁾. Дѣйствительно башкиры, распространяясь по р. Бѣлой съ притоками, обитаютъ въ предѣлахъ взаимно-сосѣднихъ Уфимской, Самарской и частью Казанской губерній ⁴⁾.

Последнимъ можно отмѣтить извѣстіе Герберштейна. Онъ сообщаетъ, что въ началѣ XVI ст. близъ р.р. Мологи и Шежны, въ предѣлахъ нынѣшней Ярославской губерніи имъ встрѣченъ народъ, говорившій, кромѣ русскаго, еще и своимъ особымъ языкомъ ⁵⁾ Правда,

предѣлы славянохъ тѣсны и что вѣрнѣе принимать за нѣзъ землю все пространство, лежащее между Лебедянохъ и Лебедяноу, т. е. между Днѣпромъ съ Ю.-З. и Дономъ съ С.-В. При этомъ сѣверозападной границей будетъ, приблизительно, линія, проведенная черезъ Черниговъ, Орель и Тулу, а юго-восточною — линія, проведенная черезъ Полтаву, Харьковъ, Воронежъ и Тамбовъ. Такии образомъ угорская земля займетъ губерніи: Полтавскую, сѣверозападную половину Харьковской, Курскую, юго-восточную половину Орловской, южную часть Тульской, югозападную часть Рязанской, западную часть Тамбовской и сѣверозападную часть Воронежской. Одно изъ городищъ Полтавской губерніи, расположенное въ долинѣ р. Сулы и описанное В. Г. Ласковскимъ, до сихъ поръ зовется Казиверь, каковое названіе Ласковскій сопоставляетъ съ собственнымъ названіемъ Хазарь—Хиссаръ (Труды XI археолог. съезда т. I, стр. 404). Сѣверовосточная граница, суди по Пбнъ-Расте, должна была проходить дальше даже нахѣтчиной мною.

¹⁾ Лѣтопись Нестора, стр. 2.

²⁾ Евронеусъ, атласъ. Огромный недостатокъ первоисточниковъ (въ хорошихъ переводахъ) заставляетъ пользоваться нужными данными изъ вторыхъ, третьихъ рукъ, собирая ихъ крупицами и въ неполномъ видѣ.

³⁾ Чуваши, потомки болгаръ, зовутъ башкиривъ кашмырт—пушарт (Изв. Общ. арх. ист. и этн. т. XVIII, вып. 1—3, стр. 49).

⁴⁾ Этнографическая карта Ильяна.

⁵⁾ Евронеусъ, стр. 10.

это извѣстіе вполнѣ неопредѣленно, но тѣмъ не менѣе важно по тому, что устанавливаетъ существованіе инородцевъ тогда и тамъ, когда и гдѣ ихъ обыкновенно уже не находятъ.

Вмѣстѣ съ извѣстіями объ угрѣ встрѣчаются извѣстія и объ югрѣ. Русская письменность знаетъ ее уже въ XI в. ¹⁾ и притомъ въ Европѣ, по сю сторону Урала, до котораго, по словамъ Гюраты Роговича, тогда и сама югра доходила не всегда и съ большимъ трудомъ. Однако съ XV в. она перешла уже и за Уралъ, тѣмъ не менѣе часть ея, видимо, оставалась еще въ Россіи (собственно), такъ какъ здѣсь она отмѣчается на картахъ ²⁾. Эту югру Европеусъ (стр. 1-я) отождествляетъ съ Несторовской угрой, которую въ свою очередь связываетъ съ гурами южной Россіи, объединяемыми съ мадьярами-венграми. Если принять этотъ взглядъ, то придется заключить, что явногда угра занимала едва не всю площадь Россіи отъ Сѣвернаго океана до степей включительно. Выводъ, очевидно, несообразный ³⁾, который поразить еще больше, если къ сказанному добавить, что такимъ великимъ народомъ считаютъ предковъ тѣхъ вогуловъ и остяковъ, которые и до сихъ поръ не вполнѣ еще разстались съ каменнымъ вѣкомъ ⁴⁾ и жалкіе влечать жалкую жизнь на С.-З. Сибири.

Умозрительныя заключенія подтверждаются и положительными данными.

По мнѣнію Б. Мункачи, имя «югра» происходитъ изъ «угуръ» (ugur) и дано югрѣ (вогуламъ и остякамъ) булгарами ⁵⁾, посѣщавшими ее въ ея землѣ. Однако для такого заключенія нѣтъ положительнаго основанія, оно только догадка и притомъ неудачная. Много солиднѣе объясненіе имени «югра» изъ зырянско-остякскаго «южа» (югра, ёгра)

¹⁾ Д. В. Анучинъ. Древности (Труды Моск. Арх. Общ.), т. XIV, стр. 247.

²⁾ Тамъ же; на картѣ Бабт. Агмезе 1525 г. хотя перелуганы рѣки: С.-Двина указана на мѣстѣ Печеры и обратно, но Югрѣ тѣмъ не менѣе помѣщена, видимо, правильно, между р.р. Двиной и Печерой; на картѣ Ам. Вида 1555 г. въ С. отъ Ватны, между р.р. Мезенью и Печерой, также на картѣ Гассе (Hassé) 1750 г. По Герберштейну «уграча и вогуличи сидятъ по р. Оби» (стр. 246). Конечно, къторымъ карты не имѣютъ значенія, какъ повторяющія безъ провѣрки устарѣлыя данныя (напримѣръ карта Гассе), однако вѣкъ имъ отказывать въ значеніи нѣтъ возможности, такъ какъ онѣ вовсе не фантазія. Анучинъ говоритъ, что извѣстіе о сношеніяхъ древнихъ новгородцевъ съ югрой объяснено только при допущеніи находженія югры не очень далеко отъ Новгородъ по сѣв. сторону Урала (стр. 247).

³⁾ Европеусъ, стр. 3, 4, 14. Даже русская народность и въ настоящее время не занимаетъ этого пространства: среди нея много инородцевъ, живущихъ не развѣянно въ ея средѣ, а особыми гвѣздами.

⁴⁾ И. С. Поляковъ. Антроп. поѣздка въ центр. и вост. Россію, стр. 113.

⁵⁾ Изв. общ. арх. хот. и этногр., т. XVІІІ, вып. 1, 2 и 3, стр. 41.

jögra—длиннй, грубый, прилагаемого зырянами какъ къ вогулямъ и остякамъ, такъ и къ самобдамъ ¹⁾). Отъ зырянъ это названіе перешло, очевидно, и къ русскимъ, очень долго знавшимъ югру лишь поверхностно. Сама себя югра зоветъ «манси», каковое названіе, одного происхожденія съ китайскимъ «манса». Стало быть, вязать «югра» съ «угра», «гуры» и «уйгуры» значитъ воляничать.

Далѣе. Говоря о длинноголовости югра, Европеусъ замѣчаетъ, что венгры болѣе «уже не длинноголовы» ²⁾). Какъ бы венгры не перемѣшались съ другими племенами, но разъ они были длинноголовы, то, живя вучно, а не расцѣпно, самостоятельнымъ и объединеннымъ народомъ, они сохранили бы свою длинноголовость болѣе или менѣе полно. Значительно чистый типъ венгра вовсе не рѣдкость, но онъ не длинноголовъ. Кромѣ того, венгровъ никто никогда не звалъ югрой, а сами-себя они зовутъ даже не угрой, а унутарь, унутуръ или онугуръ ³⁾). Следовательно названіе югра и угра во 1-хъ, не одно и то же, а во 2-хъ, не только не югерскія, но и не венгерскія, почему и переводить названіе онугуръ, онугуръ—«великая угра», какъ то дѣлаетъ Европеусъ, нельзя, ибо у венгровъ не было названія «угра».

Разъ же югра и угра—венгры ни по вѣншему виду, ни по собственному названію не сходны, то ясно, что они не одно и то же и что нѣтъ основаній объединять ихъ ⁴⁾).

Лѣтопись земли подтвердитъ высказанное еще болѣе. По даннымъ названій живыхъ урочищъ Европеусъ южную границу югры проводить, начиная отъ Урала, такъ: у Екатеринбурга она поворачиваетъ къ СССР., идетъ по р. Чусовой, вдоль средняго Урала, восточнѣе Соли-Камской, чрезъ верховья лѣвыхъ притоковъ Камы, сѣвернѣе Чардынъ поворачиваетъ къ ЮЗ., идя сѣверо-западнѣе (но параллельно) верхней Камы чрезъ верховья Сысолы, сѣверозападнѣе р. Вятки, недалеко отъ Котельничъ поворачиваетъ къ ЮВ. и идетъ параллельно р. Вяткѣ, близъ устья Камы поворачиваетъ къ З., идетъ южнѣе Казани вдоль средней Волги и нижней Оки, южнѣе верхней Оки и Васимова, сѣвернѣе Зарайска, южнѣе Каширы и Калуги, отъ которой поворачиваетъ къ СЗ. и идетъ чрезъ верховья Днѣпра къ оз. Волго, чрезъ низовья Ловати, западнѣе оз. Ильменъ, обогнувъ который, идетъ къ СВ. чрезъ верхній

¹⁾ Древности, т. XIV, стр. 248.

²⁾ Объ угор. нар. стр. 18. (Венгера—она нег—отсюда въ слово—славянъ?).

³⁾ Европеусъ, тутъ же, стр. 2.

⁴⁾ Слѣдствіе шмыковъ также, конечно, не основаніе, ибо языкъ, съ одной стороны, довольно легко забывается, а съ другой, усваивается. Случай обрусѣнія, обшмеченія и т. п. неслѣдуетъ считать.

Волховъ, Сязь, Тихвингу, верхнюю Ковжу, сѣвернѣе Бѣло-озера, близъ котораго поворачиваетъ къ С. къ оз. Свиному, западнѣе оз. Лоче, отъ оз. Свиное къ СЗ. къ оз. Вадлозеро и далѣе къ Вигозеро и Сегозеро, гдѣ поворачиваетъ къ ЮЗ., иди сѣверо-западнѣе Самозера къ Ладожскому, чрезъ него къ финскому заливу, чрезъ него къ Везевбергу и южнѣе Гапсаля до берега Балтики ¹⁾. Все пространство отъ этой линіи къ С. до Ледовитаго океана, т. е. Лапландія, Финляндія и губерніи: Архангельская, часть Олонецкой, большая часть Новгородской, Вологодская, часть Вятской, Костромская, Ярославская, Тверская, часть Казанской, Нижегородской, Владимірская, Московская, часть Калужской,—все это по Европеусу была земля югры въ дорусскія времена, «родина ея» ²⁾. Даже соглашаясь съ нимъ въ этомъ безъ оговорокъ, все-таки нельзя не замѣтить, что къ Ю. отъ указанной границы «югры-угры» нѣтъ югорскихъ названій, т. е. нѣтъ ихъ въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ источники указываютъ венгровъ-угровъ (т. е. по Европеусу, ту же югру), оставившихъ о себѣ воспоминаніе на Кавказѣ въ видѣ названія маджаръ, а въ малороссіи—Мажары. Неуже-ли же разные гуры, извѣстные въ Россіи съ V—IX в., разъ они гура, не успѣли за 400 лѣтъ присвоить и закрѣпить югорскихъ (по Европеусу) названій за урочищами тѣхъ мѣстъ, гдѣ они жили такъ долго? Затѣмъ, угры-гуры появляются въ Россіи не съ С.—«родины югры», а съ В. и притоки на самою Ю., около Кавказа, по всей видимости, вмѣстѣ съ гурами или по слѣдамъ ихъ. Являются они типичными азіатскими кочевниками (бѣша бо ходяще, аки се половци) средней полосы, а не сѣверной. Откуда же они приобрѣли такъ быстро, чуть не мгновенно азіатскій кочевой бытъ и обстановку, разъ они явились изъ сѣверной Россіи, какъ думаетъ Европеусъ; или, куда же они ихъ дѣли: если съ юга Россіи забрались въ архангельскія тундры, что нужно предположить, допуская съ Европеусомъ родство гуровъ юга съ югрой сѣвера, на который они явились, разумѣется, не съ пустыми руками? Вѣдь разстаться съ своимъ природеннымъ бытомъ и изъ скотовода-кочевника, грознаго коннаго завоевателя превратиться въ жалкаго рыбака, т. е. сдѣлать огромный шагъ назадъ, переродиться вовсе не такъ легко и возможно только подъ сильнымъ гнетомъ. А чѣмъ или отъ кого могъ быть этотъ гнетъ съ сѣверной Россіи въ дорусскія времена, особенно, если принять съ Европеусомъ, что сѣверная Россія была «родиной» югры-угры, т. е. что послѣдняя явилась въ ней первыми насельниками?

¹⁾ Европеусъ, карта.

²⁾ То же и въ малороссіи, стр. 19.

Еще замѣчаніе. Всѣ ученые и самъ Европеусъ говорятъ, что всѣ финны мѣкогда образовали одинъ народъ, жили вмѣстѣ; Европеусъ (впрочемъ, какъ и другіе) допускаетъ даже, что восточныя финны ¹⁾ до раздѣленія жили на западѣ Россіи. Но на своей картѣ дорусскаго населенія сѣверной Россіи между западными и восточными финнами онъ выдвигаетъ югру, которая, очевидно, и раздѣлила финновъ ²⁾, обособивъ ихъ на западныхъ и восточныхъ. Само по себѣ такое явленіе ничего невозможнаго не представляло бы, но дѣло въ томъ, что ему противорѣчатъ данныя письменности. И югра, и угра появляются въ Россіи (отмѣчаются письменностью) не ранѣе V в., а финны (хотя бы и въ видѣ только лопарей) и другіе финны, какъ указало, уже съ I в. и, притомъ, не какъ вновь явившіеся, а какъ уже жившіе давно. Что-нибудь одно: или сѣверная Россія родина финновъ, а не югры, которая явилась позже и раздѣлила финновъ, или она родина югры и тогда финны явились позже и въ Россіи одного народа не составляли. Последнее опровергается письменностью и самимъ Европеусомъ, указывающимъ вмѣстѣ съ «родиной югры» и «родину финновъ», идущую неширокой полосой отъ Рижскаго залива чрезъ Финскій къ Ладожскому и Онежскому озерамъ, въ которой «нельзя отыскать ни одного названія съ угорскимъ (да, вѣроятно, и всякимъ другимъ, разъ родина) окончаніемъ» ³⁾. Если есть такое мѣсто, на которомъ не осталось никакихъ названій предыдущаго населенія (здѣсь югры) и если такое мѣсто клиномъ вдается въ пространство, облюбуемое названіями предшествовавшаго населенія (здѣсь югры-же), то очевидно, что оба эти пространства были заняты по меньшей мѣрѣ одновременно, причежъ на одномъ (первомъ, финскомъ) населеніе успѣло, а съ другого (второго, югорскаго) сошло. Но такъ какъ оба населенія, предполагается, явились съ В. изъ Азіи и при одновременномъ занятіи земли должны были бы поселиться рядомъ, а не такъ, чтобы одно размѣстилось въ средѣ другого, какъ это наблюдается въ дѣйствительности по отношенію финновъ къ югрѣ, то есть основаніе думать, что финны пришли въ Россію раньше югры ⁴⁾.

Изъ всего говореннаго по поводу статей Европеуса, кажется, достаточно выясняется, что многое въ проводимыхъ имъ взглядахъ не

¹⁾ Объ угор. нар., стр. 15.

²⁾ Другихъ дѣйствователей въ этомъ направленіи незвѣстно и Европеусомъ не указывается.

³⁾ Европеусъ, объ угор. нар., стр. 4.

⁴⁾ Въ Жур. М. Н. Пр. (1868 г., VII, стр. 58...)—разселеніе финновъ—ами, ливовъ, эстовъ, кареловъ Европеусъ относитъ къ очень позднему времени—«вѣроятно, до 1100 г. по Р. Х.».

точно и должно быть оставлено, что родство венгровъ съ остяками и вогулами (югрой) не доказано, такъ такъ антропологически они вовсе не родственны и по письменности известны въ двухъ разныхъ мѣстахъ ¹⁾, хотя, повидимому, были въ какихъ-то сношеніяхъ ²⁾.

Неточность и поспѣшность въ выводахъ Европеуса обнаружится и при разсмотрѣніи его заключеній относительно собственно югры. Всю сѣверную Россію, за исключеніемъ небольшого клочка «родины финновъ», онъ отводитъ югрѣ: все пространство отъ Оки до Сѣвернаго океана было занято только однимъ ³⁾ народомъ угрой-югрой-ютунами, подъ которыми разумѣлись предки венгровъ, вогуловъ и остяковъ. Эти предки, еще въ историческое время составляли одинъ многочисленный народъ, говорившій однимъ языкомъ, но разными, хотя и мало отличавшимися другъ отъ друга нарѣчіями. Къ югрѣ онъ относитъ и весь, мерю («чисто угорскаго происхожденія») ⁴⁾, юрому, ютуновъ-ютуновъ һіисъ (һіізі, хіисі). На всемъ пространствѣ, отведенномъ югрѣ, нѣтъ никакихъ названій финскаго происхожденія: около р.р. Молога и Шексны и около Бѣлаго озера встрѣчается такъ много чисто угорскихъ названій, какъ ииждъ ⁵⁾. Судя по этимъ названіямъ, Европеусъ приходитъ къ заключенію, что нарѣчіе указанной мѣстности стояло ближе всего къ венгерскому языку, нарѣчіе жившихъ по р.р. Югу и Ветлугѣ больше всего приближалось къ вогульскому языку, а нарѣчіе чуди на р. Вагѣ (Шенкурскаго уѣзда, Арханг. губерніи) къ остякскому языку. Такимъ образомъ Молога и Шексна, Вага, Югъ и Ветлуга являлись срединами будущихъ отдѣльныхъ народностей, очагами распадѣнія югры на племена: венгровъ, вогуловъ и остяковъ. Занятая югрой земля звалась, по латинскому, Скифіей, по русскому лѣтописи—Пермь-Великая, по Оттеру (англійск. мореплаватель) Біармьсь

¹⁾ Слово «югра» имѣетъ значеніе лишь при другихъ доказательствахъ, за отсутствіемъ изъ него основываться можно только въ исключительныхъ случаяхъ. Связаніи венгерскихъ лѣтописцевъ.—исторія и С. Емалъ (особенно первый) заслуживаютъ по отношенію древнѣйшей исторіи венгровъ очень небольшого похвала, какъ извѣстія изъ основъ не на рѣчныхъ мѣстахъ или хотя бы даже только предвѣдѣ, а перепутанными и перекрѣпанными сообщеніями иностранцевъ совсѣмъ о другихъ народахъ. Такъ сообщеніе о переселеніи угровъ изъ-въ Суздала събѣшено, вместе, съ заключеніемъ болгаръ, болгарскій шаръ. Англъ очень шибко пишетъ венгерскаго Амхуса—Амхонъ, страна южестъ Скифія и ар.

²⁾ Н. В. Амхарики отъвѣчаютъ (Нѣм. обш. арх. ист. и этн., т. XVIII, выд. 1—2, стр. 2—131) что вошедшіе болгары были торговцы въ остякахъ «крѣ—югрѣ».

³⁾ Объ угор. нар., стр. 14; о южн. сѣвернѣмъ см. стр. 1, 6, 10, 11, 13. Въ Жур. М. Н. Пр. Каролюсъ еще осторожнѣе, но въ статьѣ Объ угор. народѣ отвергаетъ всѣ догадки, сдѣланныя имъ такъ относительно финновъ.

⁴⁾ Стр. 2, также 19 и карта въ Жур. М. Н. Пр., стр. 58, 61.

⁵⁾ Въ книгѣ основаній она гласитъ, что колоссіе шведскія Герберштейна говорили съ въ XVI в. шведскими угорскими языкомъ.

(Beaumas), по исландскимъ сагамъ Біармаландъ и Іотунгеймъ. Онаружали ее большей частью финны: на С.-В. по Оби и около Обьской и Карской губъ—самоѣды (не финно-угры)¹⁾; съ Ю.-В.—черемисы²⁾ (языкъ которыхъ близокъ къ лопарскому), зыряны и вотяки—на Камѣ съ притоками до р. Тавды за Ураломъ; съ Ю.-З. мордва (самые близкіе по языку родичи финновъ) между р.р. Цной, Волгой и Оной; съ Ю.-З.—неизвѣстный народъ, чуждый финнамъ и русскимъ³⁾, и венеда—славяне; съ З. литва и финны собственно и съ С.-З.—лонгары. Въ самой Югріи Европеусъ размѣщаетъ племена такимъ образомъ. Въ окрестностяхъ Бѣлаго озера и далѣе къ Ю. чрезъ Тверскую, Ярославскую и Владимирскую губерніи до Оги югра—весь⁴⁾. Къ веси принадлежала мери и мурома, языкъ послѣдней составлялъ особое нарѣчіе весьскаго. Въ Московской губерніи вокругъ Новгорода и къ С.-В. отъ него до Череповца зыряны илия, вѣрѣе, отяви⁵⁾ вмѣстѣ съ югрою. Отъ Рижскаго залива до Онежскаго озера и даже р. Онеги собственно финны-чудь, которая была и на С. Двинѣ въ окрестностяхъ Холмогоръ и далѣе на В. по р. Пинегѣ, правому низовому притоку Двины. Въ Сѣверной части Новгородской губерніи въ уѣздахъ Тихвинскомъ и Бѣлозерскомъ чудь зовется донынѣ чухарями. Къ С. отъ чуди карела населявши югры по сѣвернымъ окраинамъ Вологодской губерніи и по С. Двинѣ, въ сѣверной и восточной Финляндіи. Югра въ Шенкурскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи, въ Тотемскомъ и Никольскомъ Вологодской губерніи, въ Варнавинскомъ и Ветлужскомъ—Костромской губерніи. Часть этихъ заключеній подтверждена Европеусомъ ссылками на названія урочищъ, происходящія отъ именъ народцевъ и на преданія⁶⁾ о послѣднихъ въ отводимыхъ имъ мѣстахъ. Приемъ самъ по

¹⁾ Обь угр. нар., стр. 3. Келай указываетъ тутъ страну Ериавъ (regio jorianorum); вогулы и остаи зовутъ самоѣдовъ: юрынкъ, ярант, ярганъ; Европеусъ называетъ этотъ край родиною самоѣдовъ.

²⁾ Чуваша зовутъ черемисовъ сармисъ (Сармас=сармис, сармис. Ивл. общ. арх. вѣст. и этн. т. ХУШ, выд. 1—3, стр. 8). Не сармисъ ли въ этомъ словѣ разгадка народнаго имени сарматы? Черемисы донынѣ живутъ въ Костромской губерніи въ Ветлужскомъ уѣздѣ, въ Толшаньской и Ошанинской волостяхъ (Труды Яросл. Обл. съѣзда, стр. 116).

³⁾ Судя по нерусскимъ названіямъ мѣстностей (см. карту; относительно морды— карту и стр. 14).

⁴⁾ Жуи. М. Н. Пр., стр. 58—61.

⁵⁾ Говорящіе особымъ выроченнымъ нарѣчіемъ. Дѣлаю эту поправку потому, что на отявиотъ въ указаннымъ мѣстахъ есть указанія письменности, молчащей о зырянахъ. Свои заключенія о послѣднихъ и о кореллахъ Европеусъ поше (Обь угор. народъ) отвергаетъ, указавшись угрой, но, имѣя побробоу показать иное, напрасно, бездѣйствіе чего и привожу эти отвергнутыя мѣнія.

⁶⁾ Для веси онъ приводитъ 26 названій въ видѣ Весъ, Весьлово, Весля, дьякелары—Карела и Карелаша, для югры—Югрокан, Югряно, Югори и пр. Графъ А. С. Уваровъ (Мерие и ихъ бытъ, карта и стр. 9). На той же основѣ опредѣлять землю мери, но недостаточно разбравъ въ выборѣ

себѣ правильный, но въ данномъ случаѣ односторонній, такъ какъ не приняты показанія письменности, съ которыми необходимо считаться. Оставляя заключенія Европеуса по другимъ губерніямъ на усмотрѣніе ихъ изслѣдователей, я коснусь здѣсь лишь Ярославской губерніи.

Несторъ говоритъ, что у Ростовскаго озера жила меря, бывшая не славянскаго племени («А се суть иимъ языци» составляющіе Русь «иже дань дають Руси»¹⁾, чудь, меря...), а Исторія о Казанскомъ царствѣ сообщаетъ, что тамъ жили черемисы, вазывавшіеся отиками и составлявшіе низшій слой общества—чернь²⁾. На первый взглядъ приведенныя извѣстія не исключаютъ другъ друга, но если внимнуть въ нихъ, то противорѣчіе почти исчезаетъ. Составитель «Исторіи» считаетъ ростовскую чернь, на свой изгладъ, черемисами, но прибавляетъ, что этихъ черемисовъ зовутъ не черемисами, а отиками. Составитель «Козмографіи» пополняетъ, сообщая, что эти отики были обрусѣвшіе: «языка словенскаго»³⁾. Несторъ, наконецъ, повѣствуетъ, что въ его время (иже дань дають, а не давали) жившіе въ Ростовскомъ

названій урочищъ, включая въ нихъ такіа сомнительныя, какъ: Мерзево (Мѣрлево), Мерединово, Мерзолово (Мѣрзолово), Тимерево, Чамерево, Мерзѣво, Мерлуха, Инеры, Нередцы, Неральское и пр., отчего у него эта земля и простира огромныя размѣры на пространствахъ всей Ярославской, южной части Вологодской, юго-восточной части Тверской, сѣверо-восточной части Московской, почти всей Владимирской, сѣверной части Рязанской, сѣверо-западной части Нижегородской и западной (большей) половинъ Гостромской губерній. Насколько нужно быть осторожнымъ въ общеніи съ названіями урочищъ, можно видѣть изъ того, напримъ, что М. Филевичъ (Ист. древн. Россіи, т. I, стр. 92) для Припятьской низменности отмѣчаетъ такіа названія, какъ: меречи=болото, р. Меречанна—притокъ Пѣяна (стр. 144), а А. Л. Погодинъ для Литвы даетъ (Изъ исторіи слав. передвиженій, стр. 196) Мерль, Мерио, не говоря о др., какъ Саря, Моша, Шорна и проч., встрѣчающіяся и въ Яросл. губерніи. Е. В. Барсовъ (Труды Яросл. Обл. съѣзда, стр. 164) называетъ мерей—Суду и Шексу до вержковъ и восточную половину Бѣлозерскаго уѣзда.

¹⁾ «Даютъ»; а не «давали», стало бытъ, платили еще при Несторѣ, т. е. въ XI в. О мерѣ не сказано, какъ о муронѣ и др., что она была «языкъ свой».

²⁾ Исторія о Казанскомъ царствѣ, стр. 3. По словамъ С. Ф. Штанова (Лекціи по Русской Исторіи, стр. 43), она составлена въ XVI в., а напечатана въ 1791 г. Въ ней мнѣе прочихъ говорится: черемисы, зоюмая отики, то же глаголютъ ростовская чернь, забѣгшихъ... отъ русскаго вращенія и вселившихъ ихъ въ болгарскія жилища. То же повторяетъ нѣсколько въ измѣненномъ видѣ и рукопись, озаглавленная: «Козмографіи, свѣдѣніе, всемирное описаніе земанъ въ сдѣлопробываніе и знаменованію степеней въ округахъ небесныхъ» (Сборникъ XVII в. Имп. Публ. библіотеки, № рукописи 1576, см. Д. Карсавинъ. Меря и Ростовское княжество, стр. 30)—подъ томъ же областію земли повеленіе, государства Казанскаго, кормивы русскія (находятся) улусы татарскія... жители великія рѣки Камскія и усть и прочихъ великихъ рѣкъ разноязычествія: новары и балымы, и болгары иже и ушескимъ языкомъ словенскаго земли Ростовскія, ушедше бо отъ святаго вращенія во идолопоклоненіе в тако чюванное матіе татарское въры бесерменскія изволиша. Куликъ (Изв. м.-Велера и др. пис., стр. 155) считаетъ за несомнѣнное, что мери стояла очень близко къ черемисамъ, но не поясняетъ своего заключенія.

³⁾ Здѣсь подъ словомъ «языкъ» едва ли можно разумѣть «народъ», такъ какъ получится мало-вѣроятное извѣстіе о выселеніи славянъ въ Болгарію отъ вращенія и въ то же время принятія тамъ магометанства.

уѣздѣ люди назывались меря. О мерѣ говоритъ готъ (родомъ аланъ-осетинъ) Юрданъ (Юрианлъ) еще лѣтъ за 500 до Нестора ¹⁾, такъ что можетъ представиться, что имя «меря» для коренныхъ ростовскихъ обитателей времени VI—IX в. установлено довольно прочно. Однако это едва ли такъ. Во 1-хъ, еще вопросъ: кто мерю звалъ мерей,—сама ли она или сосѣди, т. е. дѣйствительное ли это названіе ростовскаго народа и, тогда, въ какой степени точно переданное, или оно вымышленное прозвище его отъ другихъ и, тогда, отъ кого именно. Во 2-хъ, Юрданъ узналъ объ имени мери отъ славянъ, какъ очевидно это изъ того, что рядомъ съ именемъ меря онъ приводитъ другое народное имя чудь, являющееся, несомнѣнно, славянскимъ общимъ прозвищемъ иноземцевъ. Такого названія не давалъ самъ себѣ ни одинъ народъ на Руси. Если же объ этомъ имени узналъ иностранецъ Юрданъ, то сдѣлать это онъ могъ лишь при посредствѣ славянъ, языку которыхъ принадлежитъ самое названіе ²⁾. Но разъ о чудѣ, жившей ближе къ готамъ, чѣмъ меря, Юрданъ узналъ отъ славянъ, то почти несомнѣнно, что и о мерѣ онъ узналъ отъ нихъ же. Такимъ образомъ имя «меря» остается извѣстнымъ намъ лишь въ древне-славянскомъ и при томъ средне-русскомъ произношеніи или воспроизведеніи ³⁾ (транскрип-

¹⁾ Юрданъ былъ близокъ къ готскому Двору. Готы жили въ Россіи съ III в. по I. X. (около 215 года) и по XV в.—въ Крымѣ и на р. Кубани (Прокопій упоминаетъ о нихъ въ 848 г., Рубрикусъ въ 1253 г., Барбаро въ 1436 г.). Гринбергеръ думаетъ, что то мѣсто у Юрдана, въ которомъ перечисляются народы, подвластные Германариху, написано по готски, а не по латинѣ; но латинскими буквами, и что штегеи и мардепа являются не названіями народовъ, а прилагательными (А. Ногодинъ, Изъ истор. слав. перел., стр. 21). Однако это мнѣніе почти нѣтъ-ли не принимается и, кажется, не безъ основанія: рядомъ съ мерей и модвой Юрданъ упоминаетъ и чудь, слово ужъ являющаго образомъ не могшее быть готскимъ прилагательнымъ.

²⁾ Какъ не ясно это само по себѣ, безъ доказательствъ, тѣмъ не менѣе Кунинъ сомнѣвался въ славянскомъ. По его мнѣнію (Изв. изъ Бегра... стр. 124), нельзя доказать, что слово «чудь» славянского происхожденія и что все говоритъ за готское происхожденіе его и за образованіе въ то время, когда готы жили еще на Балтичѣ и сильно вліяли на пруссо-литовцевъ, на балтійскихъ финновъ и на славянъ (т. е. въ IV в. по Р. X.). Въ доказательство сказаннаго онъ приводитъ: будь слово «чудь» славянское, оно должно бы звучать, какъ «чуты» или, по русски, чуты (чуть, чють), по крайней мѣрѣ такъ надо полагать по даннымъ литовскихъ нарѣчій. Я не знаю, какъ это слово должно было бы звучать, но я знаю, что русскіе по сей часъ нѣрѣдко плохо различаютъ звуки *д* и *т*, постоянно замѣняя одинъ другимъ, особенно тогда они не подъ удареніемъ: (таъ—даъ, оудуться—очуться, тетрадь—тетрадь и проч.), отъ чего и нынѣ еще говорятъ и чудь и чуть. Затѣмъ я знаю еще, что такой формы (собирательной, т. е. множественное число, въ формѣ единственнаго), какъ чудь, бѣлье, платье, русь, ливъ и др. кромѣ славяно-русскаго языка нѣтъ и не было у европейскихъ народовъ; следовательно не могла она быть и готской (Гедеоковъ. Отрывки изъ изслѣдованій о нар. вопросѣ, стр. 14).

³⁾ Статьею готскимъ о расселеніи племенъ въ средней Россіи признаетъ за составленную чело-вѣкомъ, хорошо знавшимъ положеніе дѣлъ, т. е. всего вѣрнѣе, мѣстнымъ (Труды Ярославск. Областного Съѣзда, стр. 99).

ціи), которое не рѣдко весьма не точно ¹⁾. Славянизмъ можно подозревать и въ словѣ мера, при чемъ выразили оны смягченіемъ гласныхъ, каковой приемъ для Ярославской губерніи имѣеть мѣсто до сихъ поръ ²⁾. Такимъ образомъ возможно, что слово мера должно произойтись, какъ мора, что почти тождественно съ черемисскимъ мэры—человѣкъ, людинъ, мужъ ³⁾. По всей вѣроятности, на основаніи подобныхъ послѣднему сближеній составитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ (или, вѣрнѣе, его источникъ) и наваль жителей Ростовской земли черемисами, пояснивъ, что именуются они не черемисами, а отиами (нынѣ вотяками). Слово отякъ, какъ и слово мера, славянено; сами себя отяки зовутъ отъ, утъ; отъ—муртъ, утъ—муртъ=человѣкъ, мужъ ⁴⁾. Славяне прибавили сперва къ слову «отъ» в дѣя благозвучія и смягчили окончаніе, говоря: вотъ, водъ, а потомъ изъ этого слова женскаго рода собирательной формы сдѣлали слово мужскаго рода уменьшительной формы: вотъ-акъ=вотякъ (к: чуд-акъ, кул-акъ и пр.).

Если припомнить, что у Новгорода на «землѣ св. Софіи» была цѣлая пятина «Вотская» или «Водская», располагавшаяся въ С.-З. отъ него, между р.р. Волховомъ и Лугой ⁵⁾, что въ уставѣ Ярослава о мостахъ упоминается у того же Новгорода «Вочная ста» ⁶⁾, что въ новгородскихъ лѣтописяхъ есть указанія о проживаніи оти—отиковъ съ ижорой и имью (емью) еще въ XI в. въ мѣстности Петербургской губерніи, почему возникло и названіе вотской земли—пятинны; что остатки оти, по Костомарову ⁷⁾, живутъ по нынѣ въ Нарвскомъ уѣздѣ Петербургской губерніи; что подъ чудью лѣтописи (участвовавшей въ призваніи князей), по Соловьеву, скрывается точно такъ же отъ древней отьской земли или пятинны, потомковъ которой русскіе сосѣди до сихъ поръ зовутъ

¹⁾ Въ писцовыхъ книгахъ Корельскаго уѣзда 1595 г. финская деревня и село Кюма-Яри превращена въ *Кумерен*. (Опытъ истор. изслѣдованія о жемчужинѣ земель въ Россіи. Иванова).

²⁾ Здѣсь и сейчасъ можно слышать: яверъ (ижорь), зерьяло (зеркало), сестеръ (сестеръ), чайну (чайну), Фриде (Фриде) и проч.

³⁾ Труды VII археол. съезда, т. II, стр. 223. Мера в Ростовское княжество. Д. Корсаковъ, стр. 29. Кастрель тоже думаетъ, что форма «мера» есть славянскія.

⁴⁾ Энциклопедическій словарь. Плюшаръ т. XII. Корсаковъ, стр. 4.

⁵⁾ Лекція по Русской исторіи, С. Ф. Платоновъ, стр. 103. Въ шалованной грамотѣ вел. князя Василія 1530 г... пожаловалъ... въ великомъ Новѣ городѣ, въ Вотцкой пятинѣ у студенатаго моря отъ лавискихъ ибмездъ съ рубежа лопъ крещеную и некрещеную Шунъ рѣкъ... да у Кема рѣкъ (противъ ос.ос. Соловецкихъ)... А кода прѣдутъ тѣ лопяне въ Новѣ городѣ съ товариомъ... (Продол. древ. русск. законодѣлан, 1789 г., ч. V, стр. 191).

⁶⁾ Т. е. сотни. Она упоминается четырнадцатою, а семнадцатою—лопоян. (Рус. лопари. Н. Н. Харузинъ, стр. 17).

⁷⁾ Съв. рус. народоустройства, т. I, стр. 398. Энци. словарь Брокгаузъ и Ефронъ, ст. П. Матвѣева.

чудью¹⁾, и что въ Ростовѣ былъ Чудскій конецъ (улица), какъ свидѣтельствуесть о томъ писемность и народная память²⁾, то показаніе Исторіи о Казанскомъ царствѣ объ отяжахъ въ Ростовской землѣ получить не малую долю вѣроятности. Въдь отягамъ, живущимъ нынѣ по Камѣ, въ Казанской, Вятской и Пермской губерніяхъ, для того, чтобы попасть въ новгородоніе предѣлы или обратно, трудно было миновать Ростовскую землю. Эта вѣроятность станетъ почти несомнѣнностью, если къ сказанному прибавить извѣстіе, что у отяговъ до сихъ поръ существуютъ особые союзы селеній, представляющіе нѣчто вродѣ русскихъ «приходовъ», въ которые селенія соединяются для отправленія общими силами большихъ общественныхъ жертвоприношеній и мольбищъ (или молянъ), требующихъ значительныхъ издержекъ³⁾, и которые (т. е. союзы) у нихъ называются *мерами*. Въ этомъ названіи «*мер*», видимо, и заключается разгадка имени «*меря*», даннаго

¹⁾ Подъ тѣмъ же именемъ «чуди» въ Вятской губерніи на р.р. Чепецъ и Камѣ скрыты, видимо, также отяги—предки нынѣшнихъ. Вятскій летописецъ, сохраниваемый въ данныхъ случаяхъ преданіемъ и названіемъ урочищъ, свидѣтельствуесть, что на Чепецѣ въ XII вѣкѣ жила два народа: чуди и отяги (Энцикл. слов. Брокг. и Ефронъ). Въ Кошманскѣ (Кошманскѣ)—мѣстности въ водоемѣ р. Кошманскя, Тотемскаго уѣзда, Вологодской губерніи, слово чуди распространено повсемѣстно (многодѣ, какъ брань) и имѣеть значеніе: странный, невзрачный, дивный, сильно обросшій волосами и (рѣже) съ бѣлыми свѣроточными глазами. Оно применяется въ только къ отдельнымъ лицамъ, но и къ обществу, напримѣръ италіямъ дѣлать селеній или даже околотовъ. Чуди представляется здѣсь кзычниками, не признающими праздниковъ, неходящими въ церковь, нечитающими молитвъ, безграмотными, проводящими жизнь въ лѣсу или на работѣ, но все-таки бѣдными. На радѣ съ кзычюю «чуди» держится и кзычю: моравъ, зыр, зырана, корела. Отличительнымъ для корель—чуди считаютъ сѣвнорусскій цвѣтъ волосъ (бѣлобрысость), честность, злопамятность и туповатость. Сохранялись преданія и о борьбѣ съ чудью, о ея защитѣ въ городищахъ, о лужахъ и стрѣлахъ, о немеланія креститься и во избѣжаніе крещенія тѣлѣ. Словомъ подѣ тѣмъ же издѣланной крѣпости въ земляничнѣ-лѣсахъ. Эти нѣмъ зовутъ чудскими и сохраняютъ слѣды языка (Живая старина, 1903 г., в. I—II, стр. 102).

²⁾ Мера въ Ростовское княжество. Д. Корсаковъ, стр. 14. Въ повѣсти о водвореніи христіанства въ Ростовѣ (XVII в.): «чюдескый (или чюдскій) конецъ (Ростова) поклоняшеся идолу вмѣку» — Велесу, соврущенному св. Аврааміемъ въ XII в. (Планин. старин. русск. литературы. Костомаровъ, I, стр. 221—225, выдержки отсюда у А. С. Фаминцина—Божества древн. славянъ, в. I, стр. 33). Нынѣ этотъ конецъ зовется Чудская слобода (Ир. Г. Вѣд., 1885 г., № 55). Въ Новгородѣ были Чуданцыи улочно и посаломъ (И. Забѣлаш. Ист. русск. жизни), въ Ярославской губерніи много селеній съ названіемъ отъ чуд., чудимъ: Чудиново въ Любим. (2), Мологов. (1), Рыбин. (2), Роман. (2), Яросл. у.у. (1); Чуданка въ Пошех. и Чудино въ Роман. у.у. (Алфа. указатель селеній Яр. губ. Ап. П. Крыловъ). Могли эти названія произойти и отъ фамиліи, но такъ какъ она въ свою очередь происходитъ отъ произношенія чудины, то доказательность названій селеній не уменьшается.

³⁾ Для приобрѣтенія жертвенныхъ шмотокъ, припасовъ для общаго угощенія и проч., все это приобрѣтается въ складчану. У древнихъ русскихъ также варяжскіе праздники общественными лаво и браго, въ былинахъ (Древн. стихотворенія Кир. Давидова, стр. 52) разсказываются, напр., что у новгородскихъ мущиковъ Никольской братчины былъ устроенъ «мкунъ-варель» или мкунъ и что Буслемъ пожелалъ войти въ братчину пѣвцакомъ со своей дружиной, для чего обратился къ церковному старостѣ, старшему въ братчинѣ, и заявилъ ему, что за право участія въ братчинѣ онъ платитъ «смынъ» (пай) въ размѣрѣ пяти рублей съ каждого своего дружинника.

русскими славянами ростовскимъ отякамъ, а равно и объясненіе того, на первый взглядъ, страннаго явленія, что мери вдругъ и безслѣдно исчезаютъ положительно невѣдомо куда, замѣняясь позже отяками, хотя другіе инородцы, ея сродичи, а частью и сосѣди (черемисы) продолжаютъ существовать до сего дня почти на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ.

Имя, конечно, могло исчезнуть, замѣниться другимъ или забыться, но народъ пропасть такъ быстро и такъ безслѣдно, какъ можно было бы это допустить и какъ дѣйствительно и допускалось на основаніи молчанія источниковъ о мерѣ, не могъ ни какимъ образомъ. Не могъ тѣмъ болѣе, что нѣтъ никакихъ указаній (хотя бы въ видѣ только смутныхъ преданій) на массовое уничтоженіе его. вродѣ воинъ и т. п. О значительныхъ и массовыхъ передвиженіяхъ инородцевъ сѣверной Россіи начальная лѣтопись также ничего не говоритъ. Но это понятно: скоро замѣтить передвиженіе при рѣдкости населенія и при его полукочевомъ бытѣ довольно трудно: оно мѣста мѣняло постоянно, да и сидя на мѣстѣ, было почти всегда въ разбродѣ, на промыслѣ. Кромѣ того, одновременныя, быстрыя и значительныя переселенія едва ли и имѣли мѣсто: преобладало, всего скорѣе, медленное, мало замѣтное отступленіе и выселеніе семьями и родами. Не говоря о передвиженіяхъ инородцевъ, лѣтопись упоминаетъ о самыхъ инородцахъ, имена большинства ихъ мелькаютъ на ея страницахъ до позднѣйшаго времени. Но о мерѣ лѣтопись замолкаетъ съ X в. ¹⁾ Это непонятное явленіе объясняли разнo: несуществованіемъ мери, какъ особаго народа, быстрымъ обрусѣніемъ и поглощеніемъ ея славянами (большинство), вымираніемъ и т. д. ²⁾ Первому объясненію противорѣчитъ ясное указаніе лѣтописи ³⁾, второму и третьему то обстоятельство, что другія, родственныя мери, племена не обрусѣли и не вымерли еще до сихъ поръ, хотя все время остаются въ тѣсномъ соприкосновеніи съ русскими, какъ то: черемисы, мордва, корелы, финны, чудь и др. Стало быть, причина явленія скрывалась въ чемъ нибудь иномъ и дѣло разъясняется, видимо, просто. Слово «меръ» — «меры»

¹⁾ Корсаковъ (стр. 8) сообщаетъ, что о мерѣ упоминаетъ Адамъ Брехевскій (около 1070 г.); Шведъ Эвортъ Гернъ въ отношеніи отъ 21 марта 1615 г. въ Московскую Боярскую Думу передаетъ своего короля Густава-Адольфа между прочимъ арцухоиъ эстерскимъ и несмерландскимъ, т. е. весь-мерландскимъ (или нес-мерландскимъ?)

²⁾ Тоше, стр. 49. Лекція по Русск. исторіи, С. Ф. Илатоновъ, стр. 89 и др.

³⁾ Если «меря» было не болѣе, какъ этнографическій терминъ, то ради послѣдственности и всѣ др. названія нумно признавать за то же. Однако это не допускается дѣйствительностью; черемисы, мордва и проч. не торваны, а народныя имена.

было действительно не имя народа, а наименование одной изъ его общественныхъ группировокъ—молебнo-жертвоприносительныхъ союзовъ¹⁾. У насъ на вопросъ: кто вы? весьма часто слышишь въ отвѣтъ: старообрядцы, крестьяне, каменщики и т. д. Тѣмъ болѣе подобный отвѣтъ могъ дать древній финнъ (отякъ), когда его спрашивали, кто онъ и, не удовлетворяясь отвѣтомъ: «отъ, уть»—человѣкъ, добивался узнать имя его народности, дѣлая соответствующія разъясненія въ родѣ напр. такого: «Отъ»—каждый изъ васъ, а какъ всѣ то вы зоветесь? Вотякъ до нынѣ не доразвился еще до понятія «народность», самой крупной общественной единицей у него была и остается жертвоприносительная община, называемая имъ «маръ». Это наименование онъ и сообщалъ добивавшимся узнать его народное имя, за каковое оно и принималось вопрошавшими. По своему обѣ стороны были правы и соглашеніе состоялось на общемъ недоразумѣніи²⁾, длившемся 300—400³⁾ лѣтъ и создавшемъ научное недоразумѣніе, существующее до сихъ поръ. Я далеко отъ мысли, что мнѣ удалось разрѣшить это недоразумѣніе: въ моемъ толкованіи не одно положительное, много въ немъ и только возможнаго, но кажется, оно болѣе другихъ согласуется съ имѣющимися свѣдѣніями, между прочимъ крайне скудными, разбѣянными крупичами тамъ и сямъ и, притомъ, достаточно сбивчивыми, вслѣдствіе чего орудовать съ ними весьма трудно.

И такъ мерей, обитавшей, по лѣтописи, въ водоемахъ Ростов-

¹⁾ А. В. Лонгиновъ (Зап. Одесск. Общ. ист. и др., т. XXV, стр. 398) ссылается на принадлежавшую «вѣроятно къ кругу тѣхъ народностей, которыя назывались куулинг (кульфинг)»—колыбями въ Гардарики уже при первомъ ея князѣ Радбардѣ (Ратяборѣ), жившемъ приблизительно, по скандинавскимъ свѣдѣніямъ, въ началѣ VIII в. . Думается, что Радбардъ сохранилъ по Ратяборъ и, при томъ, не только какъ имя, но и какъ человѣкъ, т. е. по народности; Радбардъ—скальдическ., Ратяборъ—славянск. Отношествать мерю съ колыбами, принимаемыми большинствомъ за литовцевъ, тоже имѣть основаній.

²⁾ Разумѣется, не непременно имѣвшее приведенный здѣсь видъ, но несомнѣнно возникшее на неправильномъ истолкованіи и уразумѣніи термина «маръ». Мордовцевское мегуэ—игнменюэ (жертвенное животное). Яа. Граммъ (Журн. М. И. Пр., 1846 г., отд. II, стр. 160) приводитъ еще: фин. meгі, др. верх. нем. meгі—меро. Пожалуй, можно бы думать на основаніи этихъ словъ и обитанія мери по берегамъ двухъ большихъ озеръ, что названію ея происходитъ отъ слова meгі—мере, но во 1-хъ, оно взято финнами отъ германцевъ, во 2-хъ, не могло бы удержать такой формы, а должно было бы принять производную: морининъ, покоръ, морикъ и въ 3-хъ, для «озера» у финновъ есть особое слово. Вѣроятно, что съ др. вер. нем. мери (meгі—мере, вода) связано западно-славянское меречи, мяречи, мяяречи—болото и названіе рѣчки Меречанка (притокъ Нѣманы. Ист. др. Руси. Н. Филевичъ, т. I, стр. 92, 106), вслѣдствіе чего на основаніи существованія у славянъ слова меричи нельзя также заключать, что племяное названію «мерл»—славянское, хотя въ данномъ случаѣ такое заключеніе имѣло бы подкрѣпленіе тѣмъ обстоятельствомъ, что мери жила действительно въ болотистой мѣстности по берегамъ Ростовскаго озера. Въ Россіи имѣть слова меречи, что и говорить за его заимствованіе отъ германцевъ.

³⁾ А если понимать извѣстіе Юрдана о мерѣ такъ, какъ понимали прежде, то и 500—700 лѣтъ.

снаго и Елещина озеръ, были, по видимому, *отяки*, называемые мѣстами чудью, чухарями, чухонцами.

Но были ли отяки въ Ростовской землѣ туземцами или переселенцами? Татищевъ, Костомаровъ, Соловьевъ, Д. Островскій и др. на основаніи вышеприведенныхъ соображеній думаютъ, что отъ жила первоначально близъ Финскаго залива Балтики, въ Петербургской и частью въ Олонецкой и Новгородской губерніяхъ ¹⁾, но доходить (первоначально) своими поселеніями оттуда до Ярославской губерніи ²⁾ она едва ли могла, такъ какъ для этого она не достаточно большое племя ³⁾. Исслѣдованія Европеуса живыхъ названій урочищъ Ярославской губерніи убѣдили его, что названія эти принадлежатъ югрѣ, а не финнамъ ⁴⁾. Оставляя въ сторонѣ его предположеніе о венграхъ въ Ярославской губерніи, какъ представляющееся сомнительнымъ ⁵⁾, все-таки будемъ имѣть, что близъ отъ жила югра, вогулы и остяки, а тамъ же черемисы; юмѣе ихъ, но юмѣию А. Л. Погодина, помѣнялась лятва ⁶⁾. Тамъ было въ до-русскія времена. Когда же въ Россію явились славяне (т. е. не позднѣе VI в. ⁷⁾), пробрались на Волковъ и Волгу ⁸⁾ и стали постепенно напирать на туземцевъ, то ближайшіе къ нимъ изъ послѣднихъ, т. е. въ данномъ случаѣ отяки (восточная часть ихъ) начали отступать, тѣсян въ свою очередь своихъ сосѣдей. Вотъ такъ и до сихъ поръ.

¹⁾ Европеусъ (Объ угр. нар., стр. 5, Жур. М. Н. Пр. 1808 г., VII, стр. 58) того же мнѣнія, такъ какъ его чудь-лучше признаетъ отяками. Онъ говоритъ, что чудь Тихвинскаго уѣзда говорить сланнымъ первобытнымъ нарѣчіемъ финскаго языка, что указываетъ на то, что отъ-чудь живеть тутъ на своемъ воянѣмъ, основномъ мѣстѣ.

²⁾ Особенно до Ю. ед, до Ростовскаго озера.

³⁾ Мнѣ отякивъ первоначально болѣе 280.000 я мнѣняютъ они въ сложности не болѣе 3—4 уѣздавъ; область ихъ опредѣляется на С. верховьями Кавы и средней Чендой, а на Ю. границей Вятской губерніи; на Ю.-В. предѣлы оуашии Кавы (Видвал, слов. Бром. и Эфрона «отяки»). По другимъ отякамъ въ Вятской губерніи мнѣ 411.570 человекъ, а раселаны они въ 6 уѣздавъ (Журн. М. Н. Пр., 1904 г., III, отд. III, стр. 78).

⁴⁾ Объ угор. нар., стр. 10; Энцикл. слов. Бром. и Эфрона «Отяки».

⁵⁾ Хотя нельзя не вспомнить, что угры кончатъ лѣтнѣемъ среди племенъ сѣверной Россіи. Однако очень неуброитна кажется та громадность угры, которую придастъ ей Европеусъ. Впрочемъ, отяки, что въ Ярославской губерніи есть р. Угра и Ухра. Центръ венгровъ Европеусъ указываетъ между Мологой и Шешмой, а мнѣняютъ они нѣ-жъ Сузала.

⁶⁾ О сандоряхъ говоритъ и Борсакъ (стр. 19), но опредѣленного мнѣнія не высказываетъ, хотя чувствуется, что онъ ослоненъ видѣть въ нихъ финновъ.

⁷⁾ Ибо, судя по Иердану, уже въ VI в. знали чудь. Соболевскій отодвигаетъ время ихъ появленія даже въ порѣ до Р. X. на основаніи соотвѣтствія славянскаго а чюземному у (Журн. М. Н. Пр. 1904 г., стр. 463).

⁸⁾ Одно изъ самыхъ послѣднихъ доисторическихъ движеній славянъ, съ чѣмъ согласенъ и Борсакъ (стр. 48).

но замѣчаніе русскихъ крестьянъ, «бѣжить отъ русскаго, какъ мышь отъ кошки»¹⁾), а подвижность и легкость, съ которою они покидаютъ населенныя мѣста съ ихъ разборными хижинами, отмѣчены еще Г. Ф. Миллеромъ въ XVIII в. Но если отнѣтъ бѣжить отъ русскаго и теперь, когда для сближенія ихъ имѣются различныя приманки, то гораздо болѣе причинъ сторониться отъ русскаго было для него въ пору ихъ перваго знакомства.

Славянское поселеніе по Волхову, двигаясь къ устью послѣдняго, влиномъ врѣзалось въ страну отяговъ и раздѣлило ихъ на двѣ части — западную и восточную. Первымъ некуда было отступать и они остались на мѣстѣ, образовавъ нозже Вотскую пятину, вторые же начали подвигаться къ В. Но встрѣтивъ здѣсь югру и черемисъ, увлонились къ Ю. и передвинулись въ южную часть Ярославской и сѣверную часть Владимирской губерній, гдѣ и жили до X, а можетъ быть, и до XII—XIII в., «до русскаго крещенья», отъ котораго, при усиленіи проповѣди и принудительнаго распространенія христіанства, сбѣжали въ «Болгарскія жилища государства Казанскаго... и тамо кочевное житіе татарское изволиша»²⁾). Нынѣ положительно установлено³⁾, что отнѣи прежде чѣмъ поселиться на нынѣшнихъ своихъ мѣстахъ жительства, обитали значительно западнѣе, а именно вмѣстѣ съ зырянами⁴⁾ и черемисами занимали восточную часть Костромской и юговосточную часть Вологодской губерній⁵⁾.

¹⁾ Энцикл. словарь Брокг. и Ефрона «Вотинъ».

²⁾ Можетъ быть, нѣкогда мѣсто выселенія изгородцевъ изъ-за Суздаля и на З., или говорить историкъ, дорогу куда пошелъ Олегъ, набравшій въ 860 г. большую рать изъ славянъ, кривичей, веси, чудь и мери и проч. обитателей средней Россіи и двинувшій ее въ завоевательный походъ на Смоленскъ, Любечъ, Киевъ, древлянъ, сѣверянъ, радимичей, дулебовъ, тиверцевъ и хорватовъ, которыхъ и обложилъ данью (Карамзинъ, Ист. гос. Россійск., 1830 г., т. I, стр. 14). Возможно, что въ путевыхъ известіяхъ древнѣйшихъ венгерскихъ лѣтописцевъ подъ именемъ Гулець (Hules) и дѣйствительно скрывается Олегъ, или гадать Европеусъ.

³⁾ Н. Я. Смирновымъ и др.

⁴⁾ Европеусъ (Журн. М. Н. Пр.) указываетъ ихъ и въ Московской губерніи.

⁵⁾ Энцикл. словарь Брокг. и Ефрона «Вотинъ», гдѣ и литература. Томашевъ предположительно отяговъ, черемисъ и зырянъ вадить въ будиныхъ Геродота (Журн. М. Н. Пр. 1901 г., ян. II, стр. 517). Также думаетъ и Я. Е. Заблудъ (Ист. русск. языка), толкуя: будиный—вудиный—удиный, утиный,—ут-ниъ, а с припиской на благозвучную славянскую приставку. По Геродоту будиные жили къ В. отъ Скиѳовъ, а къ Ю. отъ нихъ сарматы, напоминающіе названіемъ чудашское прозвище черемисовъ «сарматы». А. И. Соболевскій (Журн. Мин. Н. Пр., 1904 г., VI, стр. 461) полагаетъ будиновъ не далеко отъ Киева, толкуя, что будиный г. Гелонъ въ болѣе позднемъ славянскомъ говорѣ будетъ Желанъ и утверждая, что Вильгельмская лѣтопись подъ 1092, 1136, 1162 и 1169 г.г., а Лаврентіевская подъ 1093 и 1146 г.г. знаетъ р. Желанъ или Желана близъ Киева, отождествляемому нынѣ съ р. Борщоговской—притокомъ Ирпеня, на которой есть д. Желане. Рубриковъ (XIII в.), говоря о мордѣ, полагаетъ: За Доломъ къ С. идутъ громадные лѣса, въ которыхъ живутъ два народа (ярънѣ, племн—geneta hominum) мюксель (Moxel),

Такимъ образомъ имѣется цѣлый рядъ достаточно обследованныхъ и отмѣченныхъ письменностью или названіями урочищъ станцій пути отяговъ отъ Балтики до Урала. Это: Вотьская пятина (Нарвскій и Тихвинскій уѣзды), можетъ быть, Тотемскій уѣздъ, Ростовъ, приветлужье и, наконецъ, Кама.

Если обратить вниманіе на остальныхъ инородцевъ, бывшихъ со-сѣдей отяговъ, то не трудно замѣтить, что они по отношенію къ отк-намъ и нынѣ располагаются почти въ томъ же порядкѣ, въ какомъ размѣщались, живя на западѣ въ доисторическія времена. Вотяки рас-положились въ Приуральѣ, вогуды на Уралѣ, особенно на восточныхъ склонахъ его ¹⁾, а за ними остяки ²⁾. Слѣдовательно за исключеніемъ части отяговъ, оставшихся у Финскаго залива, вся группа инородцевъ сѣверо-западной части Россіи передвигалась на В. цѣлкомъ, всей со-вокупностью.

Что касается исчезновенія въ лѣтонисіи съ X в. имени мери, то такое явленіе объясняется не однимъ выселеніемъ ея изъ русской земли, а еще и тѣмъ, что русскіе внѣдрились въ мерянскій народъ и расчле-нили его этимъ на отдѣльныя единицы и небольшія совокупности ихъ. тѣсно перемѣшанныя съ русскими. При такихъ условіяхъ не могло быть мери, а могли быть лишь отдѣльные меряне или меричи среди русскихъ (какъ въ другихъ мѣстахъ были чудины, угрины, полоччане, черемисы и пр.), которыхъ, почти несомнѣнно, можно было бы встрѣ-тить въ болѣе древнихъ бумагахъ, если бы послѣднія дошли до насъ. Что выселилась изъ Ярославской губерніи «отъ русскаго брещенія» не вся мери-оть, въ этомъ не можетъ быть сомнѣній, такъ какъ еще въ

чистые измѣняя, называющіе законовъ (божьихъ); они не имѣютъ городовъ а шлуть въ пелашахъ (лачуж-ныхъ—сауліа) среди дѣсовъ, либа въ изобиліи свиной, медъ а воскъ, драгоценныя мѣха и соколовъ. За ними живетъ другой народъ, называющійся *мерда* (merdae), а у латынянъ—мордяны (Mordvini); они сарацины (турки, мусульмане. Изв. Общ. арх. вѣд., этн., т. X, в. 3, стр. 305). Въ первыхъ вѣдѣхъ морду—юкшу; во вторыхъ морду—врю. Ничъ кажется, что въ послѣднихъ вѣрше вѣдѣхъ мерю, ибо Рубрувисъ, зная названіи «мордяны», называетъ своихъ сарациновъ не мордянами, не мордеи, а мердеи и, чтобы не быть невѣрно понятымъ, оговаривается, что мордянами они зовутся лишь у латынянъ, а не въ дѣйствительности. По преданіямъ отяговъ, родоначальницей ихъ была свиная; «свиная отяку мать была»; въ ее великій грѣхъ (Живая стар., 1900 г., в. I—II, стр. 203). Это преданіе, вѣроятно, возникло въ силу того, что свиная была прародичею (или стала разводиться домашнею) у вотяковъ раньше другихъ животныхъ. У морды, какъ сейчасъ видѣли, домашней упоминается лишь свиная, которыхъ обвѣіе.

¹⁾ Въ сѣверной части Верхотурскаго уѣзда Пермской губерніи въ юго-западной Березовскаго уѣзда и сѣверо-западной Тобольскаго уѣзда, Тобольской губерніи (Энци. слов. Брокг. и Ефр.).

²⁾ По Оби, Иртышу и притокамъ—Кондѣ, Васюгану и др. въ Тобольской губерніи и въ Перм-скомъ округѣ-уѣздѣ Томской губерніи (такъ же). •

XVIII в. существовали Мерскіе и Мериновскіе станы ¹⁾ и волости, называвшіеся такъ, конечно, не ради одного воспоминанія (особенно въ болѣе раннее время) о первоначальникахъ края, а въ силу необходимости, въ силу того, что въ такихъ волостяхъ и станахъ дѣйствительно жила и преобладала меря ²⁾. Въ цѣломъ земля и народъ меря исчезли, ими завладѣли русскіе и, какъ хозяева, сообщили свое имя всему хозяйству. Но послѣднее имя, общее для всего хозяйства, не могло уничтожить названій отдѣльныхъ отличныхъ другъ отъ друга частей его, вслѣдствіе чего и видишь въ Ростовѣ Чудскій конецъ, Галичъ мерьскій, дер. Мериново, станъ Мерскій, отяговъ въ качествѣ ростовской черни, а близъ Ростова д. Казарку, памятникъ хозарскаго владычества и т. д.

Что касается литвы въ предѣлахъ Ярославской губерніи, то сказать о ней что-нибудь опредѣленное пока еще очень трудно; кромѣ общности названій нѣкоторыхъ урочищъ, отмѣченныхъ выше, да загадочныхъ сицбарей, научно совершенно неизслѣдованныхъ ³⁾, для рѣшенія вопроса нѣтъ ничего. Однако здѣсь не лишнимъ будетъ отъйтись мнѣніе А. Л. Погодина ⁴⁾, что литовско-финскія отношенія, по скольку они выясняются изъ языка, предшествовали германо-финскимъ, т. е. имѣли мѣсто не позднѣе II в. по Р. Х. ⁵⁾ и что въ то и пред-

¹⁾ Станъ въ Московскомъ вѣмествѣ появился (въ письменности) съ XIV в.: въ договорной грамотѣ Дмитрія Донскаго съ Влад. Андр. 1368 г.: а черные люди (потяти) въ *становишюму* (Левшия по исторіи русск. законодательства. П. Д. Бѣляевъ, стр. 318); были становичи, были и стани.

²⁾ Переяславскій уѣздъ Владимирской губ. еще въ XVI в. назывался Мерскимъ станомъ (Куряковъ, стр. 14). Въ Кашинскомъ уѣздѣ еще въ XVIII в. была Мериновская волость и Мерсцкій станъ; Кашинскаго уѣзду мерскаго стану, восточныя живоначальныя троицы Колѣзкин монастыря с. Чалкино и д. Левушино... (архивъ Яр. Арх. Комм., Переясв. кв. № 140, 1717 г. и 1709 г. л. 22), а въ Ярославской провинціи Мерскій станъ. О нѣкоторыхъ мѣстностяхъ съ именемъ Мерскій см. еще Меряне и ихъ бытъ по дан. кур. раск. гр. А. С. Уваровъ, страница 10. Въ Костромской губерніи, въ Макарьевскій уѣздъ, есть селенія—Сяель-Мерскій и Егорій-Мерскій; въ Кляшешемскомъ уѣздѣ (по Холмогорскому) р. Меря (Древн. сантъинъ Ростова Великаго, изд. гр. Мих. Толстого, изд. 2, стр. 7).

³⁾ С. А. Мусинъ-Пушкинъ (Очерки Мологскаго уѣзда стр. 11) сообщаетъ, что сѣтьсари длинноголовы, но не указываетъ, откуда взялъ это сѣдѣніе, что очень мало.

⁴⁾ Изъ Истор. Слав. переданій, стр. 3, 92.

⁵⁾ Готы въ Россіи появляются около 215 г. (тамъ же стр. 22, 24), на Вислѣ и берегахъ Балтики съ IV в. до Р., на правой сторонѣ Вислы во II в. по Р. (Ж. М. Н. Пр. 1901 г. кн. II, стр. 506 и 510). Европеусъ (Объ угор. нар. стр. 19) опредѣляетъ время германо-финскихъ отношеній иначе. Онъ говоритъ, что родина финновъ была около Ладожскаго и Онежскаго озеръ и что здѣсь финны имѣли тѣсное сношеніе съ готами, нераспространявшимися тогда далѣе острова Эзеля, причѣмъ финны заимствовали слова у готовъ тогда, когда к и р въ германскомъ языкѣ не измѣнились еще въ h и f, что случилось до Р. Х. По мнѣнію Тонссена, около Р. Х. финны, тогда еще неразвѣтленные, подвергались сильному литовскому влиянію, которое для шведовъ и черемисовъ продолжалось и послѣ отдѣленія ихъ отъ западныхъ финновъ; готское же влияніе началось позже, уже послѣ разрыва финнск. на западныхъ и восточныхъ (Иза. общ. арх. ист. и этн. т. X, вып. I, стр. 67). Ян. Гриммъ (Журналъ

шествовавшее время сдѣланы тѣ замѣтванія изъ иранскаго языка, которыя общи языкамъ литовскому и финскому. Это мнѣніе даетъ лишнюю дату для опредѣленія времени появленія финновъ въ Россіи.

Такимъ образомъ изъ обзорѣнія мнѣній о дорусскомъ населеніи сѣверной половины Россіи, кажется, достаточно выяснилось, что финновъ изъ числа ея первоначальниковъ¹⁾ исключить нельзя: нѣтъ основаній. Однимъ изъ послѣднихъ, оспаривавшихъ это положеніе, является Д. П. Европеусъ, отдающій предпочтеніе югрѣ. Дѣлаетъ онъ это на основаніи языка, который, обособляя для доказательства своего положенія, въ то же время ставитъ въ непосредственную связь съ финскимъ, на который ссылается, ища въ немъ подтвержденія своимъ построеніямъ²⁾ и, основываясь на этой связи, объединяетъ два плотски совершенно различныхъ племена финское короткоголовое съ югорскимъ длинноголовымъ въ одинъ народъ финно-угровъ (венгровъ). Но поступаая такъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и обособляетъ названныя племена.

М. Н. Пр. 1846 г., III, отд. II, стр. 149) относилъ финновъ къ древнѣйшимъ обитателямъ Европы. По его мнѣнію, они жили въ ней до появленія германцевъ, одновременно съ кельтами (галлами), тоже древнѣйшими ея обитателями, занимавшими нѣкогда тѣ мѣста Европы, которые позже заняли германцы, отъѣхавшіе одновременно финновъ къ С., а галловъ къ З. Эти заключенія, добытыя изслѣдованіемъ языка, подтверждаются въ общихъ чертахъ и изученіемъ древностей. Присутствіе кельтовъ (галловъ) въ юго-западной Россіи считается установленнымъ (тамъ же, 1904 г., VI, стр. 462), при чемъ А. Нидерле полагаетъ, что славяне знали ихъ подъ именемъ валхъ, влхъ, валехъ (волохъ), какового взгляда держался и И. Е. Забѣлинъ (Исторія русск. жизни...). Но А. И. Соболевскій возражаетъ, говоря, что валханы—валеханы славяне имѣютъ исключительно романцевъ, румыновъ и италянцевъ; онъ думаетъ, что чистыя кельтовъ (галловъ) славяне называли словомъ близкимъ къ греческому γαλαταί (галаты). Названіе г. Галача, по Соболевскому, въ основѣ кельтское («Галичъ»—притяжательная форма отъ гал), за что говоритъ то обстоятельство, что онъ былъ средоточіемъ торговли солью: hal—соль кельтскаго происхожденія и въ средней Европѣ мѣстности добычи соли или торговли ею носилъ названія обыкновенно отъ корня hal—гал. Сверхъ всего у славянъ есть слова, взятые у кельтовъ въ глубокой древности (церк.-слав. яблоко—яблово). Такимъ образомъ галлы являются современниками и соседями финновъ въ средней Европѣ; раздѣлявши эти народы германцы и славяне. Грѣхъ находить слѣды финновъ въ языкѣ сѣверныхъ германцевъ: готовъ, древнихъ верхне-нѣмецкихъ племенъ и особенно скандинавовъ. Напримѣръ гот. rāida, др.-нѣм. rheit, др. сакс. rēda отъ фин. raita—платье верхнее, и (p) въ началѣ словъ было несвойственно германскимъ языкамъ (не всегда); дат. stukker, нов. нидерл. toker, фин. moukari—холодъ, подобнаго слова нѣтъ ни въ одномъ нѣмецкомъ нарѣчій (за то въ русскомъ языкѣ есть: муза и если датчане знали stukker дѣйствительно отъ финновъ, то поздно, ибо сами финны замѣстивали его у славянъ, такъ какъ не знали земледѣлія, а стало быть и помоза—муза); фин. hero (род. п. revon)—лось, др. сѣв. gei, швед. gåi, дат. gåv; фин. roika, rüka—мальчикъ, сынъ, исланд. ruki, шв. pojke—мальчикъ; фин. rida—женщина, дат. rige—дѣвушка; фин. alto—воина, др. сѣв. alda—воина. Этотъ слогъ, по Гримму, нѣтъ въ другихъ, кромѣ упомянутыхъ, германскихъ языкахъ, почему онъ и представляется замѣстиваннымъ (тамъ же).

¹⁾ Точнѣе—ея насельники въ поры помоянныя.

²⁾ Напримѣръ на зырянскій (Объ угор. нар., стр. 7 и 8). См. Отзывъ о взглядахъ Европеуса Н. Н. Смирнова въ Изв. Общ. арх., ист. и этн., т. IX, выш. 2, стр. 49 и 51—отзывъ безпристрастный, но очень неблагоприятный.

разграничивая на основаніи названій урочищъ мѣста ихъ поселеній. Тутъ, говоритъ онъ, нѣтъ ни одного финскаго названія, тутъ въ до-русскія времена жила одна югро-угра, безъ всякой примѣси финновъ ¹⁾; а тамъ, указываетъ онъ въ другомъ мѣстѣ на подобномъ же основаніи, жили только финны. Въ концѣ концовъ начинаемъ затрудняться понимать, зачѣмъ же толковать объ угро-финскомъ народѣ, когда угра сама по себѣ, а финны сами по себѣ ²⁾? Толкуется ради языка, вторый, какъ бы не обособлять югорскій языкъ, все-таки общъ обоимъ племенамъ ³⁾. Разъ же это такъ, то, имѣя въ виду плотскую разность финновъ и югры, необходимо заключить, что однимъ изъ этихъ племенъ языкъ взятъ у другого. И трудно, кажется, сомнѣваться въ томъ, что принять языкъ югрой отъ финновъ, такъ какъ финновъ и численностью больше и языкомъ они сильнѣе югры, постоянно развивая и совершенствуя его, да, наконецъ, и древнѣе югры, такъ какъ сидятъ сѣвернѣе ея ⁴⁾, т. е. шли впереди.

На основаніи говореннаго слѣдуетъ положить, что финны, если не были вторыми насельниками Ярославской губерніи, въ пору мѣстной новокаменки, то по крайней мѣрѣ смѣнили ея новокаменковаго человѣка, принадлежавшаго къ неизвѣстному высокорослому, длинно-головому, вѣроятно, германскому племени. Дѣлаю эту оговорку въ виду того, что неоспоримыхъ слѣдовъ финновъ новокаменки въ Ярославской губерніи пока не найдено и нѣтъ прямыхъ указаній на то, что въ пору новокаменки финны ⁵⁾ уже жили въ ней. О томъ и другомъ можно говорить лишь по наведенію, т. е. гадательно, а именно, имѣя въ виду извѣстіе I—II в. Тацита и Птолемея вообще о финнахъ, Юр-

¹⁾ Напримѣръ около Бѣлаго озера, Мологи и Шексны (Объ угор. нар., стр. 10, 14).

²⁾ Европеусъ даже полагаетъ, что югра-угра въ лопарскихъ преданіяхъ, подъ именемъ чудь, описывается самыми пронырливыми пригами лопарей, а въ финскихъ сказаніяхъ величавыми исполинской силы (тамъ же, стр. 19). Въ лопарскихъ чутто Н. Н. Харузникъ (Русскіе лопари) съ несравненно большимъ основаніемъ видитъ шведовъ; что же касается величавства югры, то о немъ не можетъ быть и рѣчи въ виду малорослости в остяковъ, и вогуловъ. Шведы—самое высокое племя въ Европѣ (И. Тейлоръ. Провск. вѣйдець, стр. 233...108) дѣйствительно могли повзрѣться наплывники финнякъ, которыхъ тѣснили и преслѣдовали. Венгрь I. Буденъ также объединяетъ югру съ финнами; по его мнѣнію, прафинны распались на сѣверныхъ: лояъ, зыряне съ отяками: вогулы съ отяками и венгры,—и южныхъ: мордва, черемисы и суоми (Изв. Общ. арх., ист. и этногр., т. X, вып. I, стр. 86).

³⁾ Европеусъ постоянно привлекаетъ финскіе языки: мордонскій, черемисскій, зырянскій для толкованія югорскихъ словъ, напр. при объясненіи значенія названій кушатуры, кутритуръ, сотигуръ, сайаногуръ, кеченегъ и проч.

⁴⁾ Лопари; въ Азіи югра также является во второмъ изданіи, позади самоѣдовъ, живущихъ и по сию сторону Урала на р. Печерѣ.

⁵⁾ Какъ равно и другія племена, кромѣ упомянутого длинноголоватаго.

дана о мерѣ, мордвѣ, чуди (Thuidos) и черемисахъ IV в. по Р. Х., инглинской саги о каменномъ оружіи вѣстовъ второй половины VI вѣка и отчасти Ген. Лотыша (1224 г.) о томъ, что вѣсты еще въ его время имѣли очень мало оружія, и что съ употребленіемъ и этого немногаго не вполне освоились, дуская въ дѣло чаще всего дубины ¹⁾). Разумѣется, можно и даже должно напирать на то соображеніе, что финнамъ, шедшимъ въ Европу изъ Азіи и, притомъ, судя по лопарямъ, по ихъ развитію (оленоводы) за ледниками въ направленія, какъ показывается расположеніе финской народности въ Россіи, съ Ю.-В. на С.-З., не только не было причинъ, но и трудно было бы миновать Ярославскую губернію и что прежде, чѣмъ попасть къ берегамъ Балтики, гдѣ ихъ отмѣтилъ Тацитъ, они должны были пройти среднюю Россію. Однако это соображеніе, какъ оно само по себѣ не вѣско, все-таки не достовѣрность и можетъ быть оспариваемо, не смотря и на то, что послѣ Тацита чрезъ 300 лѣтъ финны отмѣчаются Юрданомъ уже ближе къ Ярославской губерніи, а послѣ Юрдана его мери указывается русскою лѣтописью и непосредственно въ предѣлахъ этой губерніи. Но вѣдь въ продолженіи 700 лѣтъ, разделяющихъ показанія Тацита и лѣтописи, мери, если она существовала уже при Тацитѣ ²⁾, могла не только передвинуться много разъ ³⁾, но даже и совсѣмъ вымереть.

Однако, такъ ли, иначе ли, но можно считать за несомнѣнность, что если даже не мери, то мурома или какое либо иное, яо все же финское племя сидѣло въ Ярославской губерніи во время Тацита, не вышло еще изъ каменной промышленности, такъ какъ при такой промышленности оставались даже въ болѣе позднѣе время болѣе западныя

¹⁾ Сборникъ археолог. институту, кн. 5, половина первая, стр. 117—121.

²⁾ Конечно, не въ видѣ мери, а отяговъ: картина развитія финновъ, данная Тацитомъ, не позволяетъ допустить бытіе мери уже тогда, отъ прямо говорить: они считаютъ своей образъ жизни большіе удовольствія, чѣмъ стоять надъ иномъ, казномогать надъ бременемъ труда надъ постройкою (шала), безпрестанно дрожать за свое и чужое счастье. Не заботясь ни о людяхъ, ни о *богатахъ*, они достигли самаго рдѣннго: не *знаютъ* желанія молиться, стоять, такъ сказать, выше потребности въ стнцѣ (Первоб. члов. Эх. Клодъ, стр. 71). Если-бы такъ слабо была развита ихъ вѣра, то не могло существовать и молитвенныхъ союзовъ, т. е. меръ. Но съ другой стороны, нельзя забывать, что Несторъ отдѣляетъ чуди-отяговъ отъ отяговъ-мери, говоря, что первые, называемые ннъ чудью, сидѣли у Воряжскаго моря, а вторые у Ростовскаго и Клещина озера; стало быть, и въ его время мери или были не у вѣств отяговъ или у западныхъ зваднсь иначе. Оставаясь безпристрастными, нужно отмѣтить, что урочнаса съ именами отъ и мэр на З. распространены мѣнѣе, чѣмъ въ другія стороны отъ Ростовскаго озера. Юрдановское и Несторовское обособленіе мери отъ чуди говорятъ о законѣ то разлчнн, бывшемъ между той и другой, хотя и обѣ были отягами.

³⁾ Въ Бѣжецкомъ уѣздѣ еще въ XVIII в. была Мещерскій ставъ (архивъ Яросл. Арх. Коми., перепис. кн. № 551).

финскія племена, подвергавшіяся несравненно большому и болѣе на-стойчивому вліянію сосѣдей ¹⁾, знавшихъ уже металлъ.

Обращаясь къ могиламъ финновъ, ихъ не найдешь въ Ярославской губерніи не только изъ новокамники, но даже и изъ временъ историческихъ, когда финны несомнѣнно сидѣли уже въ губерніи. Тѣмъ не менѣе безспорно финскихъ могилъ здѣсь до сихъ поръ не обнаружено, такъ какъ тѣ могилы-курганы, которые принимались гр. Уваровымъ, Ивановскимъ и др. за мерянскіе и весьскіе, теперь ни бѣмъ за такіе не признаются и признаны быть не могутъ ни по ихъ устройству, ни по содержанию, ни по похоронному обряду, ни по времени, къ которому относятся, ни по тому, наконецъ, что, признавъ указанныя могилы за финскія (мерянскія), не найдешь могилъ не только другихъ народностей, жившихъ въ губерніи, но даже и самихъ финновъ болѣе ранняго (до VIII в.) времени ²⁾.

Какъ же понять и чѣмъ объяснить отсутствіе финскихъ могилъ въ Яросл. губ., если только финны дѣйствительно въ ней жили? Устройство финскихъ могилъ. У всѣхъ финновъ и близкихъ къ нимъ племенъ въ болѣе древнія времена, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ пережитки, преданія и, относительно нѣкоторыхъ разновидностей, письменность, могилы были или наземными (на помостѣ-лобазѣ, въ нищкѣ, подъ санями, въ лодкѣ, шалашѣ, подъ камнями или въ каменныхъ огражденіяхъ и пр.), или если и въ землѣ, то весьма мелкія съ едва засыпаннымъ трупомъ и потому легко уничтожаемыми не только людьми и животными, особенно хищными, но въ случаяхъ легкой подвижности почвы (песчаная) водой и вѣтромъ, а въ среднихъ широтахъ гніеніемъ и вывѣтриваніемъ. Есть намеки также на оставленіе умершихъ на поверхности почвы вовсе безъ всякихъ похоронъ, на произволь судьбы, а также есть указанія на убійство и съѣданіе стариковъ ³⁾. Въ Скандинавіи, Лапландіи и Финляндіи

¹⁾ Юго-западныхъ. Литва оставалась очень дикой еще въ XIII в., пріюди въ восторгъ отъ простыхъ бѣлыхъ суконныхъ кафтановъ, которые раздавалъ въ 1386 г. крестившійся ихъ король Ягайло, до половины XIII в. у нихъ не извѣстно ни вождей, ни городовъ. Но Стривозскому, они до XV в. одѣвались лишь въ шкуры звѣрей и полотно. Впрочемъ, русскій мужикъ, въ миссѣ, до XIX в. крокъ овчины, полотно и вестради, тоже ничего не носилъ. (Лещинъ по русск. исторіи, С. Ф. Платоновъ, стр. 112).

²⁾ Связанное не слѣдуетъ понимать такъ, что въ Ярославскихъ курганахъ нѣтъ погребенныхъ финновъ, или, что положительнаго извѣстнаго, погребались въ нихъ, на Михайловскомъ помѣщичьемъ владѣніи XI—XII в. Я самъ нашелъ погребеніе трупа, лежавшаго въ направленіи С./Ю., т. е. по фински. Своими замѣчаніемъ я хочу сказать только, что устройство Ярославскихъ кургановъ не финское.

³⁾ Древности, т. XIV, стр. 133, 170; И. С. Поляковъ.—Письма и отчеты, стр. 64, 151; Бремъ,—Нава, семейс. прилож. № 6, стр. 308 о погребеніи отяковъ. Изв. Общ. арх., истор. и этн., т. X, в. 3, стр. 289; в. 4, стр. 392; т. XII, в. 2. Изв. Общ. ест., антр. и этн., т. LXVI. Русская мысль, 1890, IV отд. 2, стр. 173. Сборн. археол. вѣст., Y, половина 1-я, отд. 1.

ди, гдѣ повсюду много камня, тамъ финны (лопаря) оставили много могилъ («лопарскія могилы» и лопарскія «каменные кучи»), въ средней же Россіи и, въ частности, въ Ярославской губерніи камня на поверхности почвы, въ общемъ, не много, и плосбаго и совѣтъ мало, но за то обиліе лѣса, которымъ и пользовались финны для своихъ могилъ ¹⁾, вслѣдствіе чего отъ этихъ могилъ и не осталось никакихъ признаковъ. Позже, при водвореніи въ Россіи иныхъ способовъ погребенія (курганнаго и сожженія), эти способы наблюдаются и у финновъ, но преимущественно, если не исключительно, лишь у западныхъ ²⁾, и притомъ, въ довольно позднее время, X—XII в.в. Кроме того, въ перешитыхъ способахъ похоронъ у финновъ сохраняются и черты ихъ собственныхъ приемовъ. Такъ напр., начавъ надъ трупами наваливать курганы, они продолжаютъ давать труну свое положеніе, кладя его С./Ю., завертывать мертвыхъ въ бересто, землю подъ ними посыпать бѣлой глиной даже тогда, когда ее нѣтъ по близости, оставлять на могилѣ сани и проч. Эти острововъ Эзеля и Мона, заимствовавъ сожженіе, продолжали употреблять камень для сооруженія могилъ и самое пепелище заваливали. При возможности, не землей, а камнями, наваливая ихъ кучей отъ 1¹/₂—2 арш. высотой, какъ въ древности дѣлали лопаря надъ трупами ³⁾.

¹⁾ Какъ пользовались имъ и лопаря даже въ странѣ камня (см. выше).

²⁾ Изв. Общ. арх., ист. и этн., т. IX, в. 2, стр. 7, 9, 12; Сборникъ археол. изст., кн. V. половина 1-я, стр. 231.

³⁾ Н. Рерихъ (Вѣстн. археол. и ист. 1900 г. вып. XIII, стр. 107, 109, 113), желая выяснить отличія древнихъ финскихъ погребеній, основательно обратилъ вниманіе на тѣ мѣстности, въ которыхъ финны живуть съ древности до нынѣ, сохранили свою самобытность, а именно на прибалтійскія губерніи и острова Балтика. Что же оказалось? Курганы вѣта называютъ *валпе-карре*—могилы венговъ, вепсовъ, т. е. славянъ (въ Калевалѣ Россія называется *Uapõja*—Ванейя. Ж. М. П. 1846 г. III, от. II, стр. 157), а латыши *krive-karre*—привесія или привисскія могилы. Похоронный обрядъ въ нихъ либо сожженіе, либо погребеніе (въ Лифляндіи, Эстляндіи, Курляндіи), послѣднее преимущественно въ низкихъ курганахъ. Находимыя въ курганахъ монеты суть Этельреда и Канута и монеткія отъ XI в. (таковыя отъ Виндны до Нейлаузеня, около Цезельна въ Курляндской губ. и проч.). Отъ обыкновенныхъ кургановъ отличаются курганы, обставленные по подобию каминами; въ нихъ похороны—сожженіе съ насыпью надъ кострищемъ. Затѣмъ встрѣчаются могилы такого устройства: на ровной площади сооружены *квадраты изъ поставленныхъ камней*, внутри ихъ обнаруживаются раскопкой круги и овалы изъ камней, въ которыхъ лежать тѣла съ С./Ю. или Ю. С. На островѣ Эзель господствуютъ *квадраты изъ камней, наполненные мелкимъ камнемъ*, прирывающагося остатка сожженія въ почву. Курганы Эзеля и Мона обставлены по основанію камнями, а въ насыпяхъ сдѣланы въ видѣ различнаго сооруженія, среди вещей большая привѣсъ вещей скандинавскаго пошиба; отсюда эти курганы въ X и не позже XIII в. и привисываютъ норвежамъ. Коренныя финскія похороны безъ насыпей: на ровной мѣстѣ двѣ или четыре булги, въ послѣднемъ случаѣ онѣ расположены удлиненими рядкомъ, длинная ось котораго идетъ З./В.; похоронный обрядъ—сожженіе, остатки котораго сгребались въ кучу—(пепель). Эта куча и обозначалась 2—4 валунами, а иногда еще засыпалась толто землей или забрасывалась камнями по всей поверхности, наметченной валунами. Не лишне отнѣтить, что этики, помняще много изъ своей первоначальной исторіи, ничего не знаютъ о происхожденія кургановъ. Черенки же

Если насыпь дѣлалась изъ земли, то камнями хоть обставлялась по низу, а иногда и вся обваливалась («выстиралась») ими. Труднѣе прослѣдить въ финскихъ курганахъ деревянныя сооружения вслѣдствіе непрочности дерева, но и они отмѣчаются болѣе внимательными наблюдателями въ видѣ ящиковъ или кровель-шалашей. Есть и письменныя указанія на знакомство финновъ съ курганами. Въ грамотѣ новгородскаго архіепископа Макарія про чудь Ингерманландіи и Ладожскаго уѣзда говорится, что она «кладала (въ 1534 г.) мертвыхъ по курганамъ и по каломищамъ съ арбуями» (знахарями) ¹⁾. На основаніи этого извѣстія Европеусъ заключаетъ, что курганы его финской области принадлежатъ древнимъ финнамъ, а самими песомѣнно финскими признаетъ сопки (до 2 саж. выс.) сѣверной части Тихвинскаго уѣзда, гдѣ чудь живетъ до сихъ поръ, говори своимъ языкомъ. Онъ добавляетъ, что въ финскихъ курганахъ черепа коротьноголовы, курганы же съ длинными черепами, въ томъ числѣ и Ярославскіе, рѣшительно приписываетъ югрѣ-угрѣ ²⁾, какъ единственному длинноголовому племени въ сѣверной Россіи. Миллеръ и Аспелинъ принимали ихъ за финскіе ³⁾. Но ни тотъ, ни эти не правы. Ярославскіе курганы не финскіе по тому, что черепа въ нихъ почти исключительно длинные, а въ болѣе древнихъ, дославянскихъ и безъ исключенія длинные, не югорскіе же они (какъ и не финскіе) по тому, что погребено подъ ними очень рослое племя, въ среднемъ: отъ 2 арш. 5 в.—2³/₄ арш.

Вятской губерніи разсказываютъ, что ихъ насыпали вежеланы, вытряхивая изъ лаптей землю, избравшися туда при ходьбѣ. По малорусскому сказанью курганы наваливало войско «Буницъ» (польвовскій князь Буницъ) башмачами на привалахъ (Живая Старина 1900 г. вып. I—II, стр. 200 и 209).

¹⁾ Объ угор. вродѣ..., стр. 5. Европеусъ толкуетъ: арбуи-арпои (вгроја, арбоја=ворошея шребіаи), каломища—калмисто (калмисто=могильникъ, калмѣще, отъ калмо=могила, но почему «калмѣще» не отъ «коло», «коль»). Можетъ быть, чудь пользовалась и готовыми древними курганами.

²⁾ Тамъ же, стр. 11, 15 и 16.

³⁾ Тамъ же. Европеусъ не соглашается; по его мнѣнію, Аспелинъ «не приводитъ никакихъ доказательствъ, которыя могли бы поддержать вѣрнѣе». Но самъ тутъ же доказываетъ принадлежность угрѣ кургановъ около посада Бѣжицъ тѣмъ, что найденныя въ нихъ сбруйныя украшенія (чистѣйшаго скандинавскаго типа) сдѣланы не изъ бронзы, а изъ мѣди, которой не было въ Скандинавіи, будто бы, до христіанства, особенно золотистой (1,5⁰/₁₀₀), извѣстной въ Россіи только на Алтаѣ. Мѣдь въ Скандинавію могла попасть десятками путей, скандинавскій же узоръ могъ входить только отъ скандинавовъ, а особенно въ страну дикихъ финновъ, и на какой бы мѣди онъ не былъ выполненъ, онъ выполненъ скандинавомъ, а не чудякомъ. Типъ скандинавскаго узора въ его полномъ выраженіи (какъ на указанныхъ вещахъ) такъ рѣзко, определенно и совершенно отличенъ отъ всего остального, что не отличить его съ перваго же взгляда, весьма мудрено. Нѣкоторую преемственную связь его съ «чудскими» узорами можно видѣти, но за высшее развитіе послѣдняго его можно принимать только при условіи, что этого развитія онъ достигъ въ скандинавскихъ рукахъ.

ростомъ мужчины и 2 арш. 3 в.—2 арш. 8 в. женщины ¹⁾; причѣмъ преобладаютъ болѣе крупныя цифры.

Такимъ образомъ можно сказать, что населеніе Ярославской губерніи поры новокамники кургановъ не знало и что не употребляло ихъ и финское населеніе губерніи вплоть до появленія въ ихъ землѣхъ индоевропейскихъ поселенцевъ, познакомившихъ ихъ кромѣ кургановъ и со многими другими.

Финновъ въ губерніи застаесть исторія, начинающаяся здѣсь хорошо развитой желѣзницей и они служатъ переходомъ отъ праисторіи къ исторіи. Но прежде, чѣмъ заняться историческимъ временемъ, скажу еще нѣсколько заключительныхъ словъ о новокамникѣхъ.

Выше сказано, что во время новокамники въ Ярославской губерніи жили два существенно отличныя другъ отъ друга племена: высокое, очень сильное ²⁾, длинноголовое и косозубое, вѣроятно, германское и низкорослое, короткоголовое, прямозубое, коротконогое—финское. Первое исчезло безслѣдно ³⁾, оставивъ лишь могилы; второе, пожалуй, тоже исчезло, но не безслѣдно, его захватила исторія, письменность, оно оставило много названій живыхъ урочищъ и слѣды въ языкѣ и въ типѣ населенія ⁴⁾, но могилъ его не сохранилось, не извѣстно.

Которое же изъ этихъ племенъ явилось въ губернію раньше?

Точно отвѣтить на этотъ вопросъ трудно. Вотъ нѣсколько данныхъ для его рѣшенія.

Прагерманцы ⁵⁾, какъ сказано и насколько пока выяснилось, жили и хоронили на одной высотѣ около 60 с. надъ моремъ, на холмахъ бывшихъ, видимо, поледниковыми островами. Еще гр. Уваровъ, осно-

¹⁾ Какъ показали мои и др. изслѣдователи изысканія костяковъ.

²⁾ Въ каменныхъ востяхъ съ фатьяновскаго холма, хранящихся въ музеѣ Яросл. Архива. Коч., каменные гребни чрезвычайно развиты и весьма шероховаты, а самыя кости необыкновенно плотны, не смотря на то, что носе лишены широчныхъ частей.

³⁾ Разлѣ германскія начала въ финскихъ языкахъ напоминаютъ о немъ, но еще нѣкоторые славянскіе признаки въ населеніи, возстановляемыя отродомъ.

⁴⁾ Телесныя—обрубья, чурбины; у словицѣвъ (Слов. М. Хостинна) есть: телебѣвъ=пелюхъ, омузъ; телебѣвъ=треснуть, ударить, стунуться, но и словицы могли его замѣтловать; чурбанъ; вербъ (сегро)—связка, цуль, олопъ; озаль—порча, болѣзнь (азар=диво, неожиданность); шадрина (sadrâ=коровина); кашпанъ (карка=ворота); комоуль, кома (komoŕja=помощь); курва=блудница (kurva=блудница); суровый=сѣрый, неблѣсный (холость); виг=сильный, сѣдой; кувсать=хныкать; шушера=отбросы, дрянь, сѣродъ, сволочь; кутерьма=возня, свалка; пасма=лучеть; бавать=кричать, гарветъ=кричать (bavka=порцаніе, брань, осужденіе, кокое замѣчаніе); кутиаценовъ, (морд. kuti, отъс. kutja=собака) и пр. П. Давроной (Кореп. значеніе въ названіяхъ родства у славянъ, стр. 64) сопоставляетъ «курва» съ ново-греч. *κουρῶνα*, *κουρῶνα*=хозяйка дома, госпожа и съ гот. *hota*, д. в. нѣм. *huota*. Это сближеніе основательнѣе перваго и финское *kurva* нужно считать заимствованіемъ у русскихъ.

⁵⁾ Буду такъ называть неизвѣстное новокамниковое племя для краткости.

вывань на строеніи почвы, высказать мнѣніе, что фатьяновскій холмъ былъ окруженъ водою озера ¹⁾; то же заключеніе нужно сдѣлать и объ остальныхъ ярославскихъ могильникахъ того времени (о Холаемскомъ, дегтевскомъ и Черногорскомъ). Ихъ (могильниковъ) приблизительно одинаковая высота должна обуславливаться, видимо, только водой, могшей явиться здѣсь лишь слѣдствіемъ таянія льда и снѣговъ ледовища, такъ какъ никакой иной причины не извѣстно и не видится. Эта вода, явившаяся сразу въ большомъ количествѣ, залила всѣ низины, образовавъ нѣсколько громадныхъ и множество меньшихъ озеръ разной глубины. Слѣды этихъ озеръ, какъ уже отмѣчено, остались въ видѣ ихъ илистыхъ осадковъ, извѣстныхъ здѣсь подъ названіемъ ила, сѣрой земли, иногда, подзола и раскнутыхъ пятнами по всей площади губерніи ²⁾. Понятно, что

¹⁾ Камен. періодъ, I, стр. 395, II стр. 128.

²⁾ Матеріалы для статистики Россіи. Изд. Мин. Г. Им., т. I, карта почвъ Яр. губ.; она переиздана П. Ф. Баседавымъ въ восточномъ и уменьшенномъ видѣ въ Обзорѣ Яросл. губ., в. I, стр. 15; иной въ увеличенномъ видѣ сдѣлана для Яросл. Арх. Комиссии. Почвовѣдъ Ярославск. губернскаго земства К. Берштейнъ, какъ и многіе другіе, считаетъ эти земли сухопутного, дернового происхожденія (Вѣсти. Яр. земства, 1905 г., № 1, стл. IV, стр. 10), но такъ какъ онъ не приводитъ этому другихъ доказательствъ, кромя переходности (сѣриѣ, паллагіи) отъ часто дерновыхъ почвъ въ рѣзко выраженный подзолъ, то считается съ его мнѣніемъ довольно затруднительно. Однако замѣчу, что въ виду вышесказанности «сѣрой земли» и другихъ почвъ этого рода, въ виду ихъ переработанности, т. е. первичности и въ виду общности происхожденія (изъ растений) какъ дерновыхъ, такъ и осколочно-озерныхъ почвъ точному рѣшенію вопроса—водному или сухопутному происхожденію обязаны разскаргаемыя почвы—едва-ли помешетъ и химическое изслѣдованіе. Болѣе убѣдительный отвѣтъ могло бы дать неслѣдованіе мѣстъ залеганія сѣрыхъ земель и ихъ окрестностей. Но такъ какъ неслѣдованіе не производилось, то я беру за основаніе расположеніе этихъ земель (пятна), фигуры ихъ пограничныхъ очертаній и нахожденіе среди нихъ какъ чернозема, такъ и остатковъ бывшихъ водоемовъ въ родѣ Ростовскаго озера, болота и проч. Если бы эти почвы были сухопутно-дернового, а не водно-озерного происхожденія по преимуществу, то онѣ не располагались бы на поверхности губерніи такими рѣзко ограниченными и разобщенными пятнами, какими расположены, и размѣщались бы широкими и большими площадями, болѣе или менѣе связанными другъ съ другомъ; этихъ пятенъ было бы несравненно больше числомъ и занимали бы они большую часть губерніи (дерно покрываетъ въ губерніи всѣ почвы за исключеніемъ степныхъ песковъ, вторыхъ немного), не были бы очертаній водоемовъ, не были бы связаны такъ тѣсно съ существующими водоемами (озерами, болотами и живыми долинами рѣкъ), подзолъ и сѣрая земля не лежали бы подъ черноземомъ—несомнѣнно озерныхъ (стр. 33, 35) и не продолжались бы образовываться на нашихъ глазахъ въ областныхъ водоемахъ, какъ въ Молодослѣмъ и другихъ уѣздахъ. Берштейнъ изъ за деревьевъ не видитъ гѣса. Онъ самъ говоритъ (№ 3, ст. IV, стр. 29), что ростовскій черземъ обязанъ своимъ происхожденіемъ постепенному (на 1¹/₂ дес. въ годъ) усыханию оз. Неро. Далѣе онъ отмѣчаетъ, что Ростовскій уѣздъ представляетъ обширную котловину (выстланную сѣрой землей) съ Неро въ среднѣй (нижней его части), что еще въ началѣ XIX в. Мурчисонъ (геологъ) предсказывалъ (? подмѣтилъ) усыханіе озеръ и превращеніе ихъ въ культурныя земли, что подтверждаютъ наблюденія и пр. Но не смотря на все это, онъ вмѣсто изображенія общей картины, т. е. описанія ростовской приозерной почвы лишь какъ чистой равновидности одной общей, дѣлитъ послѣднюю на нѣсколько обособленныхъ видовъ и описываетъ всякій изъ нихъ совсѣмъ отдѣльно и самостоятельно, безъ связи съ другими, кропясь въ мелочахъ. Благодаря этому его описаніе не дуетъ ничего, кромя перечисленія свойствъ, да еще впечатлѣнія, что рѣчь идетъ въ каждомъ случаѣ о чемъ то особомъ, а не о томъ же все, но лишь видоизмѣненномъ.

замѣтный иловатый осадокъ дали только тѣ озера, которыя существовали достаточное для того время, какъ напริมѣръ согожно-ухтомо-согское въ Пошехонскомъ уѣздѣ, ухринское, занимавшее сѣверъ Рыбинскаго, Романовскаго и Даниловскаго и сѣверо-западъ Любимскаго уѣздовъ; мологско-шексинское, покрывавшее сѣверо-западный уголъ губернии и донинѣ не вполне еще обсохшее, представляющее нѣсколько огромныхъ болотъ съ ручьями и протоками между ними; ситьско-сутворожининское въ Мышкинскомъ уѣздѣ; ить-сотьско-костромское, занимавшее юго-восточныя части Любимскаго, Даниловскаго и Романовскаго и сѣверъ Ярославскаго уѣздовъ; Варегово въ Романовскомъ уѣздѣ и устье-котростное. Ситьско-сутворожининское, Варегово и устье-котростное, какъ и молого-шексинское, еще существуютъ (конечно, въ весьма совращенныхъ размѣрахъ), первыя два въ видѣ малодоступныхъ болотъ, а послѣднее въ видѣ Ростовскаго озера и большой болотистой низины къ З. отъ него.

Множество рѣчекъ и ручьевъ впадало въ озера и вытекало изъ нихъ. Черезъ послѣднія большинство Ярославскихъ озеръ уже вылилось въ Волгу, оставивъ послѣ себя лишь свои стоки въ видѣ рѣчныхъ системъ, водоемы которыхъ были передъ тѣмъ дномъ спущенныхъ ими озеръ. Остались только тѣ, стоки которыхъ почему либо не достаточно еще углубили свои русла для полнаго спуска ихъ водъ. Однако, ихъ чередъ не далеко. Сперва они превратятся въ болотистую низину съ нѣсколькими меньшими озерами, бывшими ямами или озутами, каково Мологско-Шексинское, а затѣмъ и они заростутъ и высохнутъ, давъ частью торфъ, частью черноземъ-перегной озерной тины, какъ то случилось съ ить-сотьско-костромскимъ и съ частью Ростовскаго.

И фатьяновскія, и червогорскія могилы находятся въ областяхъ ледниковыхъ озеръ, на участкахъ сѣрой земли. Если представить, что эти могилы рылись тогда, когда обрестности ихъ были озерами, то станетъ понятнымъ, почему онѣ расположены на одинаковой, значительной высотѣ. Обильныя ледниковыя воды, наполнивъ низины, привели площадь губернии къ болѣе однородному уровню—около 60 с. надъ моремъ. Ниже этого уровня человекъ жить не могъ: была вода.

Когда же это было? Нельзя сказать, чтобъ ужь очень давно. Для южной Европы конецъ четвертичнаго періода, совпадающій съ концемъ ледовица средней Европы, относятъ за 3—2¹/₂ тысячи лѣтъ до Р. Х. ¹⁾.

¹⁾ Журн. М. Н. Пр. 1901 г., VIII, стр. 388, 403, 405.

Для нашихъ широтъ, какъ болѣе сѣверныхъ, послѣдній долженъ быть отдаленъ менѣе. Такъ называемый растительный слой образовался послѣ ледниковъ. Толщина его здѣсь въ среднемъ не болѣе 2 в. или $3\frac{1}{2}$ дюйм. ¹⁾. Допустивъ, что въ годъ этотъ слой утолщается только на 0,01 линія (0,001 д.) т. е., тоньше листа писчей бумаги, получимъ, что весь слой образовался въ 3500 лѣтъ или началъ образовываться приблизительно за 1600—1500 лѣтъ до Р. Х. Но такъ какъ ежегодное утолщеніе слоя взято, очевидно, меньше дѣйствительнаго, то вѣрнѣе считать, что губернія достаточно обсохла и сдѣлалась доступной для обитанія ей человекомъ около 2500—3000 лѣтъ назадъ. Цифра эта вовсе не мала, какъ можетъ, пожалуй, показаться на первый разъ. Вспомнимъ, какимъ описываетъ климатъ средней Россіи Геродотъ за 450 лѣтъ до Р. Х., т. е. за 2350 лѣтъ до насъ, а римляне климатъ средней Европы даже въ болѣе позднее время: снѣгъ, пасмурность, туманы, сырость и холодъ. Геродоту мало вѣрить и обвиняютъ въ преувеличаньи, но въ данномъ случаѣ онъ правъ и правъ хотя бы потому уже, что значительно разнорѣчивыхъ толковъ о такомъ слишкомъ близкомъ для всѣхъ представленіи, какъ климатъ, онъ слышать не могъ, кто бы и сколько бы лицъ ему о немъ не разсказывали.

Но помимо указаній письменности, о томъ же говорить существующая дѣйствительность. Не слѣдуетъ забывать, что большинство нашихъ рѣкъ, озеръ, и др. материковыхъ водъ есть ничто иное, какъ пережитки ледовища и всецѣло обизаны ему своимъ существованіемъ ²⁾. Самое же ледовище даже для средней Россіи кончилось лишь относительно, такъ какъ новторяется ежегодно зимой, у Ледовитаго моря еще длится поледовье, а дальше къ С. господствуютъ уже настоящіе ледники. А вѣдь было время, когда и на островѣ Шпицбергенѣ было теплѣе средней Россіи, судя по ископаемымъ.

Кромѣ приведеннаго, за сравнительную недавность ледовища въ нашихъ широтахъ говорить еще то, что о таяніи ледниковъ, повиди-

¹⁾ Беринштейкъ, считая за растительный же слой сѣрую землю и подзолъ, опредѣляетъ его толщину отъ 2—12 д. т. е. въ среднемъ въ 7 д. (тѣмъ же). Я опредѣляю эту толщину по растительнымъ слоямъ, отложившимся на коренныхъ и сухихъ почвахъ, ваковы глинны, суглинны, супеси, т. е. по тѣмъ случаямъ, въ которыхъ подпочвы не возбуждаютъ сомнѣній и потому толщина растительнаго слоя можетъ быть опредѣлена болѣе точно. Часть толщи этого слоя, образовавшаяся изъ корней, не должна приниматься въ расчетъ, какъ подземная.

²⁾ Станутъ тѣ болота и озера, которые питаютъ даже самыя большія наши рѣки и которыхъ (болота) мы такъ усердно и такъ неразумно стараемся осушать, и Россія останется безъ воды и превратится въ пустыню, какъ прератились въ нее уже многія страны Азіи.

тому, сохранились отголоски въ людской памяти. По крайней мѣрѣ въ Эддѣ повѣствуется ¹⁾, что первымъ человекомъ былъ великанъ Имиръ, *левишійся на снѣгъ отъ таянія снѣга*. Видѣть въ этомъ преданіи чистый вымыселъ трудно, такъ какъ нѣтъ возможности понять, зачѣмъ понадобились бы творцу его не снѣгъ и не замерзаніе, т. е. создающее, а таяніе снѣга, т. е. разрушающее. Въ нѣмъ снѣгъ явится это преданіе, если отвестись къ нему доверчиво и попробовать понять. Выше показано, что есть нѣкоторый поводъ предполагать о передвиженіи на С. Европы, встѣдъ за мамонтами и ледниками, первобытнаго выборослаго племени (самоѣдовъ), и что замѣстителемъ его въ средней Россіи явилось высокое германское племя ²⁾. Какъ сильнѣйшее, оно, конечно, обижало небольшихъ мирныхъ первобытняковъ (что положительно извѣстно относительно лопарей) и это обстоятельство послужило основой множества разсказовъ о великанахъ-мучителяхъ, пришедшихъ въ страну тогда, когда снѣга таяли. Такое простое опредѣленіе времени позже въ устахъ пересказывателей превратилось въ явленіе великановъ изъ тающаго снѣга. Эти великаны — прагерманцы очень развитые для времени нововамниги исчезли, хотя и не извѣстно, въ силу чего и какою образомъ. За то положительно извѣстно, что рядомъ съ ними ³⁾ не было (не найдено) финновъ: по крайней мѣрѣ до нынѣ не встрѣчено нибавихъ явно финскихъ слѣдовъ ⁴⁾ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ найдены остатки и слѣды прагерманцевъ. Стало быть, можно думать и не безъ основанія, что послѣдніе исчезли не подъ давленіемъ первыхъ, каковое исчезновеніе, впрочемъ, мало допустимо уже потому, что финны по развитію даже въ болѣе позднее время стояли ниже прагерманцевъ, ибо почти не знали глиняной посуды и отдавали предпочтеніе кости и рогу передъ камнемъ ⁵⁾.

Сказанное позволяетъ уже предположить, что финны въ Ярославскую губернію явились позже прагерманцевъ. Если же прибавить, что они дожили до историческаго времени и захватываются исторіей около

¹⁾ Живая старина, 1900 г. вып. I—II, стр. 209.

²⁾ Ростовъ, рододствоиъ и силой поразившее даже римлянъ Ю. Цезаря (Проксх. вѣднети Н. Тейлоръ, стр. 73, 109, 119).

³⁾ Въ нору камниа.

⁴⁾ Возможно, что финнамъ принадлежатъ тѣ древнеиъ иакоителниа стрѣлы и дротонъ, которые находятъ во многихъ частяхъ губерніи на поверхности полей и луговъ или песама не глубоко отъ нея, между прочимъ и на участкахъ сѣрой земли и червозека (около Ростова); послѣднее говорить въ пользу финновъ, если прагерманцы шли на островахъ похедоля.

⁵⁾ См. описаніе древнихъ лопарей у Н. Харузіа; черепи глиняной посуды очень рѣдки даже въ финскихъ курганахъ (Сбор. арх. истит. ин. V, половина I-я—веты).

урочищъ, существующихъ (хотя бы и въ измѣненномъ нѣскольکو видѣ) до нынѣ, каковы озера: Ростовское, Клецино, Бѣлое, р. Ока и пр., то предположеніе станетъ положеніемъ близкимъ къ истинѣ. Трудно допустить, чтобы финны съ своими оленями могли поселиться на полярныхъ островахъ и вѣрнѣе думать, что нвились они въ страну послѣ стока ледниковыхъ водъ, на тундру, переживъ ея осушеніе и незамѣтно примѣнившись къ новымъ условіямъ.

Выше отмѣчено, что въ Ярославскихъ могилахъ новокамникі найдено немного и бронзы, каковое обстоятельство побуждаетъ нѣкоторыхъ считать эти могилы принадлежащими къ переходному отъ камникі къ бронзѣ времени и даже, какъ Спицинъ, къ поздней порѣ бронзоваго вѣка. Однако это не совсѣмъ такъ, ибо чистой бронзики въ губерніи, видимо, не было. Въ I в. по Р. Х. письменность отмѣчаетъ камнебу на берегахъ Балтики. Но разъ она господствовала тамъ, то тѣмъ болѣе должна была царить «во глубинѣ Россіи». Въ VIII в. здѣсь вполне распространена уже хорошо развитая желѣзника. Слѣдовательно для бронзики и переходовъ отъ камникі къ ней и отъ нея къ желѣзникѣ остается около 650 лѣтъ самое большее. Но и этотъ промежутокъ времени еще великъ. Какъ показано выше, если не въ IV, то въ VI в. славяне уже были въ средней Россіи, ибо не только знали финновъ, но и называли ихъ по своему чуждю, каковое названіе успѣло окрѣпнуть и распространиться даже въ чужія земли. Разъ же славяне (пусть не жили, а только) проникли въ земли финновъ, все равно, они сообщили бы финнамъ свою промышленность хоть въ главныхъ чертахъ и у послѣднихъ среди обстановки каменнаго вѣка начали бы попадаться мѣдные и желѣзные предметы. Имѣя это въ виду, необходимо ныведенную выше продолжительность переходныхъ и бронзовой поры сократить до 350 лѣтъ, а вѣра Іордану и до 250. Принявъ же во вниманіе то обстоятельство, что въ указанное время финнамъ не отъ кого было получить чисто бронзовую промышленность, такъ какъ они по крайней мѣрѣ съ трехъ сторонъ (З. Ю.-З. и Ю.) были окружены народами, употребившими уже желѣзо ¹⁾ и бывшими съ ними въ сношеніяхъ (Германарихъ даже покорилъ финновъ около 350 г. по Р. Х.), необходимо будетъ заключить, что чистой бронзики для финновъ средней Россіи не было вовсе ²⁾.

¹⁾ Древности, т. XIV, стр. 156, выносокъ.

²⁾ А. А. Штуkenбергъ (Изв. общ. арх. ист. и этн. т. XVII, вып. 4, стр. 166) принимаетъ, что бронза занесена въ Россію (въ восточную половину) съ дельтаго Ю.-В. за 200—300 лѣтъ до христіанскаго лѣтоисчисления, но на какомъ основаніи, не объясняетъ.

Что же касается того, что въ указанныхъ мѣстахъ находятъ тигли и формы для отливки бронзовыхъ предметовъ вмѣстѣ съ такими и. отчасти, каменными предметами, въ чемъ хотѣть видѣть подтвержденіе мнѣнія о существованіи въ среднихъ широтахъ самостоятельнаго бронзоваго вѣка, то присутствіе указанныхъ предметовъ объясняется иначе.

Туземцы съ мѣднымъ производствомъ, какъ съ значительно болѣе легкимъ, простымъ и доступнымъ, освоились скорѣй, чѣмъ съ желѣзнымъ, отчего собственные литейщики появляются среди нихъ въ то время, когда собственныхъ кузнецовъ все еще нѣтъ ¹⁾. Болѣе сложныя и болѣе изящныя вещи изъ бронзы остаются у нихъ въ это время привозными на ряду съ желѣзными. Отрицать сношенія ярославскихъ туземцевъ съ сосѣдями или, точнѣе, отрицать посѣщеніе первыхъ иностранцами затруднительно. За сношеніи говорятъ и заимствованія въ языкѣ и находки монетъ, иногда очень древнихъ, какова Юнія Брута (510 г. до Р. Х.) или Домиціана 80 г.г. по Р. Х. Не могла монета попасть сюда сама собой, кто-нибудь, но непременно принесъ ее и притомъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ принесены въ то время, когда были въ обращеніи или вскорѣ послѣ того, какъ напримѣръ. мѣдная (бронзовая) Домиціана. Ничто не могло побудить владѣльца этой мелкой римской монеты долго хранить ее, а потому и трудно допустить, что бы она попала въ Ярославскую губернію не въ I в. по Р. Х., т. е. именно въ то время, когда о финнахъ писалъ римлянинъ Тацитъ. Онъ изображалъ ихъ представителями камники, между тѣмъ въ ихъ средѣ вращались деньги (ж. к. деньги) его родины. знакомя финновъ съ металломъ и вводя этимъ въ новую промышленную эру.

Но значить ли сказанное, что Тацитъ изображалъ финновъ не вѣрно? Нѣтъ. Отмѣченное явленіе свидѣтельствуетъ только о томъ, что смѣна промышленностей у финновъ совершалась весьма медленно, что наблюдается до нынѣ какъ на финнахъ, такъ и на другихъ инородцахъ сѣверной Россіи. Въ ихъ же землѣ найденъ золотой Брута. попавшій въ нее, пусть не за 500, а хоть за 300 лѣтъ до Тацита. Однако не изъ чего не видно, чтобы это обстоятельство повліяло на

¹⁾ Названіе золота взято одними финнами у иранцевъ: фин. *saarni, vorni, siirna*—золото; самскр. *hitvruva*, бендское *zaravruva*—золото, другими у германцевъ: лопарск. *golle*, финск. *kultu*, эстск. *kuld*, тевт. *gulth*, скандинав. *guld*. Названіе кузнеца взято: финнами у лютцевъ, лопарями у словенцевъ, венграми у славянъ (Провок. врііц. И. Тейлоръ, стр. 133, 135. Зап. Зап. Сибир. отд. рус. геогр. общ. 1884 г., ян. VI, стр. 25).

жителей какъ-нибудь въ смыслѣ развитія, хотя, безъ сомнѣнн, попала къ нимъ не одна только цѣнная монета, а имѣсть съ нею прежде ея, по всей вѣроятности, заносились многіе другіе болѣе дешевые предметы. Однако не только за 300 лѣтъ до Тацита, но и послѣ него спустя столько же финны (эсты) продолжаютъ драться каменнымъ оружіемъ, не смотря на то, что въ это время они уже соприкасались и съ готами и съ славянами, а въ V в. покоряются гуннами ¹⁾. Стало быть, не довѣрять показаніямъ Тацита нѣтъ оснований. Нѣтъ ихъ и для того, чтобъ сказать: до такихъ то поръ была каминка, а съ такихъ то началась металлическая пора.

Подводя итоги сказанному, нужно отмѣтить слѣдующее:

1) Новокаминка засвидѣтельствована для Ярославской губерніи могилами и, посредственно, письменностью (Тацитъ).

2) Обитателей губерніи въ пору каминки могилы представляютъ длинно и плоско-головымъ, рослымъ, сильнымъ племенемъ, вѣроятно, германскимъ, а письменность (Иорданъ) финскимъ.

3) Письменность удостовѣряетъ новокамнику для губерніи съ I по IV в. по Р. Х. (судя по сосѣднимъ одноплеменнымъ народностямъ), когда появляются славяне ²⁾; изслѣдованія отодвигаютъ ее къ временамъ до Р. Х. лѣтъ за 600—1000, приурочивая начало ея къ поледовью или къ порѣ ледниковыхъ озеръ.

4) Почти за все указанное время въ страну проникаетъ металлъ, хотя не часто и не въ большихъ количествахъ въ видѣ монетъ и вещей. Съ вещами проникали и иноплеменники.

¹⁾ Карамзинъ, Истор. гос. росс. изд. 1830 г., т. I, стр. 18. У полуднякъ племень, имя извѣстно, прежде всего совершенствуется оружіе и украшения, каковыя и слухать, въ силу этого показателями развитія племена.

²⁾ А. К. Соболевскій отодвигаетъ появленіе славянъ въ Россіи значительно дальше. На основанн изслѣдованн названн Селигеръ (озера) и Селижарока (рѣка) онъ доказывалъ (ни П. Обл. Арх. Свѣдѣ) присутствіе славянъ въ Тверской губерніи уже около Р. Х., и къ замѣчаннхъ на книгу Л. Нидерле (Ж. М. Н. Пр. 1904 г. VI, стр. 461) онъ говоритъ о славянскихъ поселеннхъ къ С. отъ р. Припяти еще во времена Геродота, т. е. за 446 лѣтъ до Р. Х. Какъ не извѣдѣль, не могу возражать по существу противъ приведенныхъ лѣтннхъ, тѣмъ болѣе, что таковыя высказывался не однимъ, а многими учеными съ громкимъ именемъ. Однако замѣчу, что динная область имеетъ большой просторъ для догадокъ и неинного положительнаго и что въ наукѣ нннѣ существуетъ наклонность вообще къ большимъ величинамъ времени. Я придерживаюсь болѣе указаннй письменности. Въ бытнхъ славянъ въ Россіи уже при Геродотѣ нѣтъ ничего невозможнаго и вопросъ лишь въ томъ, на какой степенн развитія они были тогда и въ какомъ климатѣ жили. Неврѣхъ описываютъ носившихъ волчьи шкуры, мѣдн и нннѣ посѣтъ нѣкоторыя народцы сѣверной Россіи; очень вѣроятно, что климатъ соответствовалъ одеждѣ, а о соответствнн ему развитія говоритъ Геродотъ.

5) Самостоятельной или чистой бронзики въ Ярославской губерніи не было.

6) Финскихъ и славянскихъ могилъ поры новогамниги въ этомъ краѣ не извѣстно ¹⁾, обнаруженныя же пока могилы принадлежатъ длинноголовому, предположительно,—германскому племени и по своему устройству подобны нѣкоторымъ южно-русскимъ могиламъ того же приблизительно времени, но съ той значительной разницей, что ярославскія могилы не имѣютъ надъ собой пикавихъ насыпей. По устройству же и по похоронному обряду, насколько то и другое выяснено, могилы эти существенно отличаются отъ ярославскихъ кургановъ, особенно же отъ болѣе древнихъ, т. е. отъ кургановъ сожженія, изъ которыхъ болѣе ранніе относятся по найденнымъ ²⁾ въ нихъ монетамъ къ VIII в. и началу IX в. до Р. X.

7) Кромѣ материковыхъ новогамниковыхъ и кургановъ желѣзники, никакихъ другихъ древнихъ могилъ въ Ярославской губерніи не извѣстно.

Такимъ образомъ первые 4 вѣка по Р. X. люди, жившіе въ губерніи, насколько можно судить по теперешнему состоянію званія, не насыпали кургановъ, а сами принадлежали одни къ германскому, а другіе болѣе поздніе, къ финскому племени.

Кто же жилъ въ Ярославскомъ краѣ послѣ IV в.?

IV.

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ Іорданъ (VI в.): меря, а въ сосѣдствѣ съ нею съ разныхъ сторонъ чудь ³⁾, весь ⁴⁾, мордва и черемисы. Среди этихъ финскихъ племенъ, какъ показаво, были разсѣяны славяне. А. И. Соболевскій утверждаетъ ⁵⁾, что занятіе славянами фин-

¹⁾ Но нѣкоторыя городища, какъ напримѣръ городокъ «Кочемъ» на р. Корожанинѣ въ Шильв. у., возможно, что и принадлежали финнамъ, у которыхъ (чули) они отличаются письменностью, названіемъ (у отиговъ—варъ, у пермяковъ—поръ), быльями и преданіями. (Вѣстк. и библиот. самообраз., 1903 г., № 34, стр. 1390; Живая стар., 1905 г., в. II, стр. 102).

²⁾ Много при раскопкахъ (1896—98 г.) большого курганнаго кладбища у с-ца Михайловскаго въ 7 вер. къ С. отъ Ярославля.

³⁾ Въ Бѣшенскомъ уѣздѣ еще въ 1771 г. была чудскій станъ (ишем. линга пустоша Рогачево.—близъ ея д. Дьяково, Соколово и с. Зойново,—въ архивѣ Яр. Арх. Ком.); это сосѣдство чудскаго стана съ Мѣриновскою волостью опять говоритъ о какомъ то различіи между чудью—отидами и мерью—отидами.

⁴⁾ Черемисское вѣсе (вѣсе)—яной, другой, слѣдующій, посторонній (Изв. общ. арх. ист. и этн. 1893 г., приложение—черемисскій словарь).

⁵⁾ Живая старина, 1893 г. вып. I, стр. 115. См. еще то же 1905 г., в. I—II, стр. 102; Вѣстк. и библиот. самообраз., 1903 г., № 34, стр. 1459.

скихъ земель средней Россіи, а въ томъ числѣ, стало быть, и Ярославской губерніи, совершилось не мирно, а путемъ насажденій и завоеваній, причеиъ финны, загнанные въ болота и лѣсныя трупобы, оставлены въ покоѣ, но окруженные со всѣхъ сторонъ русскими, мало по мало обрусѣли. Обиліе финскихъ названій селъ и деревень въ какой либо мѣстности признается ими за хорошій признакъ того, что въ таковой мѣстности долго сохраняли свою народность финны. Въ своемъ положеніи Соболевскій выходитъ между прочимъ изъ того, что мирное поселеніе можетъ совершаться лишь на пустыхъ, свободныхъ земляхъ и что о такихъ земляхъ на берегахъ Волги, Оки, Клязьмы въ тѣ времена, когда и сѣверныя тундры были уже заселены, не можетъ быть рѣчи, какъ нельзя говорить и объ отсутствіи или значительной рѣдкости населенія въ виду того, что даже ничтожныя рѣки и ручьи великорусской среды имѣютъ не славянскія названія. Съ мнѣніемъ Соболевскаго трудно согласиться. Снабженіе именами даже и мелкихъ урочищъ говорить вовсе не о густотѣ населенія, а только о томъ, что населеніе знало эти урочища, бывало на нихъ: всѣ рѣчки и ручьи сѣверной Сибири тоже носятъ названія, а между тѣмъ населеніе тамъ весьма рѣдко и огромныя пространства совершенно пустыны. То же наблюдается и въ закавказскихъ мѣстностяхъ. Страннымъ такое явленіе представляется только на первый разъ, а въ сущности совершенно естественно. Давно и многими исследователями ¹⁾ подмѣчено, что даже бурганы расмоллагаются чаще по маленькимъ рѣчкамъ и что вообще древними насельниками отдавалось предпочтеніе такимъ рѣкамъ предъ большими. И это понятно. На что, положимъ, полудивому финну могла бы понадобиться большая рѣка? Все, чѣмъ пользовался онъ на маленькой рѣчкѣ, доставалось ему на большой во столько разъ труднѣе, во сколько послѣдняя была больше первой. Нужно ли было ему переѣхать ее или перегородить для задержанія рыбы; плыть ли по ней или селиться около нея, во всѣхъ случаяхъ большая рѣка доставляла ему больше и труда, и хлопотъ, и опасности. Кроиъ того, на большой рѣчкѣ каждый хозяинъ, границъ на ней не проведешь и не оставишь. Даже нѣкоторыя животныя и птицы избѣгаютъ большихъ рѣкъ ²⁾. Все это и побуждало древняго человека держаться малыхъ рѣкъ, а на большія только выходить временно.

¹⁾ Вильхельмъ Е. В. Барсовъ—Труды Яросл. Общ. Слѣдств., стр. 164.

²⁾ Бобры, выдры и пр.; рыбы гнаются исключительно въ тихихъ водахъ, въ болотахъ, озерахъ и небольшихъ рѣчкахъ; рыба весной идетъ тоже въ малые рѣки.

за собою насилія надъ побѣжденными и плѣненіе ихъ, въ свою очередь свидѣлствуютъ о тѣсномъ и мирномъ общеніи обѣихъ пародпостей ¹⁾. Е. В. Барсовъ, касаясь вопроса о заселеніи ²⁾ Ярославской губерніи, высказывается также за мирное занятіе ея славянами. Но онъ ссылагается при этомъ на отсутствіе боевыхъ кургановъ, каковую посылку нужно признать неудачной, такъ какъ во 1-хъ, несомнѣнно—боевые курганы если и извѣстны вообще, то въ очень небольшомъ количествѣ; во 2-хъ, еще не доказано, что болѣе ранніе ³⁾ Ярославскіе курганы принадлежатъ финнамъ или славянамъ, напротивъ, кажется, все заставляетъ думать, что они не финскіе и даже не славянскіе, какъ покажемъ ниже, а въ 3-хъ, что главноре, кургановъ, современныхъ началу и среднѣй заселенія Ярославской губерніи славянами, т. е. IV—VII в.в., вовсе нѣтъ, не извѣстно.

Нельзя съ Барсовымъ согласиться и въ томъ, что меря и весь и чрезъ 800 лѣтъ послѣ Тацита были неспособны къ самостоятельному дальнѣйшему расселенію (колонизаціи) и развитію и что они, если бъ и не были поглощены славянами, вымерли бы сами собой. Въ доказательство своихъ положеній онъ между прочимъ указываетъ на бѣдность и убожество языка меря и весь, о которыхъ судить по языкамъ чудскому и карельскому. Финскій языкъ, правда, относительно, не богатъ, но, безусловно, онъ не бѣднѣе другихъ, ибо соотвѣтствовалъ степени развитія говорившихъ на немъ и ихъ потребностямъ. Не вина финновъ, что имъ не дали развить его самостоятельно—естественнымъ порядкомъ, нахлынувъ въ ихъ земли съ множествомъ новыхъ предметовъ и понятій и предваряя этимъ естественный ходъ событій и таковой же умственный ростъ туземцевъ.

Не слѣдуетъ забывать, что изъ бѣднаго финскаго языка очень не мало взяли, какъ отчасти показано уже, славяне (и даже германцы) въ свой

¹⁾ Соболевскій говоритъ (такъ же), что лѣтописки не говорятъ о мирномъ и дружественномъ отношеніи русскихъ къ финнамъ, а скорѣй напротивъ, такъ какъ, сообщаютъ, что финнамъ дань дають Русь, разумѣется, не добровольно. Это вѣрно, но лишь для IX и позднѣйшихъ в.в., а не для времени первыхъ славянскихъ переселеній въ финскія земли, кибичскихъ мѣсто, какъ показано, уже въ IV в. и даже въ болѣе раннее время. Кроме того, даваніе дани не свидѣлствуетъ еще непремѣнно о враждебности: финны платятъ дань (подати) до сихъ поръ, но она не нерава и слаба и при томъ совершенно правильно, что находится съ русскими въ наилучшихъ отношеніяхъ. Правда, обложженіе данью сопровождалось принужденіемъ, но едва ли войной и борьбой, о которыхъ молчатъ в лѣтописки и преданія, а и въ тѣхъ, и въ другихъ борьба—излюбленная тема. Конечно, сказаннымъ я не думаю отвергать возможность во все и всякой борьбы. Въ финской примѣри въ ярославскомъ населеніи славянъ не можетъ быть. Подданство—нахожденіе подъ данью, а не поддача себя—покорность.

²⁾ Труды Яросл. Обл. Сѣв. стр. 164.

³⁾ А здѣсь рѣчь можетъ быть только о такихъ, т. е. современныхъ заселенію.

богатый языкъ, принявъ сверхъ того цѣликомъ, не славянируя, еще и множество названій урочищъ. Нѣкоторыя изъ заимствованій проливаютъ свѣтъ на подробности быта даже славянъ. Таково, напримѣръ, слово «исады», встрѣчающееся во многихъ мѣстахъ Россіи, въ томъ числѣ и въ Ярославской губерніи. Первоначальное его значеніе—береговая отмель. Затѣмъ оно расширилось до обозначенія поймы—заливаемаго водой берега, съ которой перешло на лугъ вообще и, наконецъ, стало обозначать торгъ и ярмарку. Последнее можетъ показаться страннымъ, но если вспомнить, что въ древности пріѣзжіе съ товарами торговали на берегу ¹⁾, то понятпо станетъ, почему понятіе «отмель» объединилось съ понятіемъ «торгъ, ярмарка». Съ другой стороны, встрѣчающіяся въ разныхъ мѣстахъ Россіи разные же значенія слова «исады» даютъ любопытную подробность о торгахъ—ярмаркахъ въ древней Россіи, о ихъ мѣстонахожденіяхъ.

Такимъ образомъ предполагаемый языкъ мери ²⁾ оказывается вовсе не такъ ужъ убогъ, какъ выставилъ его Барсовъ ³⁾. Несостоятельно его мнѣніе и о безнадѣжности мери и финновъ вообще по отношенію къ развитію; оно опровергается дѣйствительностью. Меря, когда славянская опека сдѣлалась для нея нестерпимой, не нымерла и не покорилась, а ушла къ болгарамъ. Слѣдовательно, не только имѣла свои взгляды на вещи, но умѣла и отстаивать ихъ. Другіе финны, какъ западные и мордва, черемисы и проч. не сдѣлали и такой уступки, оставшіеся на своихъ мѣстахъ и отстаивъ свою народность не менѣе

¹⁾ Олесь, приставъ къ берегу у Киева, свазался на кѣмъ инимъ, а купцомъ; въ быльницахъ (Соловей Будимировичъ и Голый Шапъ; Древ. рос. сказит. Кар. Давыдова, стр. 2) узнаывается на такую же торговлю съ судовъ; знаменитая холонья ярмарка была на холонской поймѣ, то же желтоводская и нижегородская. Въ Ярославѣ до 1880 г.г. происходила торговля съ судовъ («могиланомъ») на Ботаростной поймѣ, длившаяся съ открытія рѣки до средины лѣта. Приходъ и уходъ судовъ оновлялись пушечными выстрѣлами съ нихъ.

²⁾ О которомъ судить ближе всего по названіямъ урочищъ и переименованіямъ заимствованіямъ, а не по языкамъ другихъ племенъ, могущимъ служить лишь пособіемъ.

³⁾ Напомнимъ, что финскія названія въ Ярославской губ. есть для цѣлыхъ округовъ или волостей, а это позволяетъ думать, что у ярославскихъ финновъ было и самое представленіе о чемъ то вродѣ волости или округа, а стало быть, и слово для обозначенія такого представленія. Кстати замѣчу, что въ вопросѣ о размѣщеніи инородцевъ въ Россіи до исторіи и въ начальныя историческія времена никакъ нельзя ограничиваться однимъ показаніемъ лѣтописей: они слишкомъ ограничены, какъ видно изъ названій стамовъ, отмѣчающихъ инородцевъ тамъ, гдѣ лѣтопись не знаетъ ихъ (въ Чухровской волости шли наприм. карелы; деревни съ названіями Варелино и т. п. въ Ярослав. губ. нѣсколько); въ такомъ разширяющемъ кругозоръ даянныя нужно приписать и нѣкоторыя словарныя данныя, приведенныя отъ собственныхъ именъ, какъ наприм., слово «чушма», «чушмака», бытующее въ Тверской губерніи и обозначающее непорочитую, вопратную, нелицитатную женщину, растрену. Въ Ярославской губ. ему нѣтъ. Кѣло мѣстнаго изслѣдователя рѣшитъ, занесено оно или нѣтъ.

славянъ. Занявъ самостоятельно широкую полосу Россіи, шедшую черезъ всю ея съ Ю.-В. на С.-З., финны заселили затѣмъ все пространство отъ этой полосы къ С.-В. Только въ срединѣ указанной полосы ихъ вытѣснили и поглотили ¹⁾. въ остальныхъ же мѣстахъ выжить или уничтожить не могли ни литва, ни вѣмцы, ни болгары, ни хозары, ни славяне, ни татары, ни позднѣйшіе русскіе. Не только западные финны, черемисы, мордва, но и лопари съ отяками, поставленные въ самыя неблагоприятныя условія, еще и не вымерли, и не обрусѣли, хотя медленно, но развиваются и если медленно размножаются, то именно по тому, что не предоставлены себѣ, а опекаются русскими, познакомившими ихъ съ водкой, оспой, сифилисомъ и безпощадно обращающими.

Слѣдовательно жизненность финновъ не можетъ подлежать сомнѣнію.

Отзываясь весьма невыгодно о финнахъ, Барсовъ въ то же время слишкомъ восторженно относится къ русскимъ и, въ защиту ихъ отъ упрековъ въ отсталости, косности, въ неразвитости и необразованности, напоминаетъ о «томъ изумительномъ, богатырскомъ подвигѣ колонизаціи сѣверо-востока Россіи, который совершался нашимъ крестникомъ народомъ въ теченіи многихъ вѣковъ съ крайнимъ напряженіемъ физической и духовной силы», и «о томъ, что народы запада съли на готовые мѣста» съ готовой развитой жизнью древняго міра. Онъ заканчиваетъ положеніемъ, что народы съ короткой исторической памятью не достойны своего существованія. Съ этимъ можно согласиться, но при условіи неодносторонней памяти ²⁾. Исторія должна быть безпристрастна, ибо должна быть истинной, въ силу чего съ Барсовымъ и нельзя согласиться, особенно въ виду популярности, которой онъ пользуется. Вотъ основанія.

Образованность и мѣста древняго міра подготовили тѣ же арийцы, къ которымъ принадлежатъ и славяне.

Дунайскіе и балканскіе, да и русскіе славяне на югъ съли тоже на готовые мѣста съ готовой образованностью, но и тѣ, и другіе остались тѣмъ, чѣмъ были, особенно же русскіе.

¹⁾ Да и то въ теченіи вѣковъ, а не въ мѣстолюбо десятковъ лѣтъ, какъ думать, ибо финские племена и волости держались до XVIII в.

²⁾ Добавленіемъ къ положенію Барсова могло бы служить изреченіе: «кто не знаетъ печали и гнѣва, тотъ не любитъ отчужденій». В. Вяземскій.

Заселеніе славянами Россіи дѣло большое, но во 1-хъ, нисколько не большее заселенія другими арійцами западной Европы, а во 2-хъ, чисто животное, въ нѣкоторомъ смыслѣ стихійное, почти пассивное, а не подвижъ; совершенно оно, конечно, не безъ напряженія силъ, но нисколько не болѣе разумнаго (продуманнаго), чѣмъ напряженіе всякаго животнаго, попадающаго въ новыя условія жизни. Русскій славянинъ не искалъ упорно, настойчиво и опредѣленно-сознательно лучшаго, а двигался въ сторону меньшаго сопротивленія, почему и очутился въ хвостѣ арійцевъ, на окраинѣ занятой ими площади, въ сосѣдствѣ и въ средѣ финновъ, еще болѣе мирныхъ и дикихъ, чѣмъ онъ. По тѣмъ же причинамъ онъ забрался изъ благословенныхъ странъ юга чуть не въ тундры сѣвера, гдѣ и остался, не смотря на всю ту нужду, неудобства, страхи и ужасы, которые отмѣчаетъ Барсовъ, и не смотря на то, что зналъ о странахъ много болѣе лучшихъ и подходящихъ, которыми владѣлъ раньше. Но тѣ страны нужно было отстаивать постоянно, упорно, съ оружіемъ въ рукахъ, в онъ былъ не способенъ на это, не умѣлъ. Основной чертой характера славянъ, особенно же русскихъ, давно отмѣченной и тысячи разъ засвидѣтельствованной, является терпѣніе, граничащее съ безотвѣтностью, примиримость чуть не со всѣмъ на свѣтѣ, незыскательность, покорливость и довольство наименьшимъ. Русскій славянинъ весь сказался въ его любимыхъ выраженіяхъ: ну, какъ нибудъ, ничего. И это «ничего», эта терпимость дѣлаетъ изъ него, по природѣ совсѣмъ невоинственнаго, незамѣнимаго заселенца-полониста и солдата. Мирясь со всѣмъ, онъ легко примѣняется ко всякимъ условіямъ, оттерпливается и быстро осваивается со всякимъ положеніемъ.

Сказанное не слова, не общія мѣста и не косвенныя доказательства, а сущая дѣйствительность. Явленій нѣтъ безъ причинъ, какъ нѣтъ и случайностей, длящихся вѣка. И не случайность, что русскіе славяне понази, остались и сидятъ въ Россіи, приди въ нее съ юга и оставаясь въ ней тогда, когда черезъ нее, черезъ нихъ или мимо нихъ въ нхъ прежнюю родину проходили толпы гуновъ, обровъ, катавшихся на славянскихъ бабахъ, угровъ, татаръ и проч. Не случайность, что на западѣ славяне управляются нѣмцами, на югѣ и востокѣ турками, въ Россіи управлялись татарами; не случайность ихъ правленіе (монархическое), проникновеніе (еще столь недавнее) духовенства во всѣ стороны жизни, вѣчная во всемъ и надъ всѣмъ опека, растерянность безъ вожака—главы, т. е. стадность и т. д. Такимъ образомъ видѣть подвижъ въ заселеніи славянами сѣверо-востока Россіи

довольно трудно: точно на такихъ же началахъ совершается заселеніе даже деревьевъ и травъ ¹⁾).

Мы добрались постепенно до славянъ, т. е. до *железнаго вѣка*. Чтобы лучше понять заселеніе ими Ярославской губерніи, слѣдуетъ хоть бѣгло взглянуть на заселеніе ими вообще Россіи, для чего, оставляя спорныя части вопроса въ сторонѣ ²⁾, лучше всего опираться на русскую лѣтопись. Правда, она о многомъ молчитъ и захватываетъ только конецъ явленія, но по нему можно судить до известной степени о началѣ съ серединой, такъ какъ явленіе само по себѣ весьма однородно и однообразно во всѣхъ своихъ частяхъ; да и не изъ тѣхъ, которыя совершаются быстро, не говоря уже о томъ, что 1000 лѣтъ назадъ вообще вся жизнь проходила медленно, проще и однообразнѣе. Для Ярославской же губерніи, собственно говоря, важенъ именно конецъ переселенческаго движенія русскихъ славянъ, ибо приблизительно въ это время и складываются тѣ отношенія на ея площади, которыя захватываетъ исторія и которыя уявковѣчены курганами. Кромѣ того, какіе недостатки не были бы присущи нашимъ лѣтописямъ, но общая картина, изображаемая ими, едва ли грѣшитъ во многомъ. Картина же эта такова: на Волховѣ словены, рядомъ съ ними къ Ю.-В. (и Ю.-З.) кривичи, отъ нихъ къ юго же востоку радимичи и вятичи ³⁾. Последніе двои—передовые и позднѣйшіе отряды славянства, начавшаго свое переселенческое движеніе изъ средней Европы на С.-В., шедшее широкой полосой и совершавшееся въ конечномъ актѣ массами ⁴⁾. При этомъ ранѣе осѣвшіе, т. е. когда то бывшіе въ свою очередь передовиками, по мѣрѣ возрастанія движенія, обгонялись позже шедшими и оставались сзади, превращаясь въ срединныхъ и образуя ядро, пока съ теченіемъ времени не дѣлались вновь украинными, но уже концевыми, т. е. пока не попадали въ хвостъ движенія. Лѣтопись смутно помнитъ это движеніе и, не зная подробностей, изображаетъ его какъ бы все одновременнымъ ⁵⁾. Передовики, выдвинутые славянствомъ, по Нестору.

¹⁾ Даже переселенія текущаго столѣтія поражаютъ бессмысленностью и примитивностью.

²⁾ Напримѣръ житіе Н. Филевича (Исторія древней Россіи т. I) о господствѣ славянъ Руси на всѣхъ частяхъ Россіи еще въ долѣтописныя времена, такое же житіе А. Ефименко (Журналъ для вѣствъ. 1903 г., VII, стр. 836), С. Гецемона (Отрывки изъ наслѣдов. о вѣржск. вопросѣ) и проч.

³⁾ Словопроизводство такое же, какъ въ словѣ рад-овичи.

⁴⁾ Сперва торговцы, отдѣльные поселенцы и семьи, затѣмъ роды и племена.

⁵⁾ На сиюмъ дѣлѣ, читавшіе невнимательнѣе, не увидишь, что и лѣтопись изображаетъ его постояннымъ, многопріемнымъ.

съ Дуная отъ утѣсенной волоховъ¹⁾, оставивъ частичный переездъ въ Дибърцъ, ихъ обогнали словены, кривичи и др. по остановкѣ расселение двухъ послѣднихъ лѣтописъ помнятъ въ источникахъ и, такъ какъ VIII в. или начала IX в. и суть послѣднее изъ переселеній, имѣвшихъ мѣсто или въ томъ же переселеніи славянъ изъ западной Европы.

За названными отдѣльностями расположились и др. племена, достигнувъ и сѣвера. Въ третьемъ ряду идутъ поляне, чехи, моря, а въ дулебы²⁾ и т. д. въ глубь Европы.

Передъ передовой линіей этой широкой полосы славянско-балтійской еще во второй половинѣ IX в. стоитъ точно также рядъ племенъ: карела, чудь, весь, меря, мурома и мещера; за ними пермь, мордва и въ третьемъ ряду, упираясь въ Уралъ, печера, а тюрки: болгары-чугасия и узы-торха. Съ сѣверо-западной стороны: чудь и ливъ, латва и пруссы; съ юго-восточной—козары и угры.

Такъ свидѣтельствуетъ и Барамзинъ на своей картѣ, также если не во всемъ, то во многомъ говоритъ и современная дѣйствительность, по скольку въ ней уцѣлѣли черты минувшаго. Само собою разумѣется, что передовая линія инородцевъ, особенно же ея середина, т. е. весь, меря и мурома, именно въ силу передовитости, какъ первая, принявшая на себя волну славянскаго потока (пусть не бурнаго, все равно), должна была испытать наибольшій напоръ, наибольшее воздѣйствіе и потерпѣть отъ него больше другихъ частей инородческой народности, такъ какъ славянскій потокъ, хотя и мирный, долженъ былъ разлиться въ ней, приидти съ ней во взаимодѣйствіе и, если не поглотить, то разжижить, разбавить весьма значительно. Исторія и свидѣтельствуетъ о чемъ то подобномъ: середина передовой инородческой линіи исчезаетъ, лѣтописи и источники съ X в. о мерѣ умалкаютъ, о веси и муромѣ едва упоминаютъ. За то вторые ряды инородцевъ не покидаютъ страницъ источниковъ до позднѣйшаго времени и многіе изъ нихъ болѣе или менѣе сохранились до нынѣ³⁾. Послѣднее обстоятельство ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что новой волны славянскаго потока, послѣ описанной лѣтописью, не было; дѣйствовало лишь частное расселеніе

¹⁾ Волоховъ бо нашедшехъ на словѣни на дунайскія, съшехъ въ нихъ и наслажомъ нмъ. словѣни же (желая избѣгнуться отъ этого) ови приидше, съдоша на Вислѣ... (Лѣтопись прел. Нестора по Лаврен. списку стр. 3).

²⁾ Въ Люблинскомъ уѣздѣ Ярославской губ. есть селеніе Дуленово (58°25'3 Д., 57°59' С. Ш.).

³⁾ Вѣсти и библ. самообразов., 1903 г., № 34, стр. 1383.

по странѣ уже поселившихся ранѣе, совершавшееся медленно и неправильно.

Прежнее единство поступательнаго движенія исчезаетъ. Последній прибой славянства, встрѣтивъ на пути инородцевъ, осѣлъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ними, т. е., уперся въ нихъ. Самая передовая линія славянства состояла не изъ разобщенныхъ пространствомъ или инородцами «племенъ», а напротивъ—изъ плотно-сжатога ряда или строю ихъ, осѣвшихъ одно подлѣ другого. Вслѣдствіе этого возможность мирнаго ¹⁾ движенія впередъ оставалась имъ только по способу медленнаго и постепеннаго проникновенія единицами или небольшими партіями въ среду инородцевъ. Въ стороны срединнымъ славянскимъ отдѣльностямъ («племенамъ») двигаться было некуда: тамъ сидѣли одноплеменники, а окраинныя отдѣльности не распространялись въ этомъ направленіи ²⁾ вслѣдствіе враждебности сосѣдей инородцевъ, что по отношенію сѣверо-западныхъ, т. е. чуди ³⁾ и юго-восточныхъ, т. е. хозаровъ засвидѣтельствовано письменностью.

Такъ оно или иначе, а положительнымъ является то, что массовое движеніе славянъ изъ средней Европы въ Россію шло въ сѣверо-восточномъ, а не южномъ направленіи ⁴⁾ и, остановившись, превратилось изъ массоваго въ частичное. Причинъ остановки, безъ сомнѣнія, было нѣсколько, но едва ли не главныя изъ нихъ тѣ, что передвигавшіяся массы нашли мѣсто для поселенія и встрѣтили прочныя инородческія поселенія. Лѣтописи выставляютъ причиной выселенія славянъ въ Россію утѣсненія ихъ на прежнихъ мѣстахъ волохами и эту причину нужно ⁵⁾, кажется, признать за дѣйствительно дѣйствовавшую, ибо можно положительно утверждать, что вызвано переселеніе не жаждой пищи и борьбы, не безпокойнымъ духомъ браня и завоеваній, не тѣснотой и безземельемъ и не взаимными раздорами ⁶⁾.

¹⁾ Именно о такомъ свидѣлствуютъ лѣтописи: война ими здѣсь не отмѣчена, а напротивъ—союзъ: словены, весь, меря и всѣ кривичи; о томъ же говоритъ и прочее: сохраненіе названій урочищъ и т. д.

²⁾ По крайней мѣрѣ первое время.

³⁾ Русскіе лопари. Н. Харузинъ.

⁴⁾ Явившіяся, несомнѣнно, направленіемъ наименьшаго сопротивленія, такъ какъ ничѣмъ инымъ нельзя объяснить выборъ именно этого направленія.

⁵⁾ Утѣсненія и безпокойства, хотя и не одними волохами; послѣдніе могли лишь переносить чашу терпѣнія, являясь «последней волпой».

⁶⁾ Для насилья Россія давала не много, значительнаго менѣе друскихъ, ближайшихъ странъ; дѣла завоеваній русскіе славяне совершить не проважили до Олега, да и при немъ являлись лишь вспомогательной ратью на ряду съ финнами; тѣсноты въ землѣ не могло быть потому, что земля нашлась до-

Всѣ эти побужденія начали дѣйствовать, вызвавъ частичныя передвиженія, — слѣдствіе частичныхъ начинаній, лишь по остановкѣ славянъ, послѣ того, какъ они окрѣпли на новыхъ мѣстахъ и, такъ сказать, поосматрѣлись. Частичныя движенія въ общемъ шли въ томъ же сѣверо-восточномъ направленіи, но нѣсколько расширились и изъ нримолинейныхъ постепенно превратились въ вѣеро-образныя, достигнуть со временемъ въ одномъ направленіи студенаго Бѣлаго моря, а въ другомъ — теплаго Чернаго и даже далекаго Каспія.

Всего труднѣе было двигаться впередъ средней части славянской линіи. Она относительно быстро обрусила (въ смыслѣ заселенія) земли непосредственныхъ своихъ сосѣдей веси, мери и муромы, такъ сказать, насквозь проникнувъ, пронизавъ по всѣмъ направленіямъ эти народцы, но за то за предѣлы ихъ земель пробилась съ великимъ трудомъ: мордва, черемшсы, отяки-чудь, пермяки, зыряны, вогулы, остяки, — всѣ эти племена противились силой и до сихъ поръ не утратили еще своей народности, — языка, вѣры, обычаевъ, обличья и даже одежды, а частью и мѣста жительства ¹⁾. Но заселеніе и ближайшихъ къ славянству областей совершилось далеко не такъ быстро, какъ обыкновенно думаютъ. Ростовскую область еще Юрій Долгорукій († 1157 г.) называлъ не русской землею ²⁾, а Герберштейнъ въ началѣ XVI ст. истрѣтилъ въ ней около Шексны (Shokna — но мѣстному произношенію) и Мологи населеніе, говорившее, кромѣ русскаго, еще и своимъ особымъ языкомъ. О медленности заселенія свидѣтельствуетъ отчасти и распространеніе христіанства, разносившагося славянами и шедшаго вслѣдъ, а нерѣдко и впереди ихъ ³⁾, почему и могущаго быть показателемъ

статочко для другихъ позднѣйшихъ населеній, центровъ, болгаровъ и проч., раздоръ быль, но не вліяла на выселеніе, ибо въ противномъ случаѣ славяне не селились бы въ Россіи рядомъ по сосѣдству другъ съ другомъ.

¹⁾ Конечно, враждебности туземцевъ были свои причины, изъ коихъ важнѣйшая едва ли не заключена въ самомъ передвиженіи враждебныхъ, воинственныхъ, вызвавшихъ сопротивленіе, а далѣе погромы славянъ и усобицы. И. Смирновъ (Вѣст. и биб. сам. 1903 г. № 34, стр. 1455) отмѣчаетъ, что чуть не ежегодно къ влороческія земли ходила «молоды» для грабежа, «дѣвчанин» и князья за сборомъ дани, и чаще всего благодаручно «возвратились здравы, подѣвшия, истребили, взяли на дѣвчъ». Таки дѣланы славянъ, уже обмывались среди влорочевъ, отмѣчаютъ лѣтописи, былыми и преданія Вологодской и Архангельской губерній.

²⁾ Хотя, быть, можетъ, и не въ извѣстномъ пониманіи этого слова, а въ значеніи собственнаго имени Руси, Русской земли, приуроченнаго послѣ Новгородской къ Киевской землѣ и отчасти вообще къ западной, т. е. вѣсто славянской половинѣ тогдашней Руси, тогда какъ восточная называлась по влорочевъ и дѣвчъ городамъ, Муромская, Ростовская и пр. земли.

³⁾ Хотя оно, вѣроятно, различны славянскими отбывающими на различное охотство и не въ одно время; вятичи, нарды, приведены въ христіанство лишь въ первой трети XIII ст., см. Кукушей, убитымъ кн. Древилу русская исторія до Монгольскаго ига. М. Погодинъ, т. II, стр. 921).

успѣховъ славянскаго разселенія въ болѣе позднее, историческое время.

Въ Ростовской области, ближайшей изъ среднихъ къ славянству и уже ранѣе значительно населенной славянами, христіанство возоблададо не ранѣе XII в.; Вологда просвѣщена въ 1147 г. св. Герасимомъ, мурома въ началѣ XIII в. кн. Константиномъ (1192—1293); бѣлозеры болѣе или менѣе полно лишь въ XIV в., черемисы Костромской губерніи съ 1240 г. пустышникомъ Кіемъ; корелы южной Финляндіи и эсты о. Эзеля съ 1227 г., на С. Двинѣ и Вяткѣ въ XII в., отяки лишь въ 40 г.г. XV в., пермиги и зыряны въ XIV в. св. Стефаномъ (1365—1396 г.); лопари въ XVI в. Теодоритомъ и св. Трифономъ и т. д. ¹⁾.

Не столько расселеніе и наплывъ славянъ, сколько насилія, сопровождавшія проповѣдь христіанства и проявлявшіяся въ видѣ разрушенія проповѣдниками идоловъ и капищъ, оскверненія и поруганія священныхъ мѣстъ (святыхъ мѣстъ) и урочищъ идолопоклонниковъ, затѣмъ преслѣдованія и гоненія ихъ жрецовъ и, наконецъ, насильное введеніе христіанства (чего прекратить и за что отомстить и наказати идолопоклонники не могли по причинѣ защиты проповѣдниковъ разносителями христіанства) вызвала переселенческое движеніе и среди финскихъ туземцевъ. Оно, несомнѣнно, способствовало быстротѣ обрусенія покидаемыхъ областей какъ черезъ убыль количества приверженцевъ стараго порядка, такъ и чрезъ заемъ освободившихся мѣстъ славянами. Выселеніе туземцевъ, вызванное пменно крещеніемъ, почти безспорное и само по себѣ, для Ярославской губерніи (о чемъ упоминалось) засвидѣтельствовано письменностью ²⁾.

¹⁾ Тамъ же; Костромская старина, вып. 2, стат. 6; Рус. Лопари Н. Харушль и Природа и люда 1879 г., кн. X, стр. 12; Сборн. археол. изст. на 5, половина 1-я, отд. 1, стр. 16; Энцикл. словарь Брангауза и Ефрона «отяки».

²⁾ Говоря о язычничествѣ, истата можно отмѣтить одну любопытную подробность изъ вѣрованій. У ярославскихъ язычниковъ, видимо, пользовался большимъ уваженіемъ медвѣдь, связанный съ преданіемъ съ самымъ основаніемъ Ярославля. Дѣло въ томъ, что въ ростовскихъ курганахъ IX—X в., разрытыхъ гр. Уваровымъ, и въ ярославскихъ курганахъ VIII—IX в., разрытыхъ мною, найдены глиняныя лѣпки, вѣраіе всего, медвѣжьей стопы (переднихъ), явновыя и признаны уже Уваровымъ (Мерляне и ихъ бытъ) за священные предметы. И дѣйствительно тапки оны остаются до сихъ поръ у нѣкоторыхъ швородцевъ, жившихъ прежде если не въ самой Ярославской губерніи, то не далеко отъ нея. Такъ остигъ илняется и присягаетъ надъ лапой медвѣдя, его когтемъ или зубомъ и клятва эта самая страшная (если говорю неправду, пусть меня медвѣдь задереть или зайстъ), такъ какъ медвѣдь, сынъ бога Турома, является представителемъ на землѣ справедливости, все знаетъ и видитъ и обмануть его нельзя. Ради такого значенія медвѣжьей лапы, шурмы его остаются обыкновенно безъ лапъ, которыми отрывались и хранятся (Пашкинъ и отчетъ о пущ. въ долину р. Оби. И. С. Поляковъ, стр. 43, 63, 113). У лопарей медвѣдь считается умнѣе всѣхъ животныхъ, охъ «божья собака» и священный звѣрь, на немъ солнце обвѣзываетъ часть своего пути; охъ знаетъ и слышитъ все, что про него говорятъ,

Такимъ образомъ можно считать, что къ концу X, а вѣрнѣе къ срединѣ XI в. если не вся нынѣшняя Ярославская губернія, то большая часть ея ¹⁾ по господству сдѣлалась русской; хотя очень сомнительно, какъ показано выше, чтобъ она была такою же и по составу населенія, среди котораго продолжаетъ существовать все еще только одинъ славянскій городъ Ростовъ, основанный, какъ думаютъ, въ VIII в. О другихъ какихъ-либо славянскихъ поселеніяхъ здѣсь вовсе ничего не упоминается въ источникахъ ²⁾ и лишь въ срединѣ XI ст. отмѣчается ими въ области другой славянскій городъ Ярославъ ³⁾. Но ра-

почему худо о немъ отываться нельзя. Въ жизни его обыкновенно называютъ почитательно «гдѣшкой». Вѣрнѣе, что убитый воспримаетъ и потому кости не дробя и не ломая, зарываютъ въ землю; мѣстами зарываютъ и голову, ложи, пожиты, кусокъ шкуры и скобель,—все, что соприкасалось съ нимъ; нѣкоторые берутъ только лучшія части мяса, остальное все зарывается (Рус. ловарк. Н. Харузинъ, стр. 199—203). Находясь главнымъ въ ярославскихъ турманахъ могутъ навести на мысль о наводненіи въ нихъ финского начала, но эта мысль должна помянуть, если принять во вниманіе уваженіе къ медвѣдю русскаго (при чемъ возможно медвѣдя на масляницѣ есть нечто иное, какъ пережитокъ тѣхъ плясоекъ и церемоній, которыми сопровождалось убійство и вообще охота на медвѣдя, начинающаяся, обыкновенно, въ февралѣ, см. у Полинова и Харузана указанныя мѣста), и снаниваніемъ, украшавшихъ изображеніемъ медвѣжьей головы большинство принадлежностей народа (фябулы, пряжки, броши, запонки и проч.). Желеть быть, остана и другіе чмороцды лишь сохраняли дравнія вѣрванія своихъ соотѣдей, отъ которыхъ они пхъ заимствовали. За это говорить, наприм., обрядъ умятствленія веданого передъ началомъ ловнаго рыбнаго лова; остана замываетъ пѣтуха надъ рѣкой и брызжетъ его кровью въ воду (Поляновъ, тамъ же). Откуда у остана, некевшанаго и величѣшнаго домашней втанды, могъ киваться такой обычай иначе, какъ не черезъ заимствование у славянъ или славяноавовъ, у которыхъ оны засвидѣтельствованы письменностью (Святославъ на Дунаѣ)? Память о почитаніи медвѣдя въ Ярославской губерніи осталась въ ярославскомъ гербѣ, существовавшимъ еще до Петра I (см. Петреты, гербы и печати Большой государственной книги 1872 г., т. 40 и Труды Яросл. арх. ком. т. III, вып. 4, стр. 53) и устномъ не безъ основанія въ прошломъ (какъ и ростовскій:—олень серебряный съ золотыми копытами, рогами и гривой), какъ можно судить по перистому (тамъ же, л. 38), изображавшему медвѣдя, возушачу на овиѣ эвигетліа. Въ рукописномъ сборникѣ Яросл. архіеп. Савула Мхласскаго—любителя книгъ и письменности, была статья объ основаніи Ярославля, заключающая въ себѣ нѣкоторыя подробности, взятая изъ болѣе ранней письменности или изъ преданій и не лишаящая интереса (см. указанные труды Яросл. Комиссіи). Одна изъ такихъ подробностей сообщаетъ, что историческіе жители Ярославля содержали въ «агѣти» медвѣдя, убитаго Ярославомъ I. Принимъ во вниманіе, что Ярославъ, по преданію, на мѣстѣ убійства медвѣдя построилъ первую въ городѣ церковь, можно думать, что медвѣдь содержался при яничѣхъ и служилъ предметомъ почитанія хѣстныхъ жителей, почему и убить Ярославомъ, ревнителемъ христіанства.

¹⁾ Южная, волго-пранобережная.

²⁾ Въ «Лѣтописцѣ о Ростовскихъ архіереахъ» (Труды Яросл. Стат. Комит., вып. 2, стр. 186) про опис. Исаяю (1077—1082) сказано, что онъ... обходя грады и веси, яже въ ростовскѣй и сугдальскѣй области, сокрушаше идолы и кресташе приймающія святую вѣру... но во 1-хъ, не указаво, чьи грады и веси, во 2-хъ, это выраженіе скорѣй общее мѣсто, стилистическая формула, чѣмъ описаніе дѣятельности. Въ это время, вѣроятно, совершалось и выселеніе отакоаъ.

³⁾ Угличъ (Угличе поле) первый разъ упоминается лѣтописью лишь въ 1148 г.; мѣстныя лѣтописи (XVIII в.) относятъ основаніе Углича къ 947 г., но вѣрнѣе имъ трудно (Прошлое Углича, К. Н. Еврековъ, стр. 14—16). Форма «Угличе» въ названіи «Угличе-поле», притяжательное прилагательное отъ «угль» (собственнаго или нарицательнаго имени), а не отъ углича, какъ думаютъ многие. Ярославъ основанъ (какъ Ярославль, т. е. хрѣвостъ) всего вѣрнѣе въ 1023—1024 г.

зумѣется, въ то время были въ губерніи славянскія селенія и кромѣ названныхъ городовъ, какъ наприм., тѣ, которымъ присвоены названія описательныя, изображающія свойства и качества природы и мѣста, занятаго поселенцемъ, его дѣятельности и незначительныхъ событій, сопровождавшихъ это занятіе, въ родѣ: Раменье, Борь, Березники, Перевозъ ¹⁾ и пр., или: Жары, Гаря, Дорь, Станово и др. Въ тому же въ общемъ времени, хотя къ нѣскольکو болѣе поздней порѣ, отиосятся, по всей вѣроятности, селенія и съ именами древней формы, каковы: Дѣвская, Ерилово, Сваруха, Реутово, Торловопо, Дулепово, Мирогостово, Ратнпрово, Ротислово, Святославе (Барашъ) и пр. Въ то же время начинаютъ появляться въ губерніи и несомнѣнно славянскіе курганы съ вытянутыми костягами, головою на западъ, при которыхъ нзрѣдка попадаются византийскіе бронзовые и мѣдные крестики-тѣлнники и образки (на ожерельяхъ) ²⁾. Какіе же славяне населяли губернію и въ какое приблизительно время?

Выше показано, что если вѣрить Юрдану (а не вѣрить ему нѣтъ особо основательныхъ причинъ), то западные славяне—сосѣди готовъ—знали мерю, слѣдовательно и бывали у нея и ничто не говорятъ, чтобъ не жили среди нея, по крайней мѣрѣ, въ VI в., а весьма вѣроятно уже и въ IV в. Этнхъ славянъ источники называютъ венетами-венетами, вентами, вендами, что истолковывается то какъ бѣлый, бѣлокурый отъ кельтскаго *vindeas*—бѣлый; то какъ бродяга, пришлецъ отъ латинскаго *venio*—приходить, прибыть. Въ сущности не важно, кто называлъ такъ славянъ и что значить самое названіе, такъ какъ сами славяне не звали себя этимъ именемъ ³⁾, и Юрданъ (какъ и Несторъ, спустя 300 лѣтъ) сообщаетъ косвенно, что они назывались и говорили разнo, въ зависимости отъ рода и мѣста жительства, т. е., что ихъ было нѣскольکو отдѣльностей. Это же свидѣтельствуетъ и Проковій.

¹⁾ Справедливо считаемыя Н. Фальсичемъ (Исторія древн. Русн, т. I, стр. 116) болѣе древннми, чѣмъ отнесенныя имъ катричннскимъ.

²⁾ Мерке и нхъ братъ, гр. Уваровъ: мой отчетъ о раскопкахъ 1897 г. (въ рукописи въ Архивѣ вѣд.).

³⁾ Принимая во вниманіе, что другое иностранное названіе славянъ *antae* является латинскимъ, означающъ вереднѣ, переводомъ (*ante*—впередѣ, вкредѣ), можно думать, что и названіе венды имѣло такое же происхожденіе. Италіе Собалеваго объ этомъ мнѣніи приводитъ такнѣ. На вѣдѣнъ г. Венды и другнхъ мѣстъ Бураванн и Лафланн онъ смотрѣтъ (Жур. Ш. Н. Эр., 1904 г., VI, стр. 463), «какъ на воднѣдннхъ переселенцевъ: и кндетъ въ нхъ «бнглнскнхъ той эпохи, когда германцы стнла гнбнть славянъ на нхнхъ побережьяхъ Балтнн (т. е. готы нвало Р. X.); отсюду обычное ннзвое ннѣ (венды) у Тек. Лотннн и др.» (т. е. бнглнскнхъ, броднгахъ).

говора о безчисленных *народахъ* антовъ ¹⁾). Но такъ какъ не указаво, гдѣ сидѣлъ каждый изъ этихъ народовъ, то рѣшить вопросъ о томъ, представители какихъ славянскихъ отдѣльностей могли всего вѣроятнѣе проникать въ землю мери въ продолженіи первыхъ осьми вѣковъ по Р. Х., не представляется возможнымъ. Нѣсколько легче отвѣтить на поставленный вопросъ по отношенію времени съ VШ в., такъ какъ имѣются данныя о тогдашнихъ сосѣдяхъ мери въ показаніяхъ начальной лѣтописи. Несторъ начинаетъ обзоръ исторіи славянъ со времени поселенія ихъ на Дунаѣ. Что было раньше, онъ совсѣмъ ничего не знаетъ: «по многѣхъ же временихъ сѣля суть словѣни по Дунаеву, гдѣ есть нынѣ (XI в.) угорьска земля и болгарьска». Съ Дуная ²⁾ славяне, по его словамъ, начали расходиться въ разныя стороны, селись по разнымъ мѣстамъ, отъ названій которыхъ получали и свои названія. Изъ такихъ выселенцевъ онъ называетъ моравовъ, чеховъ, хорватовъ бѣлыхъ ³⁾, сербовъ, хорутановъ, ляховъ съ ихъ подраздѣленіями (лутичи, мозовшаны, поморяны), полянъ, прозванныхъ такъ ляхами (отъ тѣхъ ляховъ прозвашася поляне), древланъ, дреговичей ⁴⁾, подочанъ, словенъ и сѣверъ, заканчивая поясненіемъ: Тако разъидеся словѣньскій языкъ. Говоря о расселеніи славянъ съ Дуная, онъ сообщаетъ мимоходомъ, что дунайскихъ славянъ покорили какіе-то волохи, поселившіеся среди нихъ и притѣснившіе ихъ (Волхъ бо нашедшимъ на словѣни на дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и населящемъ нынѣ); но явно онъ этого обстоятельства не связываетъ съ расселеніемъ славянъ, такъ какъ, сообщивъ о немъ, продолжаетъ разсказывать о расселеніи славянъ ⁵⁾. Затѣмъ,

¹⁾ Изъ исторіи слав. царствъ, стр. 26. А. М. Погодинъ утверждаетъ то же (стр. 20).

²⁾ Соболевскій (въ указанной замѣткѣ) говоритъ, что распространенность названія Дунай у рус-славянъ и поляковъ (у этихъ до нынѣ, какъ иеридательное, что было прежде и у русскія) свидѣтельствуетъ о знакомствѣ славянъ съ р. Дунаемъ еще въ обще-славянскую пору (стр. 464).

³⁾ Соболевскій (тамъ же) говоритъ, что данными языки не позволяютъ связывать «хорваты» съ «карпаты», ибо древнѣйшій видъ перваго слова—хръватъ, откуда греч. *χρῆβατοί* (хрѣбаты) и средне-вѣковое лат. *croati* (крататы). Въ Лаврентіевской лѣтописи: хрватъ, хрватъ, хрватъ (изъ хръватъ); въ старо-польскихъ источникахъ *chrwat* (хрват); въ старо-сербск.—хрѣвата. Вѣроятно, это названіе восходитъ, по Соболевскому, еще къ иеридательному: у вавиловъ и нынѣ карватъ (*karwatik*)—кумъ, мушьянъ, карватна—женщина. Но если хорваты—мушьянъ, то какова исторія этого слова? Въ такомъ значеніи его гдѣ-у многихъ славянъ, стало быть, оно явилось прежде. Откуда же и что могъ значить его корень (хор—хр)?

⁴⁾ Болотчанъ: драгаа, драгва—болото (или дрва. Руск. И. Филемичъ, т. I, стр. 91). На Руск отъ того же корня существуютъ слова: драгаться—дѣлать такіи движенія, особенно ногами, какъ при усиліи вырваться изъ несемывающей трясины-болото, и драгутама—разслабленный, челоукъ съ нервными, поддерживающими движеніями.

⁵⁾ Славяне же, они пришедше, сѣдоша на Вислѣ, и прозвашася ляхове.. Для меня не ясно, почему наместно волоховъ прижимаютъ (И. Забѣлинъ. Истор. рус. жизни) такъ рѣшительно за причину

послѣ нѣсколькихъ уклоненій сообщаетъ краткую внѣшнюю исторію дунайскихъ славянъ, начиная ее съ V в., такъ какъ первыми послѣ волаховъ упоминаетъ болгаръ, ничего не говоря (очевидно, по незнанію) ни о готахъ, ни о гуннахъ. Болгары, по его словамъ, пришли на Дунай изъ Сѣверія отъ козаръ и поселились среди славянъ ¹⁾.

Послѣ нихъ, по опредѣленію Нестора, въ VII в. (<при Иракліи цари> 610—641 г.) къ славянамъ явились угры бѣлые, прогнавшіе волаховъ, завладѣвшіе ихъ землей и покорившіе славянъ ²⁾, жившихъ на этой землѣ. Бѣлые угры, навѣрно, представляютъ тѣхъ угровъ-мадьяровъ, которые, явившись въ Россію съ гунами, жили на Кавказѣ и около его и оставили тамъ свою память въ имени мадьяръ, присвоенномъ нѣкоторымъ урочищамъ. Они, какъ говорятъ и Несторъ, и были основателями Венгріи, а вовсе не тѣ (черные), которые шли мимо Кіева при Олегѣ, какъ думаетъ Европеусъ и венгерскіе лѣтописцы XIII ст. Ушли въ Венгрію не всѣ бѣлые угры-венгры, много ихъ осталось въ Россіи среди козаръ и сѣверяне, гдѣ ихъ знаютъ и греки (Багряно-родный), и арабы, и путешественники XIII в. Только среди этихъ угровъ и могла жить память объ Аттілѣ.

Къ тому же (лишь приблизительно) времени Несторъ относитъ и нашествіе на западныхъ, но не Дунайскихъ славянъ обривъ, вовавшихъ съ славянами, но покорившихъ изъ нихъ однихъ только дулебовъ, жившихъ на З. Бугѣ, т. е. далеко отъ Дуная. Мучившіе дулебовъ обривы въ свою очередь были уничтожены, какъ думаютъ нѣмцами, — Карломъ великимъ ³⁾.

разселинн славянъ съ Дуная; изъ текста лѣтописи этого не слѣдуетъ. О нашествіяхъ на славянъ и о поселеніяхъ среди нихъ разныхъ народовъ лѣтопись упоминаетъ не разъ, при чемъ ясно говоритъ, что славяне оставались на мѣстѣ и переходили изъ рукъ въ руки. Кроме того, она прямо свидѣтельствуетъ, что воляги и славяне продолжали жить вмѣстѣ даже еще въ IX в.: Идоша угри мимо Кіева горю (898 г. или вѣрнѣе 884 г.).... устремившася черезъ горы великія и почаша воевати на жиличанъ эту воляги и славяны; сѣдяху бо ту прже словѣши, и польхъа приша землю словѣнскую (Лѣтопись прел. Нестора по Лаврен. списку, стр. 2, 3, 5, 11).

¹⁾ Получили общую извѣстность съ 487 г., когда впервые перешли за Дунай, но были отбиты остъ-готами короля Теодорихомъ (Изъ ист. слав. народа., стр. 47).

²⁾ По семь придоша угри бѣліи (стр. 5), прогнаша воляги и наслѣдша землю, и сѣдоша съ словѣши, покоривше и похъ са; оттогда призваша земля угорьска (стр. 11). Си бо угри почаша быти при Иракліи цари (стр. 5). Бѣлые угры—угры владѣтели или завоеватели, господа, ибо русское «бѣлая кость»—господи, правители; «черная кость»—народъ, подчиненные. По этому черныя угры могли по имени, но впрямь быть и не уграми, а лишь покоренными уграми племенемъ или даже племенами.

³⁾ Лавціи по русск. исторіи С. Ф. Платонова (стр. 50). Обривы, отождествляемые съ аварями, по А. Л. Погодину, завлали Панонію-Венгрію въ 568 г. (Изъ ист. слав. народа., стр. 59). По Нестору, этого не видно и выходитъ такъ, какъ будто бы обривы были только въ Прикарпатіи.

Послѣ оброровъ пришли къ славянамъ печенегъ, затѣмъ угры черные, шедшіе, какъ и бѣлые, мимо Києва и прошедшіе вновь по тому же пути при Олегѣ въ 898 г. (884) ¹⁾. Появленіе печенеговъ и первое черныхъ угровъ Несторъ не опредѣляетъ, но ясно, что они были до IX в., такъ что мнѣніе нѣкоторыхъ о появленіи печенеговъ въ Россіи лишь въ X в., основанное на показаніяхъ лѣтописи: «въ лѣто 6423 (916) придоша печенѣзи первое на Русскую землю и, створивше миръ съ Игоремъ, идоша въ Дунаю» и, «въ лѣто 6476 (968) придоша печенѣзи на Русскую землю первое», не вѣрно. Оно сложилось вълѣдствіе неавѣрно понятаго текста. Несторъ въ приведенныхъ извѣстіяхъ хочетъ сказать только то, что въ 916 г. печенеги впервые пришли на Русскую землю, а въ 968 г. впервые пришла войною на эту землю, а не вообще въ Россію. Разумѣется, что проходя Россію (первый разъ) въ то время, когда въ ней не было еще «Русской» земли, печенеги не могли находить на Русскую землю, оттого Несторъ и не говоритъ объ этомъ, отмѣчая лишь приходъ печенѣговъ къ дунайскимъ славянамъ.

Такова внѣшняя исторія западныхъ славянъ по свѣдѣніямъ Нестора; о внутренней ихъ исторіи онъ, видимо, почти ничего не зналъ, кромѣ разселенія и общности происхожденія, усиленно имъ подчеркиваемой. Только этими же чертами онъ связываетъ западныхъ славянъ съ русскими, изъ которыхъ больше всего знаетъ и больше всего занять полянами, его земляками. Въ изложеніи (въ общихъ чертахъ) прошлаго русскихъ славянъ, т. е. такъ сказать, въ предисловіи къ ихъ исторіи у Нестора гораздо меньше порядка, чѣмъ въ изложеніи прошлаго западныхъ славянъ. Сырого матеріала онъ набралъ и больше и разнообразнѣе, но этотъ матеріалъ не былъ, видимо, до него систематизированъ, какъ предыдущій, а самъ онъ его упорядочить не умѣлъ. Слѣдствіемъ этого явилась крайняя неравность и непослѣдовательность изложенія съ постоянными отступленіями, возвращеніями назадъ, недосказами и пр. Все это очень затрудняетъ пользованье его повѣстью, заставляетъ скакать вмѣстѣ съ его мыслью съ страницы на страницу и сопоставлять и сравнивать чуть не каждую строку, чтобы разобцать перелутанныя мысли и привести ихъ въ послѣдовательный порядокъ. Поаятно, что недосмотры при этомъ неизбежны.

¹⁾ Несторъ говоритъ: пакъ идоша угри чернии мимо Києв, послѣ же при Олегѣ; очевидно, что «пакъ» относится не къ уграмъ, такъ какъ о черныхъ уграхъ тутъ онъ упоминаетъ только въ первый разъ, а къ Києву.

Къ перечисленнымъ выше при описаніи расселенія славянъ съ Дуная славянскимъ отдѣльностямъ, поселившимся въ Россіи, Несторъ, говоря о русскихъ славянахъ, добавляетъ въ разныхъ мѣстахъ кривичей, сидѣвшихъ на верховьяхъ Днѣпра, З. Двины, и Волги, дулебовъ-бужапъ на З. Бугѣ, замѣненныхъ послѣ воюныями ¹⁾, и улучей и тиверцевъ, жившихъ по Днѣстру и сѣверозападному берегу Чернаго моря до Дуная, въ греческой великой Скифій ²⁾. У словеновъ, кривичей, полочанъ—полянъ и тиверцевъ онъ отмѣчаетъ города, у первыхъ четырехъ по одному, у послѣднихъ нѣсколько, сообщая, что городъ словеновъ выстроенъ ими вскорѣ по занятіи новаго мѣста ³⁾ и что города тиверцевъ существовали еще при немъ въ XI в. ⁴⁾. Кромѣ собственно славянскихъ отдѣльностей онъ упоминаетъ въ средней Россіи еще двѣ ляхскія: радимичей и вятичей, очень опредѣленно отличая ляховъ отъ славянъ ⁵⁾, говоря, что одни отъ рода славянъ, а другіе отъ рода ляховъ.

Разсказывая о переселеніи ляховъ въ среднюю Россію, Несторъ мимоходомъ сообщаетъ, какъ образовались славянскія отдѣльности, называемыя обыкновенно «племенами». Были среди ляховъ два брата—Радимъ и Вятко. Они пришли съ Вислы съ своими родами и поселились первый на р. Сожѣ (въ Могилевской губерніи), а второй на Окѣ (въ Калужской губерніи), образовавъ двѣ отдѣльности, прозванныя на новыхъ мѣстахъ радимичами и вятчанами по своимъ старшимъ. Изъ этого извѣстія видно, что основной родъ Радима и Вятка распался на два, всего вѣроятнѣе, послѣ смерти ихъ отца. Женатые братья раздѣлились и съ своими семьями, родными, а можетъ быть, и со свойственниками ушавъ на новыя мѣста, оставивъ старое, можетъ быть, старшему брату.

¹⁾ Лѣтопись преп. Нестора, стр. 6; Дулеба ивнѣху по Бугу, гдѣ ивнѣ (XI в.) воюныице. Стр. 5. Бужане, замѣ сѣдоща по Бугу, послѣ же вельныице.

²⁾ Между улучи и тиверцы «и» поставлено не бездѣ, что И. Филевичу дѣтъ поводъ разсматривать первое слово не какъ собственное или славянское отдѣльности, а какъ описательное прибавленіе къ имени тиверцы: тиверцы-улучи, т. е. тиверцы-лучане, сидѣще на лучѣ. Это толкованіе очень вѣроятно, такъ какъ лѣтописи не раздѣляютъ эти два названія и послѣ, сообщая о тиверскихъ городахъ. Если допустить, что тутъ рѣчь идетъ не объ одной, а о двухъ отдѣлностяхъ («племенахъ»), то случай трактованья о двухъ за-разъ идетъ исключительнымъ для лѣтописи. Съ именемъ тиверцы (тиверцы) находится въ связи имя г. Тверь,—иритная форма ивъ Тверь.

³⁾ Словои же (уланъ съ Дуная и) сѣдоща оноло озера Ильмеря, прозваннаи своимъ княземъ и сѣдлаша градъ Нонъ-городъ.

⁴⁾ Эта оговорка говоритъ какъ будто о томъ, что омихъ тиверцевъ уже не было на старыхъ мѣстахъ.

⁵⁾ Дрѣвнѣше же отъ словѣиъ же... радимичи бо и вятичи отъ ляховъ (стр. 6). Быша же радимичи отъ рода ляховъ (стр. 45).

На новомъ мѣстѣ они селятся отдѣльно и при томъ на довольно значительномъ разстояніи другъ отъ друга, образовавъ двѣ совершенно отдѣльныя обособленности, несвязанныя даже и названіемъ, такъ что, не сохранись извѣстія о ихъ самомъ близкомъ родствѣ, они пошли бы за особыя «племена». Между тѣмъ они одного племенидаже по отношенію родственности, такъ какъ родовое родство переходитъ изъ племенное только съ третьяго колѣна, съ племянниковъ ¹⁾).

Обособленность родовъ Несторъ сообщаетъ для другихъ отдѣльностей русскихъ славянъ, какъ наприм., для полянъ въ рассказѣ о Кіѣ съ братьями, жившими каждый особо, на особыхъ мѣстахъ, и въ прямомъ свидѣтельствѣ его, что поляне «живаху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ». Стало быть очевидно, что вся отдѣльность полянъ состояла изъ отдѣльныхъ родовъ, носившихъ общее названіе полянъ исключительно по характеру обитаемаго ими мѣста—полей, т. е. представлявшее вовсе не имя (собственное), а прозвище (прилагательное), обозначающее наружный, внѣшній, условный признакъ. Перейдя въ лѣса, поляне превратились бы въ древянъ. Ничто не говоритъ о томъ, что поляне были связаны другъ съ другомъ общими плотскими (фізіологическими) признаками или кровнымъ родствомъ, точно такъ же, какъ и всѣ другія отдѣльности русскихъ славянъ. Слѣдовательно, называть эти отдѣльности племенами нельзя, неправильно и нѣтъ никакихъ основаній ²⁾). Племень древнихъ русскихъ славянъ мы не знаемъ и они до сихъ поръ не выяснены, хотя, конечно, были, но если русскіе славяне не были объединены по происхожденію, т. е. въ кровныя племена (въ нынѣшнемъ смыслѣ), о чемъ свидѣлствуютъ и византийцы ³⁾, за то они, повидному, были до нѣкоторой степени объединены по правленію, т. е. въ княжества или волости. Но крайней мѣрѣ лѣтопись ясно и опредѣленно свидѣлствуетъ объ этомъ: держати почаше родъ ихъ княженье въ поляхъ (т. е. среди живущихъ

¹⁾ Когда они женятся и обзаводятся семьями, т. е. приобретутъ свойственниковъ. Родственники—это родные мужа восходящіе и нисходящіе, т. е. потомки родоначальника; свойственники—это родные жены; они не родные мужу, т. е. не связаны съ нимъ кровью, а только своимъ, не чужіе, связанные съ нимъ чрезъ жену,—родную мать.

²⁾ Точно такъ же, какъ нельзя за племена считать жителей разныхъ губерній. Три отдѣльности современныхъ русскихъ: великороссы, малороссы и бѣлороссы точно такъ же не племена за исключеніемъ разнѣ послѣднихъ, да и то не безъ натяжка.

³⁾ Прокопій Кесарійскій (VI в.), очевидно, сообщаетъ, что у славянъ не было ни одного общаго правителя, ни объединенности, такъ какъ шло отдѣльными родами (доимператорскими) далеко другъ отъ друга, занимая въ силу этого большую площадь, и часто гнѣвали мѣсто. Но большія дѣла вели сообща (Изъ ист. слав. перевод., стр. 54).

на поляхъ, среди полянъ, Аскольдъ и Диръ—начаста владѣти польскою (т. е. полевою землею), въ деревьяхъ (среди живущихъ въ деревьяхъ или среди деревъ: Игорь иде въ дерева въ дань, есть могила его въ деревѣхъ и до сего дне, было княжене) свое, а дреговичи (имѣли) свое, а словени свое въ Новѣ-городѣ, а другое на Полотѣ, и-же полочане; отъ нихъ же кривичи,... та-же сѣверъ отъ нихъ. Но эти княженя, основанныя на кровной родственности, (се Кіи княжаше въ родъ своемъ), не совпадали съ тѣми отдѣльностями, на которыя Несторъ вслѣдъ за жизнью и дѣйствительностью (практикой) раздѣлялъ русскихъ славянъ и которыя обособлялъ отдѣльными названіями (топографически-этнографическими), такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ одной такой отдѣльности было нѣсколько княженій, какъ наприм. въ древянской (а наши князи добри суть), а въ другихъ случаяхъ напротивъ—одна отдѣльность выдѣляла изъ себя князей для нѣсколькихъ другихъ, какъ наприм., словенская—для кривичей полотовскихъ и смоленскихъ и для сѣверы. Очевидно, что подобное выдѣленіе князей или снабженіе ими другихъ отдѣльностей могло совершаться только на основаніи родственности, на основаніи общности происхожденія, такъ какъ другихъ объединяющихъ началъ не было: неизвѣстно и предположить нѣтъ основаній¹⁾. Нѣтъ основаній предполагать и обширность княженій; напротивъ, все заставляетъ думать, что они не выходили за предѣлы, самое большее, кровного племени, а нерѣдко ограничивались и однимъ родомъ (въ случаяхъ многочисленности его). Если не во всѣхъ, то во многихъ княженяхъ были свои городки

¹⁾ Новгородцы и много позже были, какъ известно, называли княжеское отдѣльностью и княжье установленіе (институтъ) у нихъ было равною нѣмъ другихъ. Названіе «кривичи» болѣе другихъ (крошъ вятичей и радичей) подходитъ, какъ можетъ казаться, въ дѣйствительному названію или явлению, но и оно не болѣе, какъ общее, нарицательное, отличительное или именное, простое. «крестяныя, старогарь, бисурма», кто есть полное осмѣленіе считать кривичей (кривичей) особыми явленіемъ и послѣдователями криве—ея главному криве. Тщательное изученіе тверского и смоленскаго говора, по всей вѣроятности, откроетъ въ этихъ говорахъ слѣды литовскаго вліянія. Что кривичей тому обстоятельству, что новгородцы оставались первое, впрочемъ, продолжительное время безъ отличительнаго прозвища, слыши просто словесами, трудно сказать. Можетъ быть, удаленность ихъ отъ остальныхъ и обособленность, можетъ быть, отсутствіе въ нихъ какихъ нибудь занятыхъ или странъ характерныхъ чертъ или познность (а можетъ быть, и равенность) поселенія, или, наконецъ, отсутствіе нужды и случая дать отличительное прозвище. Какъ бы не было, но разность въ зброваніяхъ, которую можно предполагать на основаніи прозвища еднихъ кривичей, а другихъ просто словенями (стало быть не послѣдователями криве), едва ли можно считать причиной достаточной для ведоушенія родственности или крайней мѣры свойственности между кривичами и словенями, такъ какъ близость тѣхъ и другихъ другъ къ другу была въ солидарности ихъ дѣйствій при призваніи князей. Эта солидарность затрудняетъ допущеніе названнаго подлиннаго прозвища кривичей словесами (которую можно бы предположить, отвергая или исключивъ родственность) на основаніи именнаго послѣдствія у первыхъ.

(укрѣпленья, тѣ, что нынѣ зовутся городищами и городцами; чѣм се градокъ? спрашиваютъ Аскольдъ и Диръ про Кіевъ ¹⁾), въ которыхъ, повидяному (судя по позѣе бывшему) и жили князья (а славѣни свое въ Новѣ-городѣ) и которые съ ихъ окрестностями, запятыми членами рода или племени, построеннаго городокъ, и съ промысловыми землями посѣднихъ—пахнями, бортами, ухояями и другими угодьями—и составляли княженье или волость. По крайней мѣрѣ лѣтописи опредѣленно говорятъ: 1) Бяна около града *лѣсъ и боръ великъ и бяху* (кіевляне) *ловяща звѣрь* въ этомъ лѣсу, т. е. лѣсъ былъ ухояемъ; 2) вси гради наши... дѣлають нивы своя и землѣ своя, очевидно, немогшія быть далеко отъ городонъ; 3) *новгородцы* бо извачага и смоляныне, и кыяне, и полочане, и вся *власти*, яко же на думу, на вѣча сходятся; 4) а славѣни свое (княженіе имѣли) въ Новѣ-городѣ.

Въ третьемъ изъ этихъ извѣстій Новѣ-городъ названъ *волостью*, какъ и другіе города, а въ четвертомъ указано, что въ немъ было княженье—опять такъ также, какъ и въ другихъ городахъ, ибо князья (Кій и Малъ) жили въ городахъ (Кіевѣ и Искоростенѣ) ²⁾, а стало быть, въ городахъ же было и княженье (Кій, жившій въ Кіевѣ, княжаше въ родѣ своемъ). Слѣдовательно городъ съ его округой былъ и назывался и княженьемъ и волостью; первое выводится изъ показаній лѣтописи, второе ею засвидѣтельствовано непосредственно. Изъ приведенныхъ лѣтописныхъ извѣстій усматривается, что мелкія, мѣстныя, или, какъ только что показано, родо-племенные отдѣльности славянъ назывались по ихъ городамъ (смолянѣ, кыяне), но это обстоятельство никакимъ образомъ не можетъ служить показателемъ того, какъ думаютъ нѣкоторые, что племенной бытъ славянъ перешолъ въ этоу времени въ волостной, такъ какъ то, что разумѣютъ подъ славянскими племенами (кривичи, поляне и пр.), было не племенами, а поселенческими, земельно-мѣстными или мѣстовыми (территориальными) обособ-

¹⁾ Лѣтопись въ общемъ описаніи славянъ отнѣчаетъ очень не много изъ нихъ (городонъ) и, конечно, потому, что не придаетъ имъ никакого значенія, какъ и въ дѣйствительности неимѣвшихъ его и немогшихъ жить изъ жизни бродячихъ земледѣльцевъ-охотниковъ. Рассказывая о сооруженіи Кіева, лѣтопись не говоритъ, чтобы въ немъ жили всѣ братья съ ихъ родами, а напротивъ, указываетъ, что жили они отдѣльно на трехъ разныхъ горахъ,—*ловяща звѣрь*. Но что городонъ или, вѣрнѣе, городонъ было у славянъ много, объ этомъ свидѣтельствуетъ не только древнѣйшее, но и сами лѣтописи, упоминающая при надобности нѣкоторые изъ нихъ (Искоростень, Овручъ, Черниговъ и пр.) и выражающаяся о твердыхъ, что суть гради ихъ и до сего дне, а о крѣпкихъ, что гради.... дѣлають нивы своя.

²⁾ Игора убили искоростяны (яко тѣ бяху убили муже ея); ихъ города Ольга только и раззоряла и они же говорили: помяну мену его Вольгу за князь свои Малъ.

ленностями, и такъ какъ родо-племенный (кровно-племенный) бытъ былъ присущъ славянамъ, судя по лѣтониси и иностраннымъ извѣстіямъ, съ незапамятныхъ временъ, съ того дна, какъ они дѣлаются извѣстны, и остается очень замѣтнымъ еще и въ настоящіе дни. Какъ выяснено, изъ родовъ и племенъ (кровныхъ), называвшихся по ихъ городамъ ¹⁾ и составлявшихъ волости-княженья, и состояли тѣ отдѣльности, которыя признають за «племена». Стало быть, этимъ «племенамъ» не зачѣмъ было переходить въ волости. Правда, что съ усиленіемъ и искусственнымъ развитіемъ городовъ, съ постановкой ихъ на первый планъ князьями завосвателями племена (кровныя) — волости или княженья тоже выдвинулись, затмивъ прежнія урочища — мѣстовыя дѣленья славянъ, но не потому, чтобъ славянскій бытъ измѣнился, а потому, что съ объединеніемъ не совмѣстимы отдѣльности (т. е. раздѣленность). Пока не было объединяющаго начала (князей завоевателей), до тѣхъ поръ и существовали словены, кривичи и другія отдѣльности, а какъ только такое начало появилось, такъ отдѣльности упразднились сами собой и образовалась одна общая Русская земля, состоявшая изъ городовъ съ ихъ округами, т. е., изъ волостей, или княженій, какъ они и называются въ договорахъ русскихъ съ греками (похотѣннемъ нашихъ князь и по повелѣнью; и отъ всякой княжля). Коренное, то, что создано сущностью, природой предмета, т. е. родо-племена — волости, уцѣлѣло, наружное же и стороннее, вызванное къ жизни условностью и случайностью (мѣстомъ жительства), т. е. мѣстовыя отдѣльности, пзчезло, хотя и не съ раза, а постепенно, по мѣрѣ укрѣпленія власти и значенія общаго князя ²⁾. Этотъ родо-племенный бытъ съ вѣчемъ-сходкой и съ выборнымъ главой или старшимъ (какъ бы послѣдній не назывался: князь, волостель, мужъ, старшина, староста, голова и проч.) въ основѣ своей прошелъ чрезъ всю русскую исторію и дожилъ въ сущности до нашихъ дней, являясь многократно на протяженіи историческаго времени во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельства предоставляли дѣйствовать народу, когда онъ становился самъ собою и заявлялъ о себѣ, т. е. когда

¹⁾ Нельзя утверждать, чтобы всегда; некоторые могли называться и отъ другихъ урочищъ или отъ родоначальниковъ, какъ вятичи, но вообще названія, взятые изъ названій урочищъ, и были, и остаются одними изъ самыхъ распространенныхъ у русскихъ.

²⁾ Упомянуты еще при Владимірѣ св.: и отъ словенъ, и отъ кривичъ, и отъ чюди, и отъ вятичъ (Лѣтон. преп. Нестора, стр. 68); мѣстовыя отдѣльности вполнѣ исчезаютъ лишь въ удѣльному пору, когда ихъ замѣнилъ удѣлъ. Объ этомъ предметѣ я надѣюсь поговорить особо.

утрачивалъ вожака—правителя. Такъ было и при удѣлахъ, такъ было и при царяхъ въ лихолѣтье и даже при императорахъ въ памятный 12 годъ, такъ оно остается и до сихъ поръ, вызывая собранія, т. е. сходки, вѣча и выборъ главы (представителя, большака, ходака и пр.) во всѣхъ случаяхъ, выходящихъ за предѣлы узкихъ личныя интересовъ. Да иначе и быть не можетъ, ибо такой строй дѣловодства коренится въ самой природѣ человѣка и зародышемъ вѣча является семейный совѣтъ. Но существованіе вѣча не влечетъ еще за собой непремѣннаго существованія общины, какъ ее обыкновенно понимаютъ, т. е. съ общиннымъ имуществомъ. Такого имущества, какъ общаго правила, у русскихъ славянъ никогда не было и нѣтъ; оно навязано имъ насильно и они отъ него всегда отрещивались и отрещиваются по сей часъ. Огромная литература по данному вопросу создана глубокимъ недоразумѣніемъ, заложеннымъ въ рѣшеніе вопроса съ первыхъ дней его возникновенія. Даже земля никогда не принадлежала обществу по его собственному почину и никогда общинныхъ земель, какъ общаго правила, у русскихъ самостоятелно и добровольно не возникало и не могло возникнуть, такъ какъ земля никогда обществомъ не разрабатывалась и не разрабатывается. Иначе не могло бы существовать закона перваго заема или захвата угодья, отдающаго занятое въ полное распоряженіе занявшаго его первымъ, а равно не могло бы быть полно-мочныхъ и мало-мочныхъ, бѣдныхъ и богатыхъ, такъ какъ каждая вновь найденная борть, каждая пшурка принадлежали бы всѣмъ. Земля приобрѣла видъ общиннаго достоянія тогда, когда съ нея стали брать налоги и когда ее закрѣпили за княземъ, какъ правителемъ, т. е. обратили въ государственную или княжественную собственность¹⁾. Правда, она такъ не называлась (звалась черной), но была въ дѣйствительности такой, такъ какъ облагалась податью правителемъ княжества, который распоряжался ею в во всякихъ другихъ отношеніяхъ,—разрѣшалъ или запрещалъ въѣздъ на нее, торговлю, плаваніе по ея водамъ и промыслы въ нихъ, заключалъ договоры относительно ея, защищалъ и т. д., словомъ, вѣдалъ землею²⁾. Вотъ, когда она едѣлалась такою, тогда

¹⁾ Кромя такой, принадлежавшей въ сущности князю или удѣлу, а въ дѣйствительности его правителю князю (пока онъ былъ нхъ), у князей были собственныя земли—ихъ частное владѣніе, на которыхъ князь не терялъ, какъ на первыхъ, правъ и поводовъ княжества.

²⁾ Не единично, а совѣстно съ совѣтомъ—дружиной. Но дружина это была не выборная, а наборная, во-первыхъ, а во-вторыхъ, голова князя въ ней была все-таки главнымъ, рѣшающимъ, хотя, послѣднее, конечно, много зависѣло какъ отъ характера князя, такъ и его дружинниковъ, отъ степени самостоятельности и независимости той и другой стороны,—безхарактерный и слабодольный

частные владѣльцы и утратили право распоряжаться ею по собственному усмотрѣнію, никого не спрашиваясь, а не тогда, когда они владѣли ею безотчетно, и не потому, что земля составляла достояніе общины. Це могло быть общины при подсѣчномъ земледѣліи и тамъ, гдѣ люди жили разобщенно, постоянно мѣняя мѣсто жительства; община требуетъ прочной, устойчивой и тѣсной осѣдлости, а стало быть, и значительнаго болѣе или менѣе числа общинниковъ, числа достаточнаго для поддержанія и обороны имущества общины. Значительныхъ же поселеній, за исключеніемъ нѣкоторыхъ (очень немногихъ) городовъ, не было; еще въ XIII в. множество селеній состояло изъ 1, 2, 3 дворовъ, а въ XVI в. такими было чуть ли не большинство ¹⁾. Про болѣе раннее время и говорить нечего ²⁾. Конечно, не за общину говорить и свобода перехода, въ родѣ переселенія Радима и Вятка и поселеніе ихъ отдѣльно другъ отъ друга. А такое переселеніе было, разумѣется, не единственное. Словомъ, общины, несуществующей до сихъ поръ у русскихъ, съ великимъ трудомъ объединяющихся въ общества, у русскихъ славянъ не могло быть и не было, а разверстка податей и т. п. отправления есть слѣдствіе не общиннаго быта, а общиннаго устройства, введеннаго правительствомъ, отъ какового (т. е. устройства) избавиться стремились всѣ и всегда. Да и странно было бы ожидать встрѣтить общину у русскихъ славянъ при той степени развитія, на какой они стояли въ первыя времена своего историческаго существованія, когда ввести общину не можетъ даже самое христіанство, проповѣдующее ее 1900 лѣтъ, и такъ среди не однихъ дикарей, а очень часто и среди высокоразвитыхъ народовъ. Конечно, въ строеніи быта людей нѣтъ рѣзкихъ границъ между различными состояніями и начала общины можно находить, пожалуй, и въ устройствѣ семьи, и въ устрой-

нныя бытъ въ рукахъ дружины. Понятно, чѣмъ дальше шло дѣло, тѣмъ подобныя простыя отношенія все болѣе осложнялись и тѣмъ сильнѣе переплетались интересы земли съ правительствомъ, такъ какъ въ дружину начали попадать земли, а дружинники, приобретаая недвижимость, онали превращаться изъ земледѣль.

¹⁾ Города Московскаго государства въ XVI в. Н. Д. Чечулинъ, стр. 309.

²⁾ Нѣкоторые выставляютъ доказательствомъ существованія общины у славянъ круговую поруку, которую видятъ въ принужденіи отвѣчать за виновнаго, если оный не размыщется, всю вервь. Но въ этомъ приѣмѣ законодателя, нѣтъшемъ въ виду выдачи преступника, нельзя видѣть круговой поруки, такъ потому, что установленъ означенный приѣмъ не общиной, такъ и потому, что оная является обычной уголовной, до ннѣ употребляемой учащими начальствомъ, побудить къ содѣянію гонѣ чрезъ принужденіе страдать и терпѣть невинныхъ. Сходна или вѣче точно также не представляеть признаки общины: башкиры, калмыки, киргизы и др. кочевники всѣ важныя дѣла рѣшаютъ сообща, въ собраніяхъ, но, конечно, ннто не будетъ утверждать, что у нихъ существуетъ община.

ствѣ рода и кровнаго племени, но тогда не слѣдуетъ дѣлать различія между этими видами быта на тѣхъ основаніяхъ, на какихъ оно обыкновенно строится. У нашего современнаго крестьянина имущество въ дѣйствительности принадлежитъ всей семьѣ, сынъ пользуется, не спрашиваясь, отцовскою одеждою, отецъ дѣтскою, всѣ одинаково пользуются для своихъ надобностей скотиною и т. д., но въ основѣ и представленіи (въ принципѣ) все имущество принадлежитъ родителямъ, тому, «кто наживалъ», а изъ нихъ главнымъ образомъ отцу, какъ главному работнику. Когда же отецъ старѣетъ и передаетъ хозяйство сыну, послѣдній становится большакомъ, распорядителемъ всего и дѣйствительнымъ хозяиномъ. Это правило—все принадлежитъ тому, кто наживалъ—является основой всей жизни крестьянина, правда, не проводимой имъ строго въ жизнь ¹⁾, но никогда и не забываемой, восстанавливаемой во всѣхъ спорныхъ случаяхъ. Крестьянина сперва являли владѣнія земель, затѣмъ частнаго пользованія ею, а потомъ отдали ее ему въ общее пользованіе. Но онъ этой общей землей до сего дня продолжаетъ пользоваться не сообща, а въ отдѣльности. Онъ дѣлитъ землю на части и каждый членъ искусственно созданной общины пользуется своею частью, какъ частный владѣлецъ, община въ его пользованіе не вступается. То есть, поставленный искусственно въ общинныя условія существованія, крестьянинъ тѣмъ не менѣе ухищряется существовать на частныхъ началахъ и избѣгаетъ всякихъ общинныхъ предпріятій, какъ влекущихъ у него всегда непріятности и неудовольствіе. Можно

¹⁾ Въ деревнѣ имуществомъ всѣмъ пользуются не только свои, но и чужіе, такъ какъ взаимно-помощь въ деревнѣ, въ силу общей бѣдности, въ силу недостатковъ и недостатковъ у всѣхъ и нечего, развиты въ замѣчательной степени. Сосѣди у сосѣда берутъ много, не спрашивая даже и хозяина вещи; когда она ему понадобится, нѣрѣдко приходится бѣгать по деревнѣ изъ дома въ домъ, опрашивая,—не возьмъ ли ее ктонибудь. Такое положеніе дѣла является причиною и той легкости, съ которою русскій престолоумный рѣшается на воровство. Многие виды воровства и присвоенія онъ по своимъ попятіямъ (слѣдствію слабаго его міазма) даже не считаетъ за таковое. Явное же, открытое пользованіе чужимъ добромъ не признается предосудительнымъ даже въ большихъ городахъ. Оправданіемъ при этомъ является неимѣніе дѣлать: разъ владѣлецъ присвоеннаго вѣдѣть или даже только можетъ вѣдѣть (или вообще знать) совершаемое, но не препятствуетъ тутъ-же, на мѣстѣ его совершенію, значить, онъ не имѣетъ ничего противъ присвоенія. Вы сваливъ возъ пшена для себя, а имъ пользуются всѣ обитатели двора; у васъ есть топоръ, а у другака вѣтъ и охи вѣдѣть въ вашъ сарай, берутъ вашъ топоръ, не спрашиваясь, возьмъ ли свои дрова, да еще и на мѣсто не снесутъ, а тутъ же у себя въ сараѣ и оставляютъ: понадобится, такъ самъ (владѣлецъ) возьмѣтъ. Мало этого, если вы ядуваете сдѣлать замѣчаніе по поводу подобной безцеремонности, то васъ же осудятъ и вамъ же наговорятъ, а то и надѣлаютъ непріятностей. Но такое неуваженіе къ чужой собственности и къ чужимъ интересамъ салѣдствіемъ не о пророжденныя общинныхъ началъ въ проявленіяхъ подобныхъ неимѣностей, а чина о недостаточности или общаго развитія, значитъ, особенно, правовыя (приличіи) предостанавляющія и полатій, о ихъ неразработанности.

ли послѣ этого говорить объ общинномъ строѣ древнихъ славянъ? Вѣдь, очевидно, что если-бъ общинное начало было особенно мило русскимъ славянамъ и было свойственно ихъ природѣ, то они не остались бы дольше воѣхъ при единодержавномъ правленіи, не рвались бы изъ общины такъ, какъ рвутся теперь и, получивъ общинное устройство, развили бы его и использовали наилучшимъ образомъ, а не свели бы почти къ нулю, какъ нынѣ.

Такимъ образомъ показаніе лѣтописи (и иноземныхъ историковъ) о томъ, что каждый русскій славянинъ жилъ съ своимъ родомъ отдѣльно и особо отъ другихъ, на особомъ и, притомъ, *своемъ* мѣстѣ, владѣя своимъ родомъ и княжа въ немъ, т. е. главнымъ образомъ отправляя судъ ¹⁾, остается въ полной силѣ и прямомъ значеніи по меньшей мѣрѣ до IX в., т. е. до князей завоевателей.

Нѣтъ никакихъ оснований сомнѣваться въ общей точности изображенія лѣтописью и остальныхъ чертъ быта русскихъ славянъ, по каковому изображенію, если не каждый родъ, то каждая мѣстовая отдѣльность ихъ имѣла свой нравъ, свои обычаи, законы и преданья ²⁾, наследованные отъ предковъ, близость и одинаковость каковыхъ, всего вѣрнѣе, легла въ основу и при выборѣ мѣста при расселеніи славянъ въ Россіи, однихъ сблизая въ сосѣдство, другихъ разобщая и разгоняя по разнымъ мѣстамъ.

Изъ славянскихъ отдѣльностей, вошедшихъ въ составъ Руси ³⁾, Несторъ описываетъ болѣе развитыми и образованными только поляны. Они, по его словамъ, были кротки и тихи и пережили уже свободу половыхъ отношеній въ родѣ, такъ какъ имѣли правильно установленные браки, заключавшіеся въ томъ, что невѣсту приводили къ жениху вечеромъ на ночь, послѣ которой молодые (очевидно, если не выходяло никакихъ недоразумѣній) считались побрачавшимися, такъ какъ только утромъ другого дня приносили къ жениху то, что давали за невѣстой. Изъ этого описанія полянскаго брака видно, что бракъ у полянъ при-

¹⁾ Кня ижеже на родѣ своемъ... а не бы владѣлъ нѣмъ и судилъ по праву: полагаетъ князь нѣмъ и княжилъ: составленіи правленіи княжескаго нѣмъ полагалось, что княжить—судити.

²⁾ Какъ видно, что она не ообщена Несторомъ подробно.

³⁾ Се бо тогда славянскыя князь на Руси: вятичи, кривичи, иуготранки, ильичи, дреговичи, северя, дуличи. А се суть ины князи (князствъ на славянъ Руси, но) а не нѣтъ князь Руси: чуди, меря, ильч, муромъ, черемисы, мордва, пермя, печера, кыи, литва, имятичи, пермя, меря, ильч.—се суть славянскыя князи. Таковы славянъ Руси нѣтъ бысть не рѣдко князи Нестора: (длиннорыцъ—князь в печера) стали быти, вятичи, что чери преемство упоминаются въ лѣтописи въ X в., на прѣмъ.

нялъ уже форму мирной, добровольной сдѣлки, основанной на предварительномъ договорѣ, т. е. достигъ въ главныхъ чертахъ того вида, который переживаетъ донынѣ въ брачныхъ обрядахъ и обычаяхъ простонародья ¹⁾).

Вслѣдствіе упорядоченія брака упорядочились и прочія семейныя и родовыя отношенія, вывелось, по крайней мѣрѣ явное, открытое сожительство родителей съ дѣтьми, дѣтей другъ съ другомъ, снохачество, деверьство, свекровство и проч. Словомъ, семья приобрѣла устройство близкое къ строю ея у современнаго русскаго крестьянина болѣе глухихъ мѣстностей Россіи. Упорядоченіе семьи повлекло за собой упорядоченіе и родственности или родовыхъ отношеній, вызвавъ болѣе ясное, болѣе точное и строгое опредѣленіе (регламентацію) степеней родства и взаимныхъ отношеній и развивъ и расширивъ родовое установленіе (систему) до свойства, племянности и народности, чего до упорядоченія брака не можетъ совершиться въ силу свободного сожительства даже съ ближайшей родней. На основаніи послѣдняго и лѣтописныхъ извѣстій объ остальныхъ славянскихъ отдѣльностяхъ нужно заключить, что *настоящій* *родовой бытъ и строй* изъ всѣхъ славянъ былъ присущъ только одной полянской отдѣльности ихъ и по всей вѣроятности благодаря именно тому, что она была поляне или поляки, т. е. тому, что входившіе въ составъ ея люди жили на виду другъ у друга и у другихъ, на поляхъ, на открытой мѣстности, облегчающей общеніе и со своими, и съ чужими. Общеніе же неизбежно и неуклонно ведетъ къ развитію, къ расширенію кругозоровъ, вызывая сравненія, подражанія и заимствованія. Выставленіе Несторомъ полянъ съ выгодной стороны вовсе не является плодомъ особаго расположенія его къ нимъ, какъ къ землякамъ, такъ какъ полянъ нужно признать дѣйствительно болѣе развитыми въ сравненіи съ другими отдѣльностями русскихъ славянъ; за это говоритъ добровольное принятіе ими христіанства еще до Игоря, распространеніе среди нихъ грамотности и развитая религія, какъ слѣдуетъ это изъ

¹⁾ Вѣчаніе къ печеру; укладки спать молодыхъ въ отдѣльное помѣщеніе сей-часъ послѣ вѣчанья, но девая вѣсть (совѣтская трапеза—символъ союза и дружбы, почему, до выясненія пригодности сванки и невѣсты, вѣсть вѣстѣ или было неудобно: замасоченный вѣдомъ союзъ могло потребоваться нарушить изъ-за непригодности невѣсты); справка о лезвности невѣсты и объявленіе результата сравненія съ предъавляемѣй рубашки невѣсты, которая въ прошлія времена хранилась ею всю жизнь, какъ документъ; привозъ приданаго невѣсты утромъ на другой день послѣ вѣчанья; предварительные переговоры о бракѣ съ заключеніемъ условій его и проч.

разрѣшенія ѣсть только извѣстныхъ животныхъ, т. е. дѣленіе послѣднихъ на чистыхъ и поганыхъ ¹⁾).

Бытъ остальныхъ русскихъ славянъ былъ значительно первобытнѣе полянскаго и Несторомъ они описываются почти какъ дикаря. Древяны, сѣверы ²⁾, радимичи, вятичи и кривичи, по его словамъ, жили въ лѣсахъ, какъ звѣри ³⁾, и вели звѣринный же образъ жизни, живя по скотски: убивая другъ друга, ѣдя все нечистое-поганое, не зная браковъ, а добывая себѣ женъ или насильнымъ похищеніемъ, или уводя таѣкомъ по взаимному предварительному соглашенію, заключавшемся во время игрищъ, т. е. релігіозныхъ и обрядовыхъ празднествъ, отправлявшихся на извѣстныхъ урочищахъ, находившихся среди селитбъ. Къ игрищному урочищу въ извѣстные опредѣленные дни сходились окрестъ живущіе жители обоого пола и, тѣшась играми, плясками, пѣньемъ, и также, вѣроятно, борьбой (въ лѣтовисн подь 1067 г. —видимъ игрища утолочена и людіи много множество, яко упихати начнутъ другъ друга), знакомились, узнавали другъ друга и поправившіеся другъ другу соглашались жить вмѣстѣ и уходили незамѣтно прямо съ игрищъ въ домъ жениха ⁴⁾. Число женъ не было ограничено,

¹⁾ Несторъ осуждаетъ древянъ за то, что ѣли поганое; корень гав=отвратительный, неприятный; затѣмъ гавео=распутный, развратный, бродяга; гавеоа, гавеоаш=развратный домъ, кабакъ. Н. В. Горева (Срвни. этимол. словарь рус. языка) произвольтъ слово «поганъ» непосредственно изъ латинскаго paganus=деревенскій, объясняя, что это слово приобрѣло значеніе «нечистый» тогда, когда христіанство вытѣснило язычниковъ изъ городовъ въ деревни. Значеніе неопытнаго, незрѣлаго было до христіанства, и язычники стали поганымъ не потому, что жили въ деревнѣ, а потому, что были развращены съ христіанской точкой зрѣнія, неприятны и смертельно своимъ развращеннымъ нравомъ.

²⁾ Это названіе обозначало, видимо, дѣлій, грубый, жестокій и даже свѣрбъ, можетъ быть, отъ рикланъ, латин. sevegnis=грубый, жестокій, суровый, угрюмый, грозный. Тѣ же значенія это слово имѣло и у славянъ, судя по тому, что сѣверомъ они назвали сторону холода и что въ обиходныхъ говорахъ до сихъ поръ сѣверный или сиверный обозначаетъ рѣдкій, холодный, сиверно=холодно отъ рѣдкого, пронизывающаго вѣтра.

³⁾ То же говорить о славянахъ VI в. греки, —Іоаннъ Эфесскій... эти глупые люди, несвѣдѣшіе козачья въ лѣсовъ и въ полѣвнствахъ истреблятъ и не знаютъ, что такое оружіе—прокъ 2—3, дротокъ, у нихъ нѣтъ никакого оружія. Имъ. Маврикій: солдаты въ неудобнопроходимыхъ лѣсахъ и болотахъ и на такихъ же рѣкахъ и озерахъ... Вооружены каждый двумя малыми дротками... (Изъ ист. слов. перекл., стр. 62, 64).

⁴⁾ Урочища съ именемъ Игрище—а соть почти во всякой средне-русской губерніи; въ Ярославской губерніи въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особаго вниманія обширная илѣстность (версть 10×10), носившая названіе Игрища, находящаяся въ южной части Романовскаго уѣзда и соприкасающейся съ южной частью Угличскаго уѣзда съ расположенными на ней волостями: Боголюбовскій Углич. уѣзда, Дмитровскій и Володимирскій Роман. уѣзда и д. Игрищичка, далеко бытъ, близкое предокіе урочища. Крайніе урочища, игрищна назывались въ Ярослав. губерніи (даже подъ городомъ) и селамъ владѣльца или «гулянья», приуроченными именъ въ христіанскія праздники (Пасхѣ и Троицѣ). На этихъ гуляньяхъ водить лѣсныя, водить короводы (или выкушать), игрищъ въ различныхъ подлинныхъ играхъ (въ черепки или пиванья, горѣлки и проч. или просто бѣгать другъ за другомъ, стараясь поймать, и возлѣтъ) и гуляють, —ходить владѣ и впередъ паромъ и лужавки, причеать же одна алкобжанка парочка, улу-

явля по двѣ, по три и болѣе жень, причемъ онѣ принадлежали не исключительно мужу, а и другимъ мужчинамъ семьи и рода и даже племеню (дверьство), отцовскими пользовался сынъ, оыновными отецъ. Если же судить по даннымъ описанію полянъ, то половыя отношенія не ограничивались никакими степенями родства и свойства, каждый сходился съ тѣмъ, съ кѣмъ «свѣщаешся», т. е. если бы этого не было, то не зачѣмъ было бы Нестору отрывать такія явленія у полянъ.

Несторъ не упоминаетъ о похоронахъ полянъ, но по духу его изложенія слѣдуетъ, кажется, думать, что они погребали своихъ мертвыхъ, такъ какъ сожженіе послѣднихъ присущее другимъ славянамъ, лѣтописецъ осуждаетъ. Эти другіе сперва отиравали тризну по умершемъ ¹⁾, а затѣмъ трупъ сжигали на кострѣ, кости собирали, клали въ *малый* сосудъ и ставили послѣдній на столбъ при путяхъ. Заканчиваетъ лѣтописецъ свое сообщеніе замеченіемъ, что вятичи описанный обрядъ похоронъ отиравали еще въ его время, т. е. въ X в., тогда какъ кривичи, какъ прочіе язычники (стало быть, и кривичи въ XI в. были еще язычниками), хоронили такъ лишь прежде (си же *творяху*, т. е. творили, а не «творять», какъ вятичи). Несторъ говоритъ, что въ сосудъ собирались «кости», каковое выраженіе можетъ, пожалуй, подать поводъ думать, что костры были не велики. Однако это не такъ. Несторъ прямо указываетъ, что кости складывались въ судану *малу*. Значитъ, собирались и складывались въ горшакъ не кости, а обожлен и искорьки ихъ,

чѣмъ слухай, спроста повѣстѣю въ ближнѣше кусты, рощу или лѣсъ. Тамъ прочно держится терезно, неприятели изъ лѣвъ еще до сѣкъ поръ. Стоитъ вниманія и слово «постогъ» въ смыслѣ обозначенія мѣстности. Еще Ольга (947 г.)—устами по Мстѣвъ новосты, въ Яросл. губерніи это слово до сѣкъ прѣ держится въ народѣ, пріурочивалось въ нѣкоторыхъ оазисахъ. Смыслъ его: навалеміемъ угрочемъ, но сѣмъ слово не забывается. Проходитъ оно, очевидно, отъ гостъ—торговецъ и обозначало первоначально торжища, ярмарки, собиравшіеся около святыхъ въ дни языческихъ празднествъ, а съ введеніемъ христіанства—въ мѣстные праздники около церквей, воздвигнутыхъ на мѣстахъ разоренныхъ святыхъ. Приходскіе праздники сопровождаются торжищами и «гульбаніемъ» до мѣст и даже еще въ сѣмъ Ярославль—у Вознесеня, у Преточи, у Никиты кучеміемъ и пр.

¹⁾ У чеховъ сохраняется слово *тризна* (*trizeň*) до сѣкъ поръ; Гораздъ связываетъ это слово съ терзатъ; дѣйствительно въ полногласіи оно будетъ теризена. Основное его значеніе печаль, горе, уныліе, скорбь. Латин. *tristis*—печалиться, скорбѣть, унывать. Такии образоиъ тризна непосредственно значить оплакиваніе, «вой» по помойникъ, до мѣст пережывающій у крестьянъ даже съ нѣкою особымъ плавающимъ. Поминки помойника есть въ сущности продолженіе воя; возмаленіе умершаго, поминаніе его добрыиъ делемъ вообще, тогда какъ вой радуеть умершаго, главнымъ образомъ, какъ сельщина и изображаетъ судьбу оставленныхъ имъ вещей его смерти. Поминаніемъ тризна и помойка должны быть отдѣлены отъ поминанъ, ибо онѣ собственно не составляютъ тризны. Ольга..... плакала по куми своему, (этѣмъ) повесть людемъ своимъ смутити: мшму велику, яв: сошемои, пошесть тризну творити, *посль чего* (по сѣмъ) уже и *судомъ: дредомъ: шга...*

на которые онѣ, сгорѣвъ, распадались и ломались при сгребаніи ¹⁾; для цѣлыхъ коетей требовалась бы судина великая. Не говорить лѣтописецъ также о томъ, ставился ли столбъ для горшка нарочно или пользовались готовыми столбами, поставленными при дорогахъ для какихъ-либо другихъ надобностей. Однако и здѣсь не можетъ быть сомнѣній, очевидно, столбы ставились нарочно, такъ какъ, въ случаѣ пользованія готовыми, всегда могъ встрѣтиться недостатокъ въ нихъ. Да и кромѣ того, если-бъ были придорожные столбы, имѣвшіе какое-либо особое назначеніе, то едва ли бы стали ихъ приспособливать для другихъ надобностей, особенно же для такихъ чрезвычайныхъ, какъ похороны. Всего вѣроятнѣе, что похоронные столбы Нестора представляли пережитокъ похоронъ въ дуплѣ или на деревѣ, извѣстныхъ у многихъ лѣсныхъ племенъ, бакнами были и славяне.

Извѣстіе лѣтописи о разсмотрѣнномъ способѣ похоронъ нужно принять цѣликомъ и всѣ истолкованія его въ иномъ смыслѣ ²⁾ отвергнуть разъ и навсегда, какъ неимѣющія за собою никакого положительнаго основанія, а равно и въ виду яснаго, недопускающаго сомнѣній заявленія лѣтописца, ибо только такимъ (я подобными, наземными) способомъ похоронъ и можно объяснить отсутствіе несомнѣнно славянскихъ могилъ мѣстами до X, XI и даже XII в.в.

Такия же «могилы», какъ весьма непрочныя ³⁾, уничтожались очень быстро и непосредственно, т. е. подгнѣваніемъ и паданіемъ столбовъ, посредствомъ выдуванія праха изъ горшковъ вѣтромъ, опрокидыванія ихъ тѣмъ же вѣтромъ и птицами, размыванія дождями и разрушенія наполненныхъ дождевою водою морозомъ и т. д. Не даромъ же существуетъ на Руси поговорка: развѣять прахъ по вѣтру.

Столбовой способъ похоронъ Несторъ въ свое время отмѣчаетъ

¹⁾ У меня былъ случай нахожденія въ курганѣ (подъ с-цомъ Михайловскимъ Яросл. у.) лишь обгорѣлаго костяка, но случай это исключительный, какъ для времени XI—XII в., такъ и по похоронному обряду: трущ оошнень на матеріалѣ въ небольшомъ костырьѣ, состоявшемъ изъ длинныхъ поленецъ, облегавшихъ трущ со всѣхъ сторонъ, кромѣ нижней.

²⁾ Вродѣ разумѣнія подъ столбомъ кургана, постановки столба въ средину кургана и т. п.

³⁾ Въ матеріалѣ столбовъ не можетъ быть сомнѣній; они были деревянные, такъ какъ обработки камня и издѣла кирпича славянамъ если даже и были знакомы, то очень мало; славянскіе человѣкъ по преимуществу деревянной промышленности, даже къ кости онъ не чувствуетъ склонности, нитая въ ней (вообще всякой) какое-то тяжелое, напряженное чувство, что-то среднее между страхомъ и отвращеніемъ. Костяная и роговая промышленность у русскихъ до послѣдняго времени совсѣмъ была не развита, когда малѣ обработка дерева всегда стояла относительно высоко, достигая въ нѣкоторыхъ случаяхъ (наприм. въ способахъ сирѣлесій) шумительной изобрѣтательности.

только у вятичей. И это вѣрно; другіе славяне въ это время хоронили уже подъ бурганами, какъ свидѣлствуютъ раскопки.

Такими представляются явившіеся въ Россію (по Пестору)—въ V в. по Р. X. славянскіе сосѣди мери, по разсказу о нихъ лѣтописи. Этотъ разсказъ, на сколько онъ можетъ быть провѣренъ, представляется глубоко правдивымъ и точнымъ, но требующимъ для надлежащаго пониманія своего вдумчиваго и осмотрительнаго отношенія.

Кто же изъ славянъ, вѣроятнѣе всего, могъ проникнуть въ Ярославскую губернію прежде другихъ?

Ближе всего къ Ярославской губерніи сидѣли кривичи, затѣмъ вятичи и словены новгородцы. Удобнѣйшій путь—Волга шель изъ земли кривичей. Безъ особыхъ трудностей можно было попасть къ мери водою и словенамъ, когда они выбрались на р. Шекну; изъ земли вятичей прямыхъ водныхъ дорогъ въ Ярославскую губернію нѣтъ, но сухой путь былъ удобнѣе всего именно отъ вятичей. Большинство прежнихъ изслѣдователей на основаніи рѣченія или способовъ говора безъ колебаній заселяли землю мери новгородцами. Затѣмъ явились указанія, основанныя на изученіи курганныхъ вещей, на кривичей ¹⁾ и, наконецъ, въ самое послѣднее время высказано мнѣніе, заслуживающее полнаго вниманія, какъ основанное на дѣйствительномъ изученіи мѣстныхъ говоровъ ²⁾, о заселеніи губерніи въ XI в. съ Ю. вятичами и отчасти съ З. кривичами ³⁾.

¹⁾ А. А. Спидиць. Жур. М. Н. Пр. 1899 г. VIII.

²⁾ Собственно способъ рѣченія или говора, главы. обр. звукозности (фонетика), обусловленной той или иной музыкальностью (если можно такъ сказать) слуха,—прославляя, чтобы для его слуха звучало красиво, нужно говорить сильно на о, и даже въ некоторыхъ случаяхъ на у (субана, сусьль, Микулай), для владимірца, москвича и тверяна, напротивъ, на а.

³⁾ А. Н. Соболевскій. Труды Яросл. общ. съѣзда, стр. 101 и 102 и протоколы, стр. XLIX. Противъ взгляда Соболевскаго многіе возстали на съѣздѣ, но онъ остался при своемъ мнѣніи. По поводу сдѣланныхъ возраженій правому нѣсколько соображеній. Упоминалось, что вятичи были небольшимъ племенемъ, несужившимъ сыграть въ исторіи скольконибудь значительной роли. Однако это небольшое племя покорено лишь такъжъ возной, или Святославъ, бывшіе же до него князья, поработившіе большія «племена» кривичей, полянъ, древлянъ и проч., не могли ихъ покорить (Олегъ покорилъ даже ихъ со-сѣдей радичей и тѣверянъ). Сверхъ того, покоренные, они не разъ востаютъ. Слѣдовательно это племя было вовсе ужь не такъ мало. Нельзя говорить и о ничтожности вятичей въ исторіи. Правда, они не прославились такъ, какъ новгородцы и тверяны, однако Рязанское княжество сумѣло сохранить независимость дольше всѣхъ другихъ (хотя и было подъ ботомъ Москвы), до 1500—1523 г. (Новгородъ палъ въ 1476 г., Тверь въ 1485 г., Вятка въ 1489 г., другія же еще раньше) и Москва его боялась сильнѣе другихъ. Указанія на отношеніе Ростова къ Новгороду въ IX в. и на дань перваго второму въ XI в. не умаляютъ возможности населенія Ростовской земли вятичами: отношенія были несомнѣнно, но гл. обр. не черезъ славянъ, а черезъ ту чужд.—отиковъ, кои отиѣчены и въ Ярославской, и въ Петербургской, и въ Новгородской губерніяхъ. Кромѣ того отношенія эти въ IX в. были равноправными, а не завислыми: князей призываютъ «чудь, словена и кривичи». Численнымъ превосходствомъ финновъ вятч

Для рѣшенія вопроса о заселеніи олдѣдуетъ принять во вниманіе, кромѣ звуко-говорныхъ особенностей, еще данныя мѣстнаго словаря ¹⁾ и то обстоятельство, что и первоначально, и продолжительное время послѣ славянскому заселенію подвергалась если не исключительно, то преимущественно лишь южная половина Ярославской губерніи, имѣющая своей границей съ З., С.-З., С., С.-В. и В. Волгу; а изъ этой части, главнымъ образомъ, ея южная часть. По крайней мѣрѣ здѣсь сосредоточены древнѣйшіе города губерніи: Ростовъ, Ярославль и Угличъ и здѣсь же встрѣчается наибольшее число селеній съ древними славянскими названіями въ родѣ тѣхъ, какія приведены выше. Кромѣ того, здѣсь же встрѣчается и значительное большинство доисторическихъ городищъ и городковъ. Последнее обстоятельство указываетъ, что и въ доисторическія времена, т. е. другими словами, что доисторическіе жители губерніи пригодной для поселенія признавали лишь южную ея половину. Если обратиться къ исторической картѣ, то и тутъ увидимъ, что болѣе оживленными мѣстами сѣверной воложской половины являются лишь главные водныя пути ея—Шексна и Молога; по первой ѣздимъ въ Бѣлозерскую землю, на второй образовалось огромное торжище—Холопыя ярмарки, достигавшаго наибольшаго развитія къ XV в. ²⁾ Но и только. Жизнь всей этой половины ничѣмъ не заявляетъ сама себя и не оставляетъ о себѣ никакихъ слѣдовъ ни въ письменности, ни въ преданіи, кромѣ отрывочныхъ случайныхъ замѣтокъ и упоминаній мимоходомъ въ родѣ рассказовъ о ситскомъ побойщѣ, о ссылкѣ Фюрстенберга въ Любимъ, объ обитаніи на Мологѣ и Шекснѣ неславянскаго

славянами въ Ярославской губерніи и тождествомъ ихъ и родственностью въ названіяхъ губерніямъ объясняется между прочимъ сходство курганныхъ вещей во всемъ этомъ округѣ;—одно племя имѣло одинаковый и вкус—воду, приблизительно одинаковое развитіе в свои пути и исходныя точки ввозной торговли. Семьями вятичевскія сѣрگی тоже попадаются въ ярославскихъ курганахъ, а въ соседнихъ московскихъ ихъ очень много; между тѣмъ эти сѣрگی составляютъ принадлежность почти исключительно вятичей. Славяно, несомнѣнно, подражали въ своей одеждѣ, какъ и многимъ другимъ, тѣмъ финнамъ, среди которыхъ они жили точно такъ же, какъ позже они подражали другимъ народамъ, соединившимся съ ними,—авантійцамъ, татарамъ и проч. Только таинъ подражаніемъ—заимствованіемъ и можно объяснить отсутствіе въ первыхъ вѣна русской исторіи чисто славянскихъ вещей и огромное количество иностранныхъ, особенно же финскихъ, занимающихъ обширную площадь. Что касается дань, то вѣличность ея ни о чемъ еще не говоритъ: новгородская вольница взымала ее всадѣ, гдѣ придется, между прочимъ и въ чужихъ вѣмествахъ, вслѣдствіе чего дань не можетъ свидѣтельствовать о племенномъ родствѣ, а скорее наоборотъ. Варяги брали дань со всей сѣверной Рूसи еще до вязыей, но не они были ея главными, окрашивающими составъ населенія, обитателями.

¹⁾ Составляется мною болѣе десяти лѣтъ.

²⁾ Въ XIV в. въ Мологѣ была ярмарка, кромѣ въ 1321 г. тверитинъ вл. Мих. Александровичемъ.

племени въ XVI в. и т. д. Сраза видишь и чувствуешь, что вся эта страна если и не была мертвою, то и жизнь въ ней теплилась слабымъ, тусклымъ, мерцающимъ огонькомъ, не привлекавшимъ вниманія. Это явленіе объясняется природою мѣстности. Пошехонскій и Любимскій уѣзды лѣсвисты и частью болотисты, Мологскій уѣздъ чрезвычайно болотистъ, пути сообщенія и тамъ, и тутъ и нынѣ плохи. Въ эти «неудобныя» мѣста и отступили инородцы ¹⁾, постепенно отѣсняемые славянами, и пользовались тутъ, видимо, относительной свободой, такъ какъ до XVI в. сохранили свой языкъ, а стало быть, и нравы, обычаи, вѣру и образъ жизни ²⁾. Этой инородностью заволжской половины губерніи, несомнѣнно, объясняется возникновеніе и развитіе холоповскаго торга съ его мнимою торговлею, но Герберштейну, равнодушно относившейся къ золоту и серебру и тѣмъ не менѣе совершавшей огромные обороты ³⁾ на промѣнѣ мелочныхъ, второстепенныхъ произведеній промышленности на пушнину, доставлявшуюся, конечно, гл. обр. инородцами, такъ какъ за нее спрашивала не деньги и благородные металлы, а издѣлья.

Что касается словарнаго матеріала, то было онъ мною обследованъ или, вѣрнѣе, просмотрѣнъ и, насколько позволяетъ судить такой просмотръ, насколько удалось замѣтить, земли бывшихъ славянъ значительно отличаются въ этомъ отношеніи отъ земель мери. Не говорю уже объ особенностяхъ рѣченія (звучности) и способахъ построенія словъ (ихъ формахъ), пужно отмѣтить, что очень много словъ, распространенныхъ въ Новгородской губерніи, вовсе не извѣстно въ Ярославской и многія изъ такихъ словъ настолько своеобразны (даже изъ русскыхъ); что прославецъ даже приблизительно не пойметъ ихъ значенія. Кромѣ того, нѣкоторые предметы и понятія обозначаются хотя и извѣстными въ обѣихъ мѣстностяхъ, но различными словами. Наконецъ, есть слова одинаковыя, но совершенно противоположнаго значе-

¹⁾ Тамъ, которые не покинули губерніи.

²⁾ Въ лѣтописи подъ 1071 г. разназывается о ярославскихъ волхвахъ или кудесникахъ (болѣе раннаго времени: бывши бо *единою*, т. е. однады, а стало быть, не въ 1071 г.), которые особымъ успѣхъ имѣли именно въ указанныхъ мѣстахъ по Шешей и у Бело-озера. Пошехонскій уѣздъ до сихъ поръ остается болѣе отсталымъ, наиболѣе первобытнымъ во всей губерніи и не только по отношенію людей, ставшихъ на Русь притчей, съ ихъ лѣсными промыслами (сколовуреньемъ и пр.) и подсѣчной пашней, но и по отношенію естественныхъ условій: только тамъ еще встрѣчаются или встрѣчались сравнительно недавно нѣкоторые животныя, давно выведенныя въ остальныхъ мѣстахъ, какъ наприм. медвѣдь, ласина, сѣверный олень и др.

³⁾ Труды VII археолог. съѣзда, т. I, стр. 40.

нія. Все это, разумѣется, мало говорить за населеніе Ярославской губерніи новгородцами. Къ сожалѣнію, мнѣ не пришло въ голову сличить калужскій и рязанскій говоры (вятичей) съ ярославскимъ и потому ничего не могу связать о нхъ соотношеніи. Что же касается тверского говора, то хотя онъ рѣченіемъ и отличается отъ ярославскаго, но въ словарномъ матеріалѣ между ними не мало общаго.

Послѣднимъ по времени защитникомъ заселенія мерянской земля словенами является Е. В. Барсовъ ¹⁾. Поселяя на Шекснѣ отъ верховьевъ до устья новгородскихъ выходцевъ—заонежанъ, принесшихъ на нее, по его мнѣнію, и былинну, Барсовъ для доказательства своего положенія указываетъ у верховьевъ Шексны р. Словенку, село Словенское, волокъ и пороги Словенскіе, т. е. урочища, носящія, несомнѣнно, древнія названія, возникшія тогда, когда новгородцы именовались еще словенами ²⁾. Однако эта относительная древность не имѣетъ рѣшающаго значенія, такъ какъ имя словенъ держалось, по меньшей мѣрѣ, до XI в. включительно, а вѣроятно, и позже, вслѣдствіе чего возникнуть приведенныя названія могли, сравнительно, поздно. За это говорить то соображеніе, что прежде, чѣмъ попасть на Шексну, словены должны были занять заонежье, т. е. страну чуди, одного изъ наиболѣе независимыхъ финскихъ племенъ, уцѣлѣвшаго на своемъ мѣстѣ и сохранившаго свой языкъ до нынѣ, не смотря на то, что оно жило сперва въ сосѣдствѣ, а позже среди новгородцевъ, выдѣлявшихся изъ всѣхъ русскихъ славянъ дѣятельностью, предприимчивостью, независимостью и развитіемъ. Слѣдовательно легко и скоро занять заонежье они не могли и, хотя проникали въ него, но, вѣрнѣе всего, въ большинствѣ случаевъ какъ временные гости, какъ торговцы, а частью и какъ мирные поселенцы. Объ этомъ свидѣлствуетъ относительно небольшое количество древнихъ славянскихъ названій на указанной площади и (если слѣдовать Барсову) названія смѣшаннаго характера, какъ напримѣръ Луковесь (Луковецъ) на лукѣ Шексны при р. Судѣ, упоминаемый въ бумагахъ XII в., и Череповесь (Череповецъ) ³⁾.

¹⁾ Труды Яросл. обл. съѣзда, стр. 164.

²⁾ Такъ они называются еще при Ярославі: подъ 1036 г. събра вой много, —варяги и словени (Лѣт. пр. Нестора, стр. 85), въ житійской же дѣйствительности сохраняли свое прозвище, конечно, еще дольше.

³⁾ Такъ восстанавливаетъ эти названія Барсовъ, но настолько основательно, не могу сказать и замѣчу лишь, что и Луковецъ и Череповецъ могутъ быть вовсе не измѣненными, а основными формами, представляя уменьшительными отъ Луковъ, и Череповъ, совсѣмъ не рѣдкія для Россіи: Ярославль, Городецъ, Юрьевецъ и проч.

Еще болѣе отрицательнымъ для новгородскаго заселенія Ярославской губерніи является существованіе въ заонежьѣ, по Барсову, древнѣйшей колоніи новгородцевъ г. Шунги ¹⁾, главнаго средоточія и склада товаровъ, преимущественно мѣховъ. Самъ Барсовъ говоритъ, и совершенно вѣрно, что новгородцы относились къ туземцамъ, какъ промышленники, заботясь лишь о своихъ выгодахъ. Но не смотря на это, они, очевидно, долго не могли не только захватить Шунги въ свои руки (что слѣдуетъ изъ сохраненія ею своего финскаго названія), но не могли и торговлю перевести въ какое либо свое селеніе. А это значитъ, что нуждались (а стало быть и подчинялись) не финны новгородцами, а наоборотъ. И финское населеніе шекснинско-мологской области было настолько устойчиво и самостоятельно, что позже, когда заонежье значительно ослабнѣло, это населеніе, хотя и принуждено было перенести свое торжище изъ Шунги, но перенесло его все-таки не на славянскую, а опять-таки на финскую же землю, на нижнюю Мологу, къ Холопъему городку. Земля русъла, заселялась славянами, но населеніе упорно оставалось самимъ собою и, тѣснимое, отступало, но не шло къ славянамъ и не сливалось съ ними, чуждалось ихъ. И не смотря на то, что славяне постоянно слѣдовали за финнами, какъ волги за войсками или за стадами травоядныхъ, на счетъ которыхъ живутъ, финны въ молого-шекснинской области неволиѣ утратили свою самобытность даже въ XVI ст., т. е. тогда, когда въ южной половинѣ губерніи не осталось и духа финскаго, и не только финскаго, но и старо-русскаго, удѣльнаго ²⁾. А такое положеніе говорить, конечно, не за новгородское направленіе славянскаго переселенческаго движенія въ Ярославскую губернію. Очевидно, что если бы такое существовало, то Шексна съ Мологой раньше Волги и Которости слѣдвали бы славянскими и на Мологѣ никакимъ образомъ не могло бы существовать въ XIV и XV в.в. огромной инородческой, по преимуществу финской ярмарки.

Не въ пользу Новгорода говорить и распространеніе Ростовской

¹⁾ Село Шунга расположено на оз. Пути-озеро (къ ЮЮЮ-З. отъ г. Повѣнца, въ 30 верстахъ отъ змиднаго берега Повѣднанаго залива Онежскаго озера) въ средѣ корель и является тутъ торговымъ средоточіемъ. На ярмарочной ярмаркѣ Шунги производится главный торгъ поморскими мѣхами, дичью и рыбой. Изъ мѣховъ привозятся ласки, заячьи, бѣличьи и оленьи, расходящіеся большими партиями. Заяць еще недавно шелъ въ Ростовъ на ярмарку 1-й недѣли Великаго поста, совсѣмъ упавшій съ проведеніемъ въ 1870 г. Моск.-Яросл. жел. дороги (Цивя, 1897 г., стр. 56).

²⁾ Визвъ Курбскій скорѣй воспомянаніе, чѣмъ отмижаніе удѣльнаго порядка.

области отъ Ростова до Бѣлоозера и Твери ¹⁾, т. е. съ Ю. къ С. а равно и движеніе монастырскихъ поселеній въ томъ же, главнымъ образомъ, направленіи ²⁾. Монастыри представляли передовые посты, зачатки будущихъ славянскихъ поселеній. Это былъ одинъ изъ наиболѣе удобныхъ способовъ проникновенія славянъ въ финскія земли и ихъ захвата. Шель одинокой пустынинокъ, смиренный, тихій, безобидный. Никому никакого ущерба онъ не наносилъ, а напротивъ, еще помогалъ, чѣмъ могъ, училъ. Являясь въ чужую землю, селится вдали отъ всѣхъ, въ лѣсу или пустынѣ ³⁾, въ убогой крошечной

¹⁾ Съ 1181 г. (Труды Яросл. Обл. Съѣзда, стр. 156). Отмѣчу для полноты, что въ житіи Авраамія Ростовскаго (до крещенія Нерка), жившаго въ XII в., упоминается въ его домѣ приходные новгородцы. Жилъ Нерка въ Чулымѣ (въ СС.-В. отъ г. Углича Костр. губ. Древл. святилищ Ростова Великаго, гр. Мих. Толстой, изд. 2, стр. 60), но во 1-хъ, житіемъ Авраамія нельзя придавать рѣшающаго значенія, какъ извѣдомо неточнымъ, а во 2-хъ, присутствие и въ Ярославской губерніи небольшихъ группъ и отдельныхъ новгородцевъ даже въ древнѣйшія времена, не только въ XII в., нельзя отвергать. Вопросъ же въ томъ, какия славянскія отдѣлы даде главное населеніе губерніи, т. е. ядро этого населенія. Бѣлавъ (Русс. земля передъ прабытіемъ Рюрика въ Новгородъ, стр. 87) думаетъ, что новгородцы пришли изъ Торжка Твердой въ Волгу и по Волгѣ заселили Тверь, можетъ быть, Угличъ, Жологу, Кострому и проч. Тверь основана не позже 1135 г., когда упоминается (въ уставной грамотѣ кнѣзю Вsesлода Мстиславича). Не задолго до этого, въ 1134 г., Юрій Долгорукій закладываетъ гор. Константинъ—Кснатанъ при устьѣ Нерли (тверской), которое не такъ далеко отъ устья Тверды. В. Н. Колосовъ гадаетъ, что Кснатанъ былъ тогда крайней точкой Суздальскихъ владѣній на правобережьи Волги. Однако это едва ли такъ: уже въ 1181 г. Всеволодъ Юрьевичъ суздальскій строитъ въ Твери тверь—крѣпость для наблюденія, чтобы отъ новгородцевъ и Торжка люди для верствы не пріѣзжали, а для осажать Торжокъ (новгородскій), Тверь не бралъ, стало быть, она была его. Съ 1208 г. глгопась уже прямо называется Тверь суздальскимъ городомъ (стр. 167).

²⁾ Тамъ же стр. 167, а въ житіи основателей ярославскихъ монастырей.

³⁾ Развитіе монастырскихъ поселеній можетъ служить хорошимъ подспорьемъ для изученія постепеннаго развитія славянскаго населенія по странѣ въ историческое время, другими словами, пограничной линіи между славянами и туземцами, такъ какъ очень далеко отъ славянскихъ поселеній монастыри все-таки не оскоплялись. Въ Ярославской губерніи первыя монастыри строятся около самаго Ростова, затѣмъ они начинаютъ подниматься дальше около Ярославля и Углича и сравнительно поздно за Волгой, въ Любимскомъ и Пошехонскомъ уѣздахъ. Ростовъ IX в. былъ очень невеликъ, а его окрестности очень длики, по этому болѣе древніе монастыри его (какъ и въ другихъ мѣстахъ) располагались у самаго города и некоторые изъ нихъ позже вошли не только въ черту города, но и времля его. Таковы: Рѣжскъ ственскій, основанный въ 1389—95 г.г.; Юлино-Богословскій, Гр.-Богословскій «затворъ», извѣстный съ XIII в.; Аврааміевскій Богоявленскій, находящійся у самаго города к. С.,—XII в.; Спасо-Ягудлевскій у города же къ Ю.,—1389 г.; Петровскій, что на мысѣ, въ 1¹/₂—2 вер. къ С. отъ города—XIII в. (послѣ 1253 г.); Троицко-Варяжскій въ 3 вер. къ З.,—1427 г.; Спасо-Несочскій въ 3 вер. къ Ю.,—XIII в.; Бѣлогоститскій около 4¹/₂ в. къ С.,—1363—89 г.г. А затѣмъ: Борисо-Глѣбскій на р. Устья въ 17 вер. къ С.-З.,—1363 г.; Воскресенскій (нынѣ погостъ), у оз. Чашинскаго, близь с. Святославль-Караши, око 30 в. къ Ю.,—1490—1503 г.г.; Веневъ пустынь у оз. Венерь, около 30 в. къ ЮЮ.-З., около 1350 г. Въ Ярославѣ: Спасо-Преображенскій—близъ Рубенскаго города (кремля), нынѣ въ среднѣмъ городѣ, основанъ не позже XII в. (въ 1214 г. изъ него переведено уже упоминае въ Ростовѣ); Петропавловскій на Волгѣ (нынѣ церковь) упоминается уже въ 1186 г.; Толгскій въ 7 в. къ С.-З.,—1314 г.; Смоленскій на бору, въ 3 в. къ С. за Волгой—1643 г., но и тогда еще мѣсто было дикое.

Около Углича, какъ болѣе молодого города, монастыри являются поздно: Боголюбскій въ городѣ извѣстенъ съ XVI в.; Алексѣевскій у самаго города къ В.,—1371—72 г.; Пасиенъ Покровскій—выше

кельѣ, еле отличавшейся отъ шалаша финна, ни во что не вѣщивался, прятался отъ всѣхъ. Къ такому человѣку скоро привыкали, а нерѣдко начинали и уважать, какъ справедливаго и безпристрастнаго. Слухъ о немъ постепенно распространялся и доходилъ и до его родичей, и къ убогой кельѣ проторилась тропя. Рядомъ съ его избушкой срубалась другая и третья, а затѣмъ церковь. Тихое «святое» мѣсто дѣлалось все шумиѣе и многлюднѣе, приходили и прїѣзжали поклонники и богомольцы, за ними шли торговцы. около келій разбивались станы, пришлецы не только ночевали, но и жили по нѣскольку дней. Туземцы начинали коситься, выражать неудовольствіе. Тогда поселокъ обносился оградой и келья пустынника превращалась въ монастырь. Умножавшуюся братію нужно было кормить; начинались захваты угодій,—рыбныхъ ловель, бортей, звѣринныхъ ловель, земли для пашни, выгона и сѣнокоса. Захваты необходимо сопровождались насиліемъ. Возникала неправда, ссоры и столкновения съ туземцами. Отъ неправды основатели монастырей чаще всего уходили далеко въ глубь лѣсовъ и пустынь, если было можно, или возвращались вснѣть, отрекшавшяся отъ своихъ сподвижниковъ, слугъ суеты и корысти, а для улаженія столкновений вызывались ратные люди и основывались селенья. Такимъ образомъ монастыри «съ ихъ сельско-хозяйственнымъ укладомъ», т. е. съ неизбѣжнымъ пріобрѣтеніемъ земель и угодій, разумѣется, лучшихъ и съ сопряженнымъ съ захватами насиліемъ и отгѣненіемъ съ захваченнаго туземцевъ въ дѣлѣ популяризаціи славянъ среди послѣднихъ могли сослужить и сослуживали (по крайней мѣрѣ въ Ростовской области) лишь отрицательную въ нравственномъ смыслѣ службу.

Углича на 3 вер. на Волгѣ и р. Миюши, 1482—64 г.; Никольскій Грѣхо-ручейскій выше Углича на 6 вер. на Волгѣ и Грѣховѣ ручѣ, —1489 г.; Николо-Улейкинскій на р. Улейѣ въ ЮЮЮ.-В. отъ Углича въ 8 в., —1460 г.; Кассіанова Ученская пустынь на р. Учай и Волгѣ ниже Углича на 15 в.; —1477 (1488) г. Кромѣ этихъ было около 10 монастырей въ городѣ, около него и болѣе или менѣе не далеко отъ него (Исторія г. Углича. Ф. Кисель, стр. 333; Крат. ист. г. Углича. Л. Ф. Соловьевъ, стр. 49), но объ основаніи ихъ ничего неизвѣстно. Въ Рыбинскомъ уѣздѣ Александрова пустынь, въ ЮЮЮ.-В. отъ Рыбинска въ 25 в., была уже въ XVI в.; Югская Дорофеева пустынь на р. Бѣлой Югѣ въ 17 вер. въ С.-З. отъ Рыбинска—1620—1664 г.г.; Мологскій Афанасьевскій Холопнискій монастырь на р. Мологѣ отъ г. Молога въ 1 вер. въ С. былъ уже въ XVI в. Въ Любимскомъ уѣздѣ: Сильвестровъ Воскресенскій на р. Обнорѣ, въ 20 вер. въ ССС.-З. отъ г. Любима, —XIV в. (основатель † 1379 г.); Павловъ на Обнорѣ же—XIV в.; Гейвалевъ въ 2 вер. отъ р. Костромы и въ 26 вер. въ ЮЮ.-В. отъ Любима на оз. Сурсовѣ—1626—1630 г.г.; Помехонскій Адриановъ на р. Воткѣ—1640—43 г.г.; Савастіанова Преображенская пустынь на р. Солоты («Солоты») въ 25 вер. въ С.З. отъ Помехонья и въ 12 вер. отъ ближайшаго селенія, въ XV в. (основатель † 1492 г.); Исакова Рождество-Богородицкая пустынь—садица сѣверная, отъ Помехонья въ 50 вер. въ С.-В., отъ Ярославля въ ССС.-З. въ 120 вер. въ бывшей волости «Угличъ Константиновъ», 1663 г. Была бы очень желательно, чтобы кто нибудь знающій занялся исторіей монастырей, какъ славянскихъ поселеній.

Проповѣдь христіанства и насильное водвореніе его (вродѣ сокрушенія идоловъ, вырубки священныхъ роцъ и отдѣльныхъ деревьевъ и т. п.) еще болѣе усиливали таковой характеръ этой службы. Прямѣры Федора, Иларіона, св. Леонтія и успѣховъ ярославскихъ и другихъ волхвовъ подтверждаютъ сказанное. Выѣшнія явленія, сопровождавшія поселеніе славянъ въ краѣ, какъ-то: ихъ жилища, пашни, стада, даже ихъ монастыри и церкви оказывали на финновъ вовсе не столь большое впечатлѣніе и вліяніе, какое приписываетъ имъ Барсовъ. «Величественныхъ» храмовъ не было, большинство церквей были деревянныя, такъ называемаго «амбарнаго» типа, безъ колоколенъ и колоколовъ, маленькія, незамѣтныя, отличенныя отъ обыкновеннаго жилья не рѣдко всего лишь однимъ крестомъ, утварь въ нихъ была скудная, недостаточная и убогая, облаченія холщевыя, сосуды и проч. деревянныя или берестяныя, вѣнги и иконы мало ¹⁾, благолѣпія въ службѣ еще меньше.

Инородцы сѣвера Россіи прекрасно показываютъ, какъ дѣйствуетъ на нихъ славянская (даже современная) образованность; лопари, остяки, вогулы и пр. остаются сами собой ²⁾, разъ русь не можетъ окружить ихъ со всѣхъ сторонъ, выѣдриться въ ихъ массу, проникнувъ ее всю, разобщить на отдѣльныя единицы и прямо-таки заставить жить по своему или вымереть. Правда, какъ указываетъ Барсовъ, инородцы сѣвера плохо размножаются, но именно потому лишь, что не предоставлены самимъ себѣ, а никакъ не потому, чтобы «не способны были къ самостоятельной дальнѣйшей колонизаціи и культурѣ» ³⁾.

Кромѣ всего сказаннаго, при рѣшеніи вопроса о направленіи славянскаго заселенія не слѣдуетъ забывать и, такъ сказать, исторической традиціи, обусловленной размѣщеніемъ на данной поверхности, способовъ и условій существованія и, въ частности, передвиженія. Очевидно, что въ большинство случаевъ наиболѣе благоприятныя изъ такихъ условій располагаются лишь въ извѣстныхъ мѣстахъ и направленіяхъ. По послѣднимъ и совершается заселеніе. Для Ярославской губерніи, какъ показано выше, заселеніе (и не только человекомъ, но и растеніями, и животными) во все доисторическое время могло совершаться и совершалось въ общемъ съ юга и частью съ запада,

¹⁾ Основатели и настоятели монастырей постоянно просили всего этого у князей и богатыхъ людей, какъ свидѣлствуютъ многія житія.

²⁾ См. Отчеты и письма о путешествіи въ долину р. Оби. И. С. Поляковъ и др. ранѣе упомянутыя источники.

³⁾ Труды Яросл. Обл. Съѣзда, стр. 165.

что обусловлено было ледниками. Въ концѣ концовъ тѣ же въ сущности условія и создающіе ихъ дѣтели (въ нѣсколько измѣненномъ видѣ) или, иными словами, соотношенія и взаимодействія продолжаютъ дѣйствовать (посредственно) и теперь ¹⁾). Слѣдовательно и въ историческое время заселеніе удобнѣе всего могло совершаться и, стало быть, дѣйствительно совершалось главнымъ образомъ съ юга и частью съ запада.

Наконецъ, нужно замѣтить еще, что почти всѣ изслѣдователи, касавшіеся заселенія ярославской земли, имѣли въ виду лишь историческое и близкое къ нему время. Между тѣмъ уже Несторъ указываетъ на V в.; какъ на начало расселенческаго движенія славянъ съ Дуная, изъ показаній же Иордана видно, что славяне проникли въ Россію и хорошо знали ея финское населеніе уже въ IV в. Это время и нужно признать за начало славянскаго заселенія мерянской земли, такъ какъ если даже не допустить существованія въ этой землѣ въ то время прочныхъ славянскихъ поселеній, то никакъ нельзя отвергать временныхъ такихъ поселеній и пребыванія славянъ среди мери. А съ этого именно и начинается заселеніе. Первоначально оно, конечно, было незначительно: самихъ славянъ было еще не много и они не успѣли еще вполне осесть на новыхъ мѣстахъ и ознакомиться съ сосѣдними. Да и побудительныхъ причинъ къ дальнѣйшему расселенію, въ силу недавности пребыванія на новыхъ мѣстахъ, не могло возникать въ большемъ количествѣ. Этимъ обстоятельствомъ, вѣроятно, и объясняется незначительное относительно заселеніе губерніи съ запада кривичами; каковое заселеніе необходимо признать древнѣйшимъ изъ славянскихъ, такъ какъ вятичи въ сосѣдство мери явились значительно позже ихъ ²⁾), на памяти исторіи. Съ ихъ появленіемъ усиливается переселеніе славянъ въ Ярославскую губернію, обусловленное въ историческое время, весьма возможно, завоеваніями князей и ихъ поборами, вызывавшими возстанія не разъ и не у однихъ вятичей ³⁾).

¹⁾ Ледники, правда, къ губерніи нѣтъ уже, но въ ней осталась созданная ими почва, видъ поверхности, распредѣленіе воды; они до сихъ поръ оказываютъ вліяніе на ея погоду и осадки. Созданнымъ ледниками положеніемъ обусловлена растительность и животныя губерніи, а ими вѣстѣ съ остальными и людское населеніе.

²⁾ Когда подвиги приходили въ Россію объясняется и большая дикость вятичей, жившихъ въ Польшѣ, т. е. близъ днѣвъ литовцевъ.

³⁾ Деревянные зараташасы отъ Игоря въ 913 г. Вятичей вышучилъ «въ землѣ (земли) рускіи» лишь Святославъ, въ 866 г., до этого же они были подчинены хозарамъ (лѣт. преп. Нестора стр. 34) и къ походѣ на Олега, въ Игоря не участвовали. Въ 981 г. ихъ вновь покоряетъ Владимиръ, а въ 992 г. зараташасы вятичи (стр. 44) и были вновь побѣждены. Слѣдствіемъ этихъ повторныхъ завоеваній, с

Соболевскій поселеніе вятичей въ землѣ мери распространяеть по Волгѣ, Мологѣ и Шевенѣ до Бѣлоозера ¹⁾, но прибавляеть, что болѣе позднее переселеніе съ В. и С. отличалось напряженностью и кончилось слитіемъ и смѣшеніемъ прежнихъ поселенцевъ съ позднѣйшими, среди которыхъ были уже и новгородцы.

Такимъ въ общихъ чертахъ представляется заселеніе Ярославской губерніи славянами, насколько можно судить о немъ по даннымъ современной науки. Возвращаясь къ основному предмету статьи, къ курганамъ, опять, какъ и за первые 400 лѣтъ по Р. Х., не встрѣчаешь здѣсь не только ихъ (по крайней мѣрѣ пока неизвѣстны), но ни финскихъ, ни славянскихъ и вообще никакихъ могилъ (въ общемъ пониманіи) этого времени. Никакихъ признаковъ ихъ не открыто, не дошло до нашего времени, хотя не потому, конечно, что могилъ не было (люди жили, стало быть, были и могилы), а потому, что не было такихъ могилъ, которыя могли бы сохраниться. Послѣ новокамники могилы вновь появляются въ губерніи лишь съ VIII в. и, при томъ, не отдѣльными, разобщенными, раскинутыми въ разбросъ въ небольшомъ количествѣ, а цѣлыми кладбищами, число которыхъ постоянно возрастаетъ, достигая максимума въ X и XI в.в. Одни изъ этихъ кладбищъ состоятъ, главнымъ образомъ, изъ кургановъ сожженія, другія (въ общемъ позднѣйшія) изъ кургановъ погребенія. Первые въ чистомъ видѣ, безъ примѣси погребальныхъ кургановъ не встрѣчаются почти, но погребальные курганы разбѣиваются на нихъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ по окраинамъ, что свидѣтельствуетъ о томъ, что возникли они позже кургановъ сожженія, образующихъ ядра кладбищъ ²⁾.

Добытые изъ погребальныхъ кургановъ черепа, если не исключительно, то преобладающе длинноголовые.

Мѣстные курганы признавались послѣдовательно памятниками: нановъ ³⁾, татаръ, битвъ русскихъ удѣльныхъ князей, финскими, собственно

проводившихся возмездіемъ (Игорь на древлякъ за востаніе—въложи на яя дань болшоу Ольгову). и были выслены вятичей къ болѣе безопасныя мѣста, въ томъ числѣ и въ недоступную еще тогда Ростовскую область.

¹⁾ Труды Яросл. Обл. Съѣзда стр. 99. По его мнѣнію, они были первоначальными славянскими поселенцами въ Ярославской губ., съ чѣмъ, какъ показано, нельзя согласиться вполне, такъ какъ вятичи лишь ославянили губернію, явившись въ нее въ большомъ количествѣ, отчего говоръ губерніи и признакъ вятичевскій отглаголь; заселилась же губерніа славянами и раньше, когда вятичей еще не было, а были лишь ляхи.

²⁾ Исследователями ярославскихъ кургановъ, къ сожалѣнію, не во всѣхъ случаяхъ прослѣжено это положеніе и въ некоторыхъ изъ нихъ о немъ можно лишь догадываться.

³⁾ Кальсіевъ объяснилъ названіе кургановъ «нанами» и «паннами» изъ финскаго языка.

мерянскими, весьскими, угорскими, наконецъ, въ послѣднее время славянскими. Всенкій новый взглядъ отрицалъ бывшіе до него и признавалъ ихъ несостоятельными. Дѣйствительно, признать ихъ состоятельными трудно хоти бы потому, что, приурочивая курганы одному какому-либо племени, изслѣдователи не пояснили, куда же остальные, жившія тутъ же племена, дѣлали своихъ мертвыхъ, гдѣ ихъ могилы¹⁾. По мѣрѣ силъ и умѣньи я попробовалъ отвѣтить здѣсь на послѣдній вопросъ и теперь остается разсмотрѣть, на сколько состоятельно начинающее распространяться мнѣніе о принадлежности ярославскихъ кургановъ славянамъ, такъ какъ довольно страннымъ представляется то обстоятельство, что славяне, жившіе въ губерніи по кр. м. съ IV в., все обходились безъ кургановъ, а съ VIII в. вдругъ начали насыпать ихъ цѣлыми большими кладбищами въ сотни и даже тысячи кургановъ. Таковую дружную, одновременную и валовую смѣну при томъ же столь важнаго обряда, каковъ похоронный, допустить вообще очень трудно, а для русскихъ славянъ особенно, такъ какъ о нихъ положительно извѣстно, что и спустя 100 лѣтъ, при крещеніи они оказались далеко не столь податливыми, продолжая еще 150—200 лѣтъ цѣликомъ придерживаться старыхъ обрядовъ. А вѣдь за сто лѣтъ они, несомнѣнно, хотъ сколько-нибудь развились.

Только что видѣли, что Ярославскую губернію первоначально заселили кривичи и вятичи, похоронные обряды и обычаи которыхъ описалъ Несторъ. По его словамъ, кривичи въ прежнее время, а вятичи еще при немъ (въ XI в.) мертвыхъ жгли и прахъ, собранный въ сосудъ, ставили на столбахъ при путяхъ. Въ этомъ сообщеніи заключается отвѣтъ на вопросъ: почему нѣтъ въ губерніи кургановъ до VIII в.? Ихъ не кому было насыпать, такъ какъ жившіе въ губерніи люди хоронили своихъ мертвыхъ въ наземныхъ могилахъ, финны—огораживая и прикрывая трупы деревомъ, а—славяне ставя горшки съ прахомъ на столбы.

Откуда же взялись въ губерніи курганы, кто ввелъ въ ней курганный обрядъ похоронъ?

Они могли ввестись только съ быстрымъ и значительнымъ переселеньемъ въ губернію новаго племени, употребившаго уже курганы, такъ какъ *послѣдніе появляются сразу, въ большомъ количествѣ*

¹⁾ Графъ Уваровъ затрогнулъ было этотъ вопросъ, но отвѣтъ на него неудовлетворительно (Мерике я нѣтъ бытъ, стр. 62).

и въ законченномъ видѣ, не имѣя переходныхъ степеней отъ какого-либо иного способа похоронъ.

Кѣмъ же могло быть такое племя и откуда оно могло прійти?

Отвѣчаетъ все таже лѣтопись преподобнаго Нестора, главный и глубоко правдивый источникъ познанія нашего прошлаго, который еще долго не будетъ исчерпанъ вполнѣ, давая при внимательномъ вчитываньи въ него все новыя и новыя подробности этого прошлаго. Она повѣствуетъ: въ лѣто 6367(859) имаху дань *варязи* изъ заморья на чюди и на словѣнехъ, на *мери* и на *остяхъ кривичьхъ*, а казари имаху на полянѣхъ, и на *стверьхъ*, и на *вятичьхъ*; имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма ¹⁾.

Вотъ отвѣтъ на вопросъ и только что заданный, и на поставленный въ заголовкѣ статьи. Онъ такъ ясенъ и такъ правдоподобенъ и очевиденъ, что, собственно говоря, не требуетъ никакихъ доказательствъ. Варяговъ, какъ бы не старались умалить ихъ значеніе въ русской исторіи, изъ этой исторіи не вычеркнешь: ихъ захватилъ въ Русь еще Несторъ, ихъ значеніе среди славянъ отиѣчено Русской Правдой,—современницей Нестора, отдающей предпочтеніе имъ предъ славянами. Но такъ какъ, не смотря ни на что, вліяніе варяговъ на славянъ стремится отвергнуть, то приведу нѣсколько соображеній въ пользу высказаннаго взгляда.

Довольно страннымъ представляется при признаніи кургановъ собственнымъ славянскимъ позбрѣтеніемъ то обстоятельство, что русскій народъ въ очень многихъ мѣстахъ въ томъ числѣ и въ Ярославской губерніи весьма не рѣдко курганы за могилы не считаетъ и могилами ихъ не зоветъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда курганы расположены цѣлыми кладбищами, каковое расположеніе исключаетъ всякую возможность объясненія ихъ возникновенія естественнымъ происхожденіемъ. Будь курганъ исконной и, притомъ, собственной, незамѣванной могилы русскаго славянина, этого не должно было бы быть: русскій глубоко чтить память умершаго и строго оберегаетъ его послѣднее жилище. Могила для него неприкосновенна, а величайшее оскорбленіе и страшная угроза осввернить могилу родственниковъ. Какъ же съ этимъ положеніемъ примирить то обстоятельство, что

¹⁾ Т. е. всѣ пераговые (по мѣсту) русскіе славяне были покорены,—сѣверная половина иаргали, южная казарамъ.

русскіи забытъ могилы своихъ предковъ, живя постоянно около нихъ и постоянно же имѣя ихъ передъ глазами? ¹⁾.

Затѣмъ, устойчивѣе, полнѣе и дольше всего пережитки сохраняются въ вѣрованіяхъ. Въ вѣрованіяхъ русскихъ славянъ встрѣчаются не рѣдко и тѣ обряды, которые отправляются при совершеніи различныхъ празднествъ; они могутъ служить прекраснымъ пособіемъ при возстановленіи древнихъ похоронъ. Изъ такихъ обрядовъ наиболѣе распространенъ обрядъ сожженія масляницы. Онъ встрѣчается во всей средней и во многихъ частяхъ остальной Россіи и въ наиболѣе полномъ видѣ производится такъ: ²⁾ четыре длинныя жерди составляются шалашемъ и обкладываются съ боковъ досками, низъ обваливается хворостомъ, дровами, обломками, соломой и проч. На этотъ шатеръ, на вершину сажается соломенное чучело масляница, привозимая на саниахъ, и костеръ зажигается. Остатки костра или остаются на мѣстѣ, или раскидываются въ стороны. Чучело (соломенное-же) Русалку растерзываютъ въ бѣлчя и разбрасываютъ послѣдніе во вѣтру. Кострому топили въ рѣкѣ. Ярлу въ Костромской губерніи хоронили въ гробу, въ яму ³⁾, здѣсь сказалось уже христіанство. Лютичи хоронили мертвыхъ въ дѣсахъ, заваливая могилы хворостомъ. (Св. кн. Глѣба положилъ «въ лѣсѣ между двѣма владѣма подъ насадомъ», т. е. подъ лодкою, между двумя обрубками стволовъ ⁴⁾. Во всѣхъ этихъ случаяхъ на курганы нѣтъ и намековъ.

Тоже и въ языкѣ. Для обозначенія дѣйствія «преданія мертваго землѣ» ⁵⁾ существуетъ собственно два слова: хоронить—коронить и погребать; другія же слова, примѣняемыя иногда къ погребенію, вродѣ: зарывать, закапывать и проч. не имѣютъ исключительнаго отношенія къ покойнику, какъ, впрочемъ, не имѣли его первоначально и указанные слова.

¹⁾ То же наблюдается и у финновъ Россіи, свидѣтельствуя, что курганы и не финское изобрѣтеніе. Выше приведено уже объясненіе происхожденія кургановъ изъ вытрапнутой изъ земли земли. Не зная кургановъ, русскіе знаютъ жалыны, называя ихъ могилами забылущихъ родителей.

²⁾ Во Владимирской губ. близъ Ярославской границы напр. въ с. Симе. Обрядъ, напоминающій сожженіе масляницы (хотя можетъ быть лишь съ вѣшной стороны), отправляется остатками р. Пимы предъ отправленіемъ на зѣбриный промыселъ. Вершину сосны, обрубленную въ видѣ креста («человѣка»), наряжаютъ человѣкомъ и слагаютъ на очагѣ. Это чучело служитъ въ качествѣ посланца на небо просить бога объ успѣхъ промысла, — (перевѣтокъ человеческихъ жертвоприношеній, законовъ, возможно, скрыты и въ сожженіи масляницы). Изв. Рус. Геогр. Общ. 1904 г., в. I—II, стр. 47.

³⁾ Жавна Старина 1896 г. вып. I; Сѣверный Край 1901 г. № 132. Божества древнихъ славянъ. А. С. Фамининъ стр. 223. Для Ярлы могила лопала истрѣженно названа.

⁴⁾ Древности, т. XIV, стр. 173 и выноса.

⁵⁾ Это выраженіе явилось, несомнѣнно, съ христіанствомъ.

Слово хоронить представляет полногласную форму, которая теперь употребляется почти исключительно для обозначенія погребенія, т. е. обособилась (специализировалась), но прежде она имѣла, а у народа и теперь еще имѣетъ общее значеніе прятать, дѣлать невидимымъ, недоступнымъ, трудно находимымъ, скрывать; устранять отъ порчи, вреда, прикосновенія; защитить отъ уничтоженія. Эти значенія перенесены нынѣ на краткую форму того же слова: хранить, для обозначенія погребенія неупотребляющуюся. Слово хоронить въ смыслѣ погребать очень долго такого смысла не имѣло и, применяемое къ мертвымъ, употреблялось въ общемъ значеніи прятать, скрывать. Вслѣдствіе этого о похоронныхъ приемахъ древнихъ славянъ оно не можетъ ничего пояснить кромѣ того, что славяне своихъ покойниковъ считали нужнымъ прятать, скрывать и еще, пожалуй, оберегать отъ тревоженья. Кромѣ того, оно свидѣтельствуетъ, что славяне мертвыхъ не жгли ¹⁾.

Слово погребать даетъ не многимъ больше. Оно происходитъ отъ «гребсти» (грести, корень греб), обозначающаго почти то же, что и «скоблить» ²⁾, т. е. снимать съ поверхности не толстыми слоями что-нибудь нетвердое, сыпучее или жидкое, легко уступающее давленію, и отдѣльное такимъ образомъ перемѣщать по поверхности. Въ приложеніи къ покойникамъ употребляется форма «погребать», т. е., какъ можетъ казаться, засыпать или покрывать покойника продуетомъ гребни, нагребать на него (почву), а не выгребать, т. е. дѣлать углубленіе. Однако это не такъ. Слово погребеніе, въ сущности, говоритъ развѣ только о томъ, что славяне хоронили (въ землю) своихъ мертвыхъ уже тогда, когда не умѣли или избѣгали (по трудности, за отсутствіемъ лопаты), рыть, а лишь гребли или скребли, да еще о томъ, что они ихъ въ ту пору не жгли. Въ самомъ дѣлѣ слово погребъ, всегда обозначавшее яму ³⁾, ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что глаголъ «погребать» не имѣлъ значенія (по крайней мѣрѣ исключительнаго) нагребать, навидывать поверхъ чего-нибудь и что данная форма его представляетъ лишь многократный видъ, служа для выраженія повторности дѣйствія. Кромѣ того, слово погребъ, если не застываетъ, то позволитъ думать, что погребеніе у славянъ состояло въ

¹⁾ Въ то время, когда слово хоронить стало применяться къ покойникамъ.

²⁾ Разница въ орудія дѣйствія: скоблить можно только острымъ, гребсти можно доской, вилкой, лопатой, рукой, граблями и проч. «Грести» употребляется еще въ формѣ «сгребсти-сгрести».

³⁾ Въ Славянъ обозначаетъ еще часть ямы: крутой спускъ, обрывъ, откосъ «гора» (Журн. М. И. Пр., 1902 г., IV, стр. 461).

помѣщеніи мертвѣго въ погребѣ, т. е. въ зарываніи его въ яму. Затѣмъ. Если слово сугробъ обозначаетъ холмъ или точнѣе горбъ, то слово гробъ, употребляемое непосредственно въ приложеніи къ покойнику, обозначало могильное углубленіе въ землѣ, какъ это слѣдуетъ изъ того, что въ Евангеліи погребальныя пещеры Христа и Лазаря названы гробами: и положи е въ новѣмъ своемъ гробѣ, его же изсѣче въ камени ¹⁾; приде ко гробу, бѣ же пещера и камень лежаше на ней ²⁾...

Въ заключеніе можно отмѣтить еще, что гробъ по нѣмецки grab-grabe, а могила по англійски grave (нѣмец. *gruft*—яма), т. е. обозначаются словами, происходящими отъ того же корня, что и русск. гробъ. Это же можетъ свидѣтельствовать о томъ, что славяне своихъ мертвыхъ погребали, т. е. зарывали въ ямы уже тогда, когда не вполне еще отделились отъ западныхъ сродичей ³⁾.

Слово «могила» не только ничего не выясняетъ изъ славянскихъ погребальныхъ обычаевъ, но и само еще необъяснено окончательно. Одни связываютъ его съ «мочь» (могить), другіе съ санскр. *māhantī*, греческ. *μᾶζας*, латин. *magnum* и т. д., значащихъ, въ общемъ, превосходство, увеличеніе, великость ⁴⁾. Но всѣ эти производства страдаютъ недостаточной ясностью и малой убѣдительностью. Какую связь можно провести между мертвымъ и его послѣднимъ пристанищемъ и мощью, возможностью много сдѣлать, съ великостью и т. п.? Особенно трудно связать такія представленія съ представленіемъ о мертвомъ русскихъ славянъ, считающихъ его прекратившимъ всякую дѣятельность, успокоившимся, «покойникомъ» или уснувшимъ, «усопшимъ». Представленіе о побой же заключено отчасти и въ самомъ словѣ «мертвый», бабъ видно то изъ выраженій: мертвая тишь, мертвая страна, мертвая точка

¹⁾ Отъ Мате., глава XXVII, 60.

²⁾ Отъ Іованна, глава XI, 38. Можно бы, пожалуй, предположить, что могилы тутъ названы гробами потому, что находились въ холмахъ, но этому мѣшаетъ ясный смыслъ изреченія и прямое его указаніе, что гробъ—бѣ же пещера, его же изсѣче въ каменіи. Кромѣ того, роль въ древности обозначался словомъ очень близкимъ къ слову гробъ: гробля (другъ друга пихаю въ гроблю, баше черезъ гроблю мость... Эт. пр. Пестора, стр. 40). Слово же сугробъ, если принять даже, что оно идетъ отъ гробъ, а не отъ грѣбъ, все-таки будетъ обозначать не гробъ, а лишь подобіе его, о чемъ явнѣ бы говорить и частица су (супесь, сугливъ, суметь, сусѣвъ, сусѣдъ), обозначающая явнѣ подобіе. Но такъ какъ въ древности она обозначала исключительно со—съ и являлась лишь неправильнымъ истиннымъ выговоромъ его, то слово сугробъ должно понимать, какъ со-гробъ, съ-гробъ, т. е. сгребенное въ вучу, только.

³⁾ О томъ же свидѣтельствуютъ и обрядовыя пѣсни; при отправкѣ покойника на кладбище поется: раздунте-ка вѣтры буйные со *глубокой* со могилушки мить сыру землю (Живая старина, 1903 г., в. I—II, стр. 93).

⁴⁾ Сряв. этим. словарь русск. яз. Н. В. Горюновъ.

и проч. Латинское *moeta* значить также тихость, медленность, остановка, *moeta*—дѣлать медленнымъ, замедлять, т. е. въ сущности. успокоивать.

Разъ же мертвый есть покойникъ, а смерть успокоеніе и бездѣйствіе, то съ какой стати мѣстопробываніе покойника, его жилище (послѣднее), представляющее къ тому же, обыкновенно, подражаніе жилищу живыхъ, называть словомъ, заключающимъ понятіе «силы, великости и т. п.»¹⁾ Мнѣ кажется, вѣрнѣе думать, что «могила» является полногласной формой отъ слова «мгла»; по крайней мѣрѣ могила до нынѣ связывается съ представленіемъ о тѣмъ: «темно» «какъ въ могилѣ»—обычное выраженіе, «темная»—обычный эпитетъ могилы.

Наконецъ, слово «трупъ» обозначаетъ собственно туловище, обезглавленное тѣло (тушу); по крайней мѣрѣ словин. *tupro*—туловище, греч. *trufos*—обломокъ, кусокъ, санскр. *tup, tupa*—повреждать, литов. *tupėti*—крошить, русск. трупъ—перхоть (брошки, чешуйки), струпь—зажившая рана (поврежденіе тѣла), болячка, подсохшая субровница.

Подводя итогъ даннымъ языка, можно отмѣтить не много:

1) славяне по тѣмъ или инымъ соображеніямъ считали необходимымъ мертвого хоронить, т. е. прятать, скрывать, можетъ быть, со-обща (хоромъ).

2) Для этого они мертвого первоначально погребали, т. е. зарывали въ почву. въ яму, дѣлая углубленіе, можетъ быть, просто руками²⁾, т. е. не глубоко и въ мягкой почвѣ, напр. пескѣ³⁾.

¹⁾ Польский, народъ говорить: *kolto*, *kolty*, но въ прошедшемъ времени, отъ котораго можеть было бы производиться форма «могила» (какъ отъ *biti*—было), и онъ говорить: *kolga*, *kolga*, что въ полногласіи дати: *kolga*, *kolga* и не *kolga*, *kolga*.

²⁾ Гребень, гребенка (гребенка) первоначально представляли, видимо, ничто иное, какъ поизвращеніе кисти руки съ раздвинутыми пальцами. (См. матеріалы по археол. Кавказа, в. VIII, таб. XXXVII, рис. 7 и въ параллель ему таб. XXIII, рис. 9 и 10; очень грубая гребенка представлена на таб. XI, р. 9). Эта форма, но уже облагороженная (съ ямсовой надгубной пластинкой, ямзда, сверху закругленной), удерживалась очень долго, пошла въ могильники въ вургавалъ II—III—IX—XII в.в. (См. Зап. Росс. Арх. Общ. т. XII, а. I—II, таб. XIX, рис. 31, 24, 26, 25, 30, 25, 29, 27 и стр. 176, 173—монеты): Древности праисторика В. Я. Ханенко, выв. IV, таб. XVШ). Названіе нарѣзонъ гребан (какъ и гребель) зубьями, быть можетъ, говорить о томъ, что первою гребенкою была, просто, обломокъ нижней челюсти животного, особенно обладавшего длинными и частыми острыми зубами, такъ какъ въ жизни первобытныхъ людей кости, на ряду съ другими частями убиваемыхъ животныхъ, имѣли важное значеніе въ начальныхъ попыткахъ человѣка приспособить природу для своихъ потребностей. Гребенка, очень антропоидная челюсть, привелла Ханенка (Древ. праи. в. II, таб. XXXI, рис. 511); у ил. П. А. Пугачева 2 обломка нижней челюсти мушкетера съ дырками для привѣсокъ (Зап. отъ рус. и сл. арх. Руск. Арх. Общ. т. V, в. I, таб. X, рис. 12 и

3) Славяне начали погребать мертвыхъ очень давно, тогда, когда не обособились еще отъ западныхъ арийцевъ. Положеніе это подтверждается тѣмъ, что слово «гробъ» въ смыслѣ ложа мертвеца или большого существа и у западныхъ арийцевъ въ формахъ: нѣм. *grab*—гробъ, могила, англ. *grave*—могила, франц. *gabat*—одръ болѣзни, латин. *grabat*—одръ, ложе ¹⁾).

4) Русскіе славяне не выработали и не приурочили никакихъ особыхъ обозначеній (терминовъ) ни для дѣйствій, ни для предметовъ, употреблявшихся ими при погребеніи, ни для самого покойника. Всѣ названія, служившія для этого, имѣютъ въ основѣ самыя общія, обыкновенныя понятія, находятся въ постоянномъ повседневномъ употребленіи, прилагаясь къ самымъ разнообразнымъ предметамъ и представленіямъ ежедневнаго обихода и вовсе не обособились, хотя и дошли къ намъ изъ глубочайшей древности.

Указанное обстоятельство позволяетъ думать, что у русскіхъ славянъ (по крайней мѣрѣ первоначально) не было, говоря вообще, настоящаго обоготворенія предковъ и поклоненія имъ (культъ мертвыхъ), что подтверждается тѣми остатками языческихъ вѣрованій и воззрѣній, которыя переживаютъ до нынѣ. Судя по отголоскамъ далекой старины, у нихъ былъ лишь остающійся до сихъ поръ страхъ передъ мертвымъ и обусловливаемое имъ задо-быванье мертваго и охраненіе его покоя, выражавшіяся въ поминкахъ усопшаго (какъ доказательство, что онъ не забытъ), въ снабженіи его

14 и стр. 261). Они названы привѣсками, но это сѣмство обще,—привѣсками были и бруски, огнивы, ножицы и пр. Возможно, что эти частюта служили гребнями челобію новонаманика Бологовскаго озера. Тамъ можно думать на основаніи словъ рогатина и роженъ, ясно указывающихъ на то, чѣмъ было первое копы. Оно было рогомъ, чаще всего, племки. Гораздъ (словарь) слово «роженъ» вѣдетъ съ «разити», основываясь на томъ, что въ старо-славянскомъ языкѣ прислосъ «рашъ», а въ сербскомъ—рашан. Не легко согласиться съ такимъ толкованіемъ: по русски, малорусски, польски и чешски—роженъ; въ старо-славянскомъ вмѣстѣ съ рашъ есть и форма романъ; наконецъ, и основное слово рогъ по прусски *ragis*, по литов.—*gagas*. Впрочемъ, когда гребель и парьва гребня могла получить названіе зубьями и просто по ихъ сходству съ зубами.

²⁾ Мелко-наменшная почва и крупно-зернистый песокъ называются у французовъ и англчанъ до нынѣ гравіемъ (*gravier, gravel*); по русски эти слова можно передать словомъ гребель, гравель (хридь); значеніе вѣхъ этихъ названій одно: легко-гребущійся.

³⁾ Последнія два слова созвучны и близки по значенію съ русск. кровать, но это сходство случайное, такъ какъ корни приведенныхъ словъ различны: у первыхъ—гребъ, грабъ, у второго—кря(в) (крять—крясть, крявъ и проч.). Сходство въ значеніи произошло вслѣдствіе того, что первобытный человекъ для лѣжекъ своихъ или выбиралъ природныя впадины почвы, или дѣлалъ (выгребалъ) ихъ самъ, какъ дѣлаютъ многіе животныя. Отъ способа изготовленія лѣжекъ онъ и получалъ свое названіе *grabat*, т. е. грѣбокъ, выгребокъ. Такимъ образомъ *grabat* значить вырытый, а кровать—крытый, находящійся подъ кровомъ, но и то и другое служила для лѣжанья.

время отъ времени разными припасами, оставляемыми въ могилѣ, въ «обѣганы», въ приглашеньяхъ или «бѣлканьяхъ» на большіе праздники, въ обѣганы могилъ и въ запрещеніи ихъ трогать и т. д. Но все это, какъ вызванное чисто практическими, дѣловыми соображеніями, далеко отъ поклоненія и боготворенія. Въ доказательство существованія у русскихъ славянъ культа предковъ часто указываютъ на наличность у славянъ вѣрованія въ домового. Однако, едва ли это такъ въ виду одновременнаго существованія съ домовымъ дворового, баннаго, овиннаго, водянаго, лѣснаго и проч. Если лѣсовникъ, водяникъ, овинникъ не предп., а просто духи «хозяева» разныхъ мѣстъ, то какое имѣется основаніе для того, чтобъ «хозяина» двора или дома считать не просто духомъ, а духомъ предка? Всплчаніе «дѣдушкой», воздаваемое домовому, какъ и водяному, какъ Николаю чудотворцу, какъ всякому старику, указываетъ не на родство съ ними такъ называющаго ихъ, а лишь на ихъ старость (воображаемую или дѣйствительную), да на простое почтеніе къ нимъ, вызываемое все тѣмъ же желаніемъ задобрить, вызвать къ себѣ расположеніе ¹⁾).

Въ обѣганы мертвыхъ опять-таки нельзя видѣть религиозный обрядъ. Слово «обѣгать» до сихъ поръ въ употребленіи у низшаго и средняго слоевъ общества и значитъ: привѣтить, опросить о здоровьѣ, о житьѣ-бытьѣ и пр. ²⁾). Въ этомъ же смыслѣ и съ тѣмъ же значеніемъ (привѣдать) это слово примѣнялось и примѣняется и къ мерт-

¹⁾ П. Липровскій (перев. значеніе изъ польск. речника у славянъ, стр. 35) въ подтвержденіе боготворенія славянъ предковъ ссылается на то, что славяне звали Бога дѣломъ и предками: или ли ни творили предковъ или дѣломъ себя, то чему ни не чтили, или-ли зѣбра уакомъ предкамъ и дѣломъ чтили? (Слово о поств. Прок. соед. 1858 г. I, 157). Но указанное обстоятельство могло обусловливаться и тѣмъ, что славяне считали себя происходящими отъ боговъ, или только боговъ, а не послѣ отъ обоготворенныхъ предковъ: изъ Слова о волку Игеришъ: Стри-божи ватуи, Довъ-божи ватуи. Разлиъ ны сами не называли себя дѣлами Бога, а его отцевъ назвали (Отце востъ...)? Но отцовъ мы называли Бога не въ смыслѣ родителей, а въ смыслѣ творца, создателя всего, восту востити и востъ. То не повтореніе было и у древнихъ славянъ, или только замечать изъ значенія слова богъ—поименный, всемогущій, богатыи, все-могущи и все-знающій. (хлѣбъ—отъ)ъ божи, «у Бога всего много». Божій того всемогущаго «творца» едва-ли нужно возникать въ правую сторону (дѣлать),—просто вѣдальи просто разучить обичай славянъ вѣдальи старшихъ «дѣдушкой», «бѣлканьей» и т. п., что вѣдальи въ полноту силъ до сего дня во стѣнованіи и въ Б-стѣ (отъ—божественно Господи, Свѣтитель нашъ), и въ Богородицѣ («матушка»), и въ свѣтлѣ («бѣлканьей Никола-чудотворецъ»), и въ людяхъ. Сверхъ того, славянск. т. е. старшій («старышка») богъ не только у славянъ, но и у другихъ народовъ представлялся или походилъ (Видеть), или старинъ-тъ (истина), что обусловлено сходствомъ вѣдальи-и вѣдальи, представляющей речитативъ странъ первообитателю общества, представляющего главнаго старышкаго—старшаго. Въ Ярославльскомъ губ.-райѣ до нынѣ главнаго и старшаго: шра, губернатора, ардіера, козлава и пр. называютъ дѣдушкой, восту не хотѣть во чѣну дѣло называть по имени или дѣлальи (скотра, уаветъ дѣдушю, вѣдальи ладъ).

²⁾ До сихъ поръ можно слышать: Ужь каковъ речитативъ! Вместо не врать, не обмануть.

вымъ, которыѣхъ русскій славянинъ, нужно помнить, считалъ лишь *усопшими*, а не исчезнувшими, не переставшими существовать, стало быть, пуждавшимися въ томъ, чѣмъ пользовались они до усыпленія или упокоенія. Что сказанное вѣрно, слѣдуетъ изъ того, что вмѣсто «окликать» употребляется не рѣдко и выраженіе «провѣдать» (родителей).

Если обратиться къ даннымъ раскопокъ, привести въ ясность и упорядочить которыя (данныя) явились попытки въ послѣднее время ¹⁾, то прежде всего наталкиваешься на то, что специально русскихъ вещей среди курганныхъ предметовъ даже X в. нѣтъ; между ними преобладаютъ вещи скандинавскаго типа, затѣмъ восточнаго и, частью, финскаго ²⁾. Для Ярославской губерніи это положеніе можно пополнить еще тѣмъ, что въ раннихъ курганахъ вещей попадается, сравнительно много, онѣ разнообразны и по виду и по назначенію и большинство изъ нихъ достаточно развитой, солидной выдѣлки (техники), не мало также изящныхъ и художественныхъ вещей (скорлупчатая фибула, броши, пряжки и проч.), но матеріально цѣнныхъ (серебряныхъ и золотыхъ) чрезвычайно мало. За то въ большемъ, сравнительно, количествѣ попадается оружіе: длинные (19 верш.) обоюдо-острые мечи ³⁾, боевые топорки, иногда хорошей отдѣлки съ шпильевиднымъ тыльемъ, разнообразные наконечники копій и стрѣлъ, такъ называемыя «знамена» («кнутовища») и проч. Не рѣдки и принадлежности сбруи: удила, уздечные наборы, стремяна (кавказскаго типа) ⁴⁾, «шпоры» и т. д. Ничего подоб-

¹⁾ Расселеніе древне-русскихъ племенъ по археологическимъ даннымъ. А. А. Спичинъ. Мечать Спичина нельзя не признать, какъ приводящій въ систему громадную массу сырого матеріала, собраннаго со всѣхъ концовъ Россіи. Разобраться въ немъ человѣку, занятому имъ не исключительно, очень не легко, такъ какъ для этого требуется весьма много времени и труда. Послѣднее многіехъ удерживаетъ отъ пользованія накопившимся матеріаломъ, не смотря на все его значеніе. Какъ не изтънился бы трудъ Спичина впоследствии, но, сравнительно, значеніе его очень велико, какъ дающаго возможность отнестись къ археологическому матеріалу опредѣленно. Только жаль, что Спичинъ не приложилъ рисунковъ вещей какъ типичныхъ для разныхъ мѣстностей, такъ и безразличныхъ, а равно рисунковъ копалъ, разрывавъ ихъ в. проч. Лучше всего раскопаны матеріалъ со губерніи съ С. въ Ю. и съ З. на В., разбавилъ его на отдѣлы: сопки, курганы сожженія, курганы погребенія на материкѣ, въ нихъ съ углемъ-копальни прослойками и проч. и отнѣсѣтъ районы каждаго отдѣла, какъ бы какъ онъ не былъ, на отдѣльныхъ вѣткахъ и особыми цѣтками. Трудъ большой, но способный обескуражить его автора. Слѣдуетъ обратить большое вниманіе на посуду, какъ предметъ первой необходимости и потому особенно пригодной для опредѣленія различныхъ народныхъ отдѣльностей.

²⁾ Тамъ же, стр. 14, 15.

³⁾ Въ курганахъ Михайловскаго (Яр. у.) курганнаго владѣнща ихъ найдено около семи.

⁴⁾ Такия же найдены въ могильникѣ близъ Каминте (Вамунта) въ Осетіи (Матер. по арх. Кавк. в. VIII, табл. СХХІ, р. 8). Въ древностяхъ Кавказа гмѣтна связь между проч. и съ западною Европой.

наго не находится въ позднѣйшихъ, несомнѣнно славянскихъ курганахъ погребенія. Они поразительно бѣдны вещами ¹⁾, которыя къ тому же весьма не высокой выдѣлки, однообразны и небольшого числа назначеній. Преобладаютъ проволочныя неспаянныя кольца, сплошь и рядомъ даже согнутыя неправильно, служившія серьгами и для украшенія головы (всочныя), нѣсколько стеклянныхъ, золоченыхъ или цвѣтныхъ бусинъ разнаго вида, изрѣдка крестини и образки (византийскіе), кольца и пряжки отъ пояса, небольшіе ручные позижки, рѣдко.—ремесленные топоры и наконечники стрѣлъ, браслеты, вотъ почти все. что попадается въ этихъ курганахъ.

Даже неопытный и бѣглый взглядъ поражается рѣзкимъ различіемъ между тѣми и другими вещами и почти каждый невольно и неизбежно приходитъ прежде всего къ заключенію, что тѣ и другія принадлежать двумъ совсѣмъ различнымъ народностямъ. Однако есть охотники и оспаривать это естественное и правильное заключеніе. Они хотятъ видѣть причиной смѣны вещей не смѣну господства племенъ, а поворотъ въ торговлѣ: перестали, дескать, доставлять такія вещи, вотъ и все ²⁾.

¹⁾ Объединеніе кургановъ вещами и ухудшеніе самихъ вещей въ болѣе позднихъ (съ X в.) курганахъ бросается въ глаза не одному изъ. Изъ отмѣчаетъ гр. Уваровъ (Мерале и ихъ бытъ, стр. 53)—не попадается на жемчужныхъ гѣлахъ, ни предметовъ въ такомъ изобиліи, какъ въ древнихъ могилкахъ... Присутствіе монетъ дѣлается рѣже... Онѣ X и XI в.в. Н. П. Кондаковъ (Русскіе древности въ памятникахъ искусства, в. V, стр. 12) говоритъ еще опредѣленнѣе: видимо... въ известнѣхъ мѣстностяхъ у сѣверянъ, древнѣе (т. е. у болѣе древнихъ отдѣльностей) особое характерное оскуднѣніе: словно потокъ вещей, откуда то прежде шедшихъ, сталъ мѣлѣть... Эта скудость какъ бы указываетъ на племя, еще движущееся еще ищущее новыхъ мѣстъ... Последнее не вѣрно: племя сидѣло, ибо насыпало не одинъ, не два, а много кургановъ. Кроме того, и двигаясь, оно брало съ собою свое имущество, особенно же наиболѣе то цѣнное, что именно и шло съ мертвыхъ. Слѣдовательно причина оскуднѣнія не движеніе, а отсутствіе вещей. Замѣтить оскуднѣніе не такъ легко; музеи съ ихъ табличками, густо уселенными вещами, ничего не скажутъ о немъ и поразитъ оно лишь изслѣдователя, лично ведущаго раскопки и при томъ на различныхъ (по народности) кладбищахъ.

²⁾ Н. П. Кондаковъ (тамъ же). Прямое скандинавскихъ вещей ограничивается... немногими мѣстностями по Днѣпру, Вислѣ, на финскомъ сѣверѣ, у мерикъ... Онѣ явились, какъ результатъ торговли скандинавовъ по Днѣпру и Волгѣ до Чернаго и Каспійскаго морей. Скандинавскія фибулы составляютъ сравнительную рѣдкость въ древностяхъ Россіи и то за время весьма ограниченное, а именно IX и X в. (стр. 54). Вотъ это то я не понимаю. Вещи завезены торговлей, но при этомъ страннымъ образомъ ихъ мало и количественно, и качественно (сортижа), онѣ попадаютъ въ немногихъ лишь мѣстахъ, *совпадающихъ* какъ разъ съ тѣми, въ которыхъ по письменности владѣли варяги или въ которыхъ они посадили «мушъ свой» (яко и на Волгѣ, по которой торговали норманы, и въ вещи извѣстны главнымъ образомъ лишь въ окрестностяхъ Ярославля и нѣмного его не встрѣчены, стало быть, и въ Ярославль занесены онѣ не торговлей только, а норманами и для нормановъ) и относится онѣ къ небольшому промежутку времени, также какъ разъ совпадающему съ временемъ владычества на Русь необрусѣлыхъ варяговъ. Набродныхъ варяговъ отмѣчаютъ на Русь и, при томъ, въ незначительныхъ количествахъ письменность еще въ XI в., въ 1018 г. Ярославъ I совокупивъ русь и варяги, и словенѣ, а бывали они у насъ, особенно торговые то, несомнѣнно, и позже, однако вещей своихъ не оставляли. Слѣдовательно даль скандинавскія вещи Руси не пріѣзжіи торговца, а ея жители, умершіи въ вой.

Но при этомъ упускается изъ вида то небольшое обстоятельство, что человекъ, узнавъ лучшее, не мѣняетъ его на худшее и, если лишается возможности добывать это лучшее въ одномъ мѣстѣ, то отыскиваетъ другое. Вслѣдствіе этого можетъ наблюдаться смѣна лишь типовъ и стилия вещей, но не характеръ (назначеніе) и даже (въ рѣзкой формѣ) не качества ихъ. Если народность освоилась и привыкла къ мечу, а особенно, если мечъ сталъ ей нуженъ, то лишившись одного источника получения мечей, она отыщетъ другой, научится сама дѣлать ихъ, но безъ мечей не останется. Вслѣдствіе этого у такой народности можно будетъ встрѣтить замѣну однихъ мечей другими, напримѣръ, норманскихъ восточными или мѣстными, но никакъ не полное упраздненіе ихъ. Если же подобное упраздненіе касается не одного или двухъ видовъ предметовъ, а десятковъ ихъ, свидѣтельствуя ясно и неоспоримо о перемѣнѣ привычекъ и нравовъ населенія, то объяснять такое упраздненіе (а стало быть, и перемѣну нравовъ) чѣмъ либо кромѣ смѣны населенія или чего либо чрезвычайнаго ¹⁾, и мудрено, и странно. Что касается Ярославской губерніи, то ни какія иныя объясненія, кромѣ удаленія изъ ея предѣловъ промышленно-и-торгово развитого народа, не приложимы къ ней, такъ какъ ея историческая жизнь за рассматриваемый промежутокъ времени особыхъ сомнѣній не возбуждаетъ. Положительно извѣстно, что въ концѣ X и въ XI в. въ ея предѣлахъ господствовали славяне и что вмѣстѣ съ ними жили финны. Могилъ даннаго времени, кромѣ кургановъ, здѣсь не извѣстно, стало быть, ярославскіе курганы конца X и XI в.в. могутъ принадлежать только или славянамъ, или финнамъ. Но такъ какъ черепа и ростъ курганныхъ костяковъ рѣшительно не финскіе ²⁾, то очевидно, что Ярославскіе курганы X и XI в.в. большею частью принадлежатъ славянамъ. Отличительные признаки этихъ кургановъ, какъ сказано, бѣдность вещами ³⁾ и монетами, плохая выдѣлка мѣстныхъ вещей, почти полное отсутствіе оружія ³⁾, погребеніе (а не сожженіе) на материкѣ, изрѣдка въ мелкой ямѣ, въ въ вытянутомъ положеніи, головою къ закату (С.-З., З., Ю.-З), иногда въ гробахъ. Сами курганы вообще не велики, располагаются кладбищами, которыя находятся часто по близости болѣе древнихъ кладбищъ, но не обязательно на склонахъ, какъ тѣ, а и на равни-

¹⁾ Въ родѣ быстрого одичанія послѣ разгрома варварами.

²⁾ Черепа длинно и средне-головные, ростъ выше средняго и высокій отъ 6—12 верши.

³⁾ Мелкие и ихъ бытъ... стр. 53.

нахъ и, кромѣ того, по числу насыпей и занимаемому пространству, въ общемъ, меньше тѣхъ.

Кому же могли принадлежать болѣе древнія Ярославскія владбища?

Если не финнамъ и не славянамъ, то только норманнамъ—варягамъ, такъ какъ другихъ племенъ исторія здѣсь не знаетъ. Эта мысль по отношенію отдѣльныхъ могилъ не разъ приходила въ голову изслѣдователямъ ярославскихъ кургановъ, отмѣчавшимъ въ нихъ норманскіе признаки ¹⁾. Но только эти признаки приписывали или отдѣльнымъ норманскимъ выходцамъ, или заимствованію у нихъ или же, наконецъ, торговлѣ съ ними (вещи). Между тѣмъ нужно признать, что норманны жили здѣсь. За это говоритъ во 1-хъ, нахожденіе цѣлыхъ большихъ владбищъ однородныхъ кургановъ съ однородными, несомнѣнно, норманскими вещами, среди которыхъ не мало норманскаго оружія, и съ одинаковымъ похороннымъ обрядомъ, т. е. танихъ владбищъ, которыя могли возникнуть лишь *при продолжительномъ проживаніи и, сравнительно, большого числа людей*, а во 2-хъ, то соображеніе, что если бъ норманскія вещи были нужны здѣсь не однимъ норманамъ и, вслѣдствіе этого, были бы занесены сюда торговлею и т. п. способами, а не самими норманнами, *жившими здѣсь*, то эти вещи (по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя) должны были бы попадаться въ ярославскихъ курганахъ и позже, въ концѣ X и въ XI в., чего не замѣчается. Вамамъ этого наблюдается, напротивъ, полная «сиѣна культура», перемежна и въ способахъ похоронъ, и въ устройствѣ кургановъ, и въ ихъ содержимомъ. Очень многія, несомнѣнно, норманскія вещи, какъ отчасти уже замѣчено, существовали въ Россіи относительно недолго, сравнительно на небольшой площади и въ ограниченномъ количествѣ. До сихъ поръ онѣ отмѣчены въ Финляндіи, Эстляндіи, Лифляндіи, Курляндіи, т. е. по берегу Балтики; 2 случая въ Двинскѣ (Витебской губерніи),

¹⁾ О чемъ про славянъ говорятъ Іоаннъ Эфесскій (VI в.), или Маркицъ (конецъ VI в.), Ибнъ Дастъ (начало X вѣка) и сами славяне. Первые трое свидѣтельствуютъ, что у славянъ была лишь артовка и стрѣлы съ лунами, а послѣдніе, по словнямъ Феодисакта, заявили Маркицію, что не обучены носить оружіе за исключеніемъ шлемовъ въ ихъ странѣ, а войны не знаютъ. (Изъ ист. сл. перел., стр. 61, 62, 81).

²⁾ Гр. А. С. Уваровъ (Меране и ихъ бытъ, стр. 34, 62, 82, 85, 87 и др.); Н. Г. Бернцели (Антр. выст., т. II, стр. 76); А. А. Спицынъ (Разсказаніе древне-русск. племенъ) говоритъ вообще о вліяніи норманновъ на стр. 9, 15; о Ярославскихъ курганахъ на стр. 18. Карпелли отмѣчаетъ, что изъ разрытыхъ имъ близъ д. Юрьевецъ (Рыбинск. у.) кургановъ, 5 были обставлены вещами «въ подобіе кургановъ, находимыхъ на Скандинавскомъ полуостровѣ», а одинъ былъ обфрескованъ иленинск. «какъ это, по свѣдѣтельству сагъ, не рѣдко дѣлалось скандинавами».

въ Тверской, Ярославской, Владимирской, Орловской, Смоленской и Киевской губерніяхъ (Русск. древн. въ пам. искуc. гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, в. V, стр. 54; Зап. Рус. Арх. Общ., т. XI, в. 1-2, стр. 12 и др. т.т. и в.в.), т. е. въ мѣстахъ, въ которыхъ письменность засвидѣтельствовала пребываніе и проживаніе варяговъ. Нужно признать, что скандинавскія вещи попадаются въ мѣстахъ именно проживанія варяговъ, а не владычества ихъ вообще, ибо въ указанныхъ губерніяхъ находятъ такія вещи не всюду, а только въ отдѣльныхъ и немногихъ пунктахъ. Чаще всего находимые предметы очень хорошей, высокой выработки и выполненія съ сложными узорами и формами, каковы скорлуповидныя застѣжки (фибулы), пряжки, запонь-броня, ободья гребеневъ, бляхи поясныхъ, темлячныхъ и оружейныхъ наборовъ, прекрасное оружіе не рѣдко съ тонкой серебряной и даже золотой насѣчкой и проч. Они какъ появляются вдругъ, безъ предварительныхъ формъ, такъ и исчезаютъ вдругъ же и безслѣдно, не вызывая подражаній и не переродившись ни во что. Такое положеніе опредѣленно свидѣтельствуетъ, во 1-хъ, о ихъ иноземности и ввозѣ, признаваемыхъ и В. И. Словымъ (Матеріалы по археол. Россіи, № 28, стр. 125), находящимъ, впрочемъ (какъ и Кондаковъ въ указанномъ его изданіи), мѣстными подражанія имъ (стр. 36, 37), въ чемъ я сомнѣваюсь. Во 2-хъ, объ употребленіи ихъ лишь ввезшими ихъ, занесшими ихъ въ Россію съ собою или о томъ, что эти предметы не пришли здѣсь по вкусу (что не вѣроятно), такъ какъ иначе непрежѣнно создалося бы мѣстное производство ихъ, а равно и усиленный ввозъ, что не позволило бы этимъ вещамъ быстро выдти изъ употребленія и создало бы лишь постепенное исчезновеніе ихъ. Въ 3-хъ, что ввезшіе или не имѣли постоянныхъ сношеній съ родиною вещей и не дѣлали ихъ предметомъ большого торга, не пускали въ продажу и оборотъ, или были вытѣснены, или же, наконецъ, обрусѣли и переимѣнили вкусы, замѣнивъ свое чужимъ. Кстати отмѣчу какую-то связь между нѣкоторыми вещами ярославскихъ кургановъ и осетинскихъ могильниковъ. Я уже указалъ на однородность (даже тождество) стремянь тамъ и здѣсь, теперь же еще отмѣчу, что въ осетинскихъ могильникахъ хотя не часто, но попадаются и гусино-лапчатые привѣски совсѣмъ такіе же, какъ въ ярославскихъ курганахъ (Коминтескій могильникъ). Кроме того въ Камбытескомъ (Кумбултескомъ) могильникѣ найдена скорлуповидная фибула хотя и напоминающая въ общемъ черепуху, но очень близкая по устройству къ норманскимъ. Она литая, состоитъ

также изъ двухъ наложенныхъ другъ на друга чашекъ, изъ коихъ верхняя прорѣзная, какъ и у норманскихъ ¹⁾).

Чѣмъ же объяснить смѣну культуръ, какъ не смѣной населенія, отмѣченной лѣтописью, повѣствующей, что въ 861 г. «изыгнаша (меря, кривичи и пр.) варяги за море и не даша имъ дани, и почаша сами въ собѣ володѣти»? Ушли норманны и унесли съ собою свои нравы, обычаи и обряды, строй жизни и ея обстановку, оружіе и одежду и т. д., словомъ, слѣды ихъ исчезли. Тѣ же изъ обитателей губерніи, которые остались въ ней, продолжали оставлять слѣды своего пребыванія тутъ и ихъ находятъ тѣ, кто ищетъ. Сказанное такъ просто, естественно, и тѣмъ правдоподобно, что если даже не было бы отмѣчено письменностью, то и тогда не должно было бы возбуждать сомнѣній.

Норманны, явившись въ Ярославскую губернію въ VIII в. ²⁾, принесли съ собою свои нравы и способъ погребенія, состоявшій въ сожженіи мертваго и въ навалкѣ надъ его прахомъ и кострищемъ болѣе или менѣе значительныхъ полушарныхъ насыпей. Явились норманны не поселенцами, а завоевателями, для взиманія поборовъ и жизни на чужой счетъ и потому явились они не одиночками, а въ значительномъ числѣ и держались вмѣстѣ, шайками. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что въ землѣ славянъ и финновъ, незнавшей кургановъ, послѣдніе вдругъ появляются съ VIII вѣка и, притомъ, какъ и сами норманны, не по одиночкѣ, а сразу цѣлыми кладбищами, что и должно было быть такъ, разъ норманны жили въ губерніи и имѣли свои поселенія. Въ послѣднемъ же, кажется, трудно сомнѣваться не только въ силу говореннаго выше, но и вслѣдствіе существованія въ губерніи селеній съ такими характерными названіями, какъ Гартово (въ Роман. и Яросл. у.у., подъ 56°38' З. Д. отъ Фер. 57°44' С. Ш.; 56°53' З. Д. 57°26' С. Ш.), Барлово (Даніл. у. 57°58' З. Д., 58°8' С. Ш.), Редриково ³⁾, Эрихово или Эрихова слободка ⁴⁾ (Яросл. у. 57°00' З. Д. 57°25' С. Ш.), д. Варягово (въ приходѣ с. Воздвиженскаго Ром. у.), огромное болото Варегово въ томъ же у. и проч. Правда, селеній съ подобными названіями въ губерніи не много, но во 1-хъ, и норманны полновластно и неограниченно господствовали въ ней, сравнительно, не долго, во 2-хъ, многіе

¹⁾ Матер. по арх. Кавказа, в. VIII, стр. 218, р. 186; стр. 315, р. 246, 247.

²⁾ Какъ свидѣтельствуютъ найденныя въ курганахъ восточныя монеты.

³⁾ И въ Ростовскомъ уездѣ; верстѣ 8 отъ с. Ильинское-Холманское, на Суздальской границѣ. (Алф. указатель селеній Яр. губ. А. П. Крыловъ, стр. 267).

⁴⁾ Отъ с. Тушино (близъ Волги) въ Ю.-В. верстахъ въ 14.

изъ нихъ, несомнѣнно, жили въ мѣстныхъ инородныхъ селеніяхъ ¹⁾ и въ 3-хъ, наконецъ, нѣкоторыя изъ норманскихъ селеній могли перемѣнить свои названія или сохранить только мѣстныя, утративъ норманскія, какъ чуждыя. Это особенно могло имѣть мѣсто по отношенію къ сравнительно молодымъ норманскимъ селеніямъ. Кромѣ того, норманскія селенія могли называться отъ туземцевъ общимъ именемъ. Таковыми, по всей вѣроятности, являются всѣ или большинство селеній, носящихъ названія отъ норня русс.: ²⁾ Русаново, Русилово, Русово и проч. ³⁾, которыхъ довольно много и которыя едва ли называли бы такъ въ своей стращѣ сами руссы, если бы только этими руссами были славяне, а не варяги—норманны ⁴⁾. Примѣромъ первыхъ можетъ, кажется, служить д. Кузнечиха (при ней с-цо Михайловское), находящаяся около Михайловскаго курганнаго владбища. Здѣсь не только должно было существовать норманское селенье, насыпавшее это большое владбище, но оно было и древнѣйшимъ изъ такихъ въ губерніи, ибо въ Михайловскихъ курганахъ найдена мною древнѣйшая для губерніи курганная монета (Васита 712 г. по Р. Х., 94 г. Гедржи). Недалеко отъ Михайловскаго владбища расположены и двѣ деревни съ названіями Русаново,—одна въ приходѣ Яковлевской слободы, другая въ приходѣ с. Печелокъ.

Такъ какъ норманны явились въ край не поселенцами, а завоевателями—владыками, то понятно, что первое время не они къ туземцамъ, а послѣдніе къ нимъ должны были примѣняться. И такъ какъ похоронные обряды у обоихъ были въ существѣ одинаковы, а различіе лишь въ подробностяхъ ⁵⁾, то этимъ и объясняется то обстоятельство, что

¹⁾ Въ Ростовѣ Рюрикомъ посажены норманны; норманны, насыпавшіе огромное Больше-Тимеревское владбище (Яр. у.), жили, конечно, недалеко отъ него, очень возможно, въ д. Большое Тимерево, расположенной на высокомъ холмистомъ берегу Которости, съ котораго видно за 25—30 верстъ въ три стороны. Селеніе это удержало до нынѣ свое финское названіе. По Шафарнику (Отрывки изъ изсл. о вар. вопр. С. Геденовъ, стр. 24) въ Словкичахъ былъ около 838 г. гор. Росторфъ (Rostorf), не есть-ли ярославскій Ростовъ, превзошедшій, какъ Ростофъ, обручъное Росторфъ или Росдорфъ? Слово «варяги» писалось въ лѣтописяхъ и «варегы» (тамъ же, стр. 149).

²⁾ Нѣкоторыя изъ нихъ могли быть и славянскія Руса, т. е. южныхъ, днѣпровскихъ выходцевъ.

³⁾ Точно также, какъ есть селенія съ названіями: Татарскія, Татарка, Пачово, Пачино, Пачы и пр.

⁴⁾ Какой смыслъ назвать какое либо селеніе русскимъ или человѣка—русинкомъ, Русановымъ, когда всѣ они русскія? Но большой смыслъ назвать селеніе русскимъ (или татарскимъ и пр.), а человека русинкомъ тогда, когда остальные славянскіе. И лѣтописи, и Русская Правда строго отличаютъ руссовъ отъ славянъ: ищите преправочаты Руси, а словѣномъ хрощійныи; отъ варягъ бо прозвашася Русью; древляне прямо не считаютъ себя русскими: се князь убихомъ руслато, поминати жеку его... 80 гривенъ за голову,—аще будетъ русинъ... лю-бо словеннъ,—то 40 гривенъ.

⁵⁾ И тѣ, и другіе жглы мертвыхъ; у славянъ этотъ обычай, суда по даннымъ язва, едва-ли не заимствованъ, но у кого и когда, сказать трудно.

славяне, сравнительно, легко и скоро усвоили себѣ норманскіе похороны, смѣнивъ свои столбы на курганы. Очень возможно, что тѣ курганы сожженія, въ которыхъ горшокъ съ прахомъ помѣщенъ не глубоко отъ вершины кургана, принадлежатъ именно покорманенымъ славянамъ. Съ дальнѣйшимъ ходомъ усвоенія норманскаго похороннаго обряда постепенно утратился сперва горшокъ и прахъ сожженнаго начали влзать въ вершину кургана просто въ ямку, а затѣмъ и со-всѣмъ оставлять на кострицѣ.

Не буду вновь говорить о черепахъ, ибо раньше уже сказалъ что они или норманскіе, или покорманенные ¹⁾.

Подводя итогъ всему изложенному, получимъ слѣдующій отвѣтъ на поставленный въ заголовкѣ вопросъ: курганы въ Ярославской губерніи первыми начали насыпать норманны, или лѣтотисные варяги, поселившіеся въ ней не позже VIII в. по Р. Х. Большинство ярославскихъ кургановъ сожженія VIII и IX в.в. принадлежатъ именно норманнамъ. Отъ послѣднихъ курганы постепенно заимствованы туземцами, славянами и финнами ²⁾ и съ X в. (конца) преобладаютъ въ губерніи курганы уже славянскіе, но вмѣстѣ съ ними встрѣчаются и финскіе (порусьинныхъ финновъ).

И. А. Тихоміровъ.

¹⁾ За исключеніемъ среднеголовыхъ; короткоголовыхъ пока не извѣстно.

²⁾ Ярославскіе финны едва-ли когда нибудъ имели своихъ похоронныхъ, такъ какъ этотъ обычай не могъ найти никакой опоры въ нѣмъ прошломъ и въ ихъ мировоззрѣніи, но курганы заимствовать имъ было не трудно, такъ какъ они и раньше, до норманновъ, закапывали мертвыхъ или замкивъ, или деревомъ.